

ISSN 2076-3468

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

ВЫПУСК 24

МІНСК
2023

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК. Выпуск 24

ISSN 2076-3468

9 772076 346009

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

INSTITUTION «BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE»

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 24

Minsk
2023

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА «БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ»

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 24

Мінск
2023

УДК 930.25(476)(058)

У дваццаць чацвёртым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» змешчаны артыкулы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, гісторыі дзяржаўных і архіўных устаноў Беларусі і замежных краін. Публікуюцца дакументы па гісторыі архіўных устаноў Беларусі XVI ст. Змешчаны даклады, прадстаўленыя на навукова-практычнай канферэнцыі «Архівы — інстытут гістарычнай памяці» (Мінск, 6 кастрычніка 2023 г.).

Штогоднік прызначаны для археографістаў, архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), А. Л. ВОІНАЎ, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
Р. С. ЖАЎНЯРКЕВІЧ, С. М. КАШТАНАЎ, В. А. КОСМАЧ, М. В. ЛАРЫН,
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, С. В. КУЛШНОК, А. М. САРОКІН,
А. У. ХМЯЛЕЎСКАЯ, М. Ф. ШУМЕЙКА

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, дацэнт *А. А. Мяцельскі*,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *В. Л. Насевіч*

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук

© БелНДДАС, 2023

АРТЫКУЛЫ**М. Ф. Шумейко,**

*ведущий научный сотрудник учреждения
«Белорусский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: jesti@inbox.ru*

**ТИПЫ, ВИДЫ И ФОРМЫ
ЭЛЕКТРОННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТОВ**

Начавшаяся после 1991 г. «археографическая революция» была рождена, по мнению современного российского историка, «соответствующими процессами, протекавшими в исторической науке, архивном деле, издательском деле» [25, с. 99], а наступающая нынешняя вызвана широким внедрением современных технологий в практику работы занимающихся археографической деятельностью учреждений и отдельных лиц.

Цифровая эпоха, в которую вступило человечество, затронула все сферы его жизнедеятельности. Не стала исключением и прикладная археография, цель которой — выявление, описание и публикация документов ретроспективного характера, хранящихся как в архивах, музеях, библиотеках, так и находящихся в среде бытования.

Переход на безбумажный документооборот с последующим архивным хранением части создаваемой документальной продукции создаст в ближайшем будущем значительную источниковую базу, выступающую в качестве потенциального объекта публикации. С другой стороны, уже в настоящее время государственные архивы, а также сохраняющие письменные и аудиовизуальные источники музеи и библиотеки активно занимаются их оцифровкой с целью последующего предоставления цифровых копий документов не только для исследований, но и для публикаций. Об этом шла речь на круглом столе по проблеме «Историк, источник и Интернет», прошедшем в рамках VII конференции Ассоциации «История и компьютер» (Подмосковье, 6—9 апреля 2000 г.). Состоявшаяся дискуссия выявила многие проблемные точки в области электронных публикаций документов. Отмечалась, например, недостаточная их археографическая подготовка, неопределенность с авторскими правами, ограниченность научно-справочного аппарата, опасность утраты электронных документов и т. п. [14]. Данным проблемам посвящен ряд статей российских и белорусских историков и архивистов [7; 11; 12; 15; 26; 30].

Большие перспективы для развития электронных публикаций документов обозначены в проекте Сбербанка России «Digital Pётр», в основу которого положены разработанные алгоритмы, с помощью которых нейросеть распознает оригиналы рукописей Петра I [32]. На состоявшемся 11 февраля 2023 г. в Российской академии народного хозяйства (г. Москва) семинаре «Искусственный интеллект в исторических исследованиях: автоматизиро-

ванное распознавание текстов рукописных исторических источников» руководители созданной в Институте истории РАН (СПб.) рабочей группы по реализации этого проекта Т. А. Базарова и М. Е. Проскурякова в докладе «Распознавание рукописей Петра I с помощью компьютерного зрения» подтвердили, что искусственный интеллект распознает почерк Петра I с точностью в 90 и более процентов.

Таким образом, можно говорить не только о складывающихся условиях для подготовки электронных публикаций документов, но и об их реальном существовании одновременно с традиционными (бумажными). Заметим, кстати, что в отличие от отмененных приказом Федерального архивного агентства России от 8 октября 2020 г. № 131 «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), в которых речь шла о подразделении нетипографского способа издания на кинематографический и звуковой*, пишущий эти строки в учебном пособии по археографии добавлял к ним еще и *электронный* [29, с. 325].

Белорусские, равно как и российские археографы-практики, имеющие дело с ретроспективной информацией, достаточно осторожно относятся к электронному способу публикации исторических документов в отличие от своих коллег, работающих с оперативной документацией. Последние, например, отказались от традиционной публикации главного официального издания страны — «Национального реестра правовых актов Республики Беларусь», переведя его на электронный портал «*pravo.by*». Энциклопедисты также предпочитают электронную форму публикаций, более доступную для широкого круга пользователей и к тому же позволяющую при необходимости дополнять ее, не прибегая к затратному переизданию**.

Причины такой настороженности, на наш взгляд, кроются в до сих пор остающихся неясными перспективах длительного хранения электронных документов — будущих (наряду с переведенными в цифру традиционными письменными и аудиовизуальными источниками) объектов электронных публикаций. Они инициируются как опасения российских практиков-архивистов, о чем шла речь выше, так и суждениями авторитетных западноевропейских архивистов (например, Шарля Кечкемети, Лайоша Кёрменди [30] и др.). Последние утверждают, что «то, что мы хотим сохранить, нужно переносить на бумагу, поскольку электронные архивы не хранятся больше какого-то определенного времени и технически возможность доступа к ним постоянно ухудшается» [6, с. 156].

---

* Составители Правил говорили о кинематографическом и звуковом типах, но не о способах воспроизведения [22, с. 14, 18].

** Здесь мы имеем в виду не только главное энциклопедическое издание России — «Большую российскую энциклопедию», но и отраслевые энциклопедии, включая и созданную Российским обществом историков-архивистов и размещенную на его сайте электронную архивную энциклопедию (см.: <https://encarch.kaisa/tu/enc/>).

Данные опасения подтверждаются случаями утраченных электронных публикаций, как это было, например, с 35-м томом «Трудов Историко-архивного института». Изданный только в электронном виде в знаменательный 2000-й год, он исчез, оставив пробел в справочнике, представлявшем собой первый опыт библиографии содержания вышедших «Трудов Историко-архивного института». В предисловии к справочнику составитель вынужден был констатировать, что «том 35 издавался в электронном виде и его содержание осталось нам неизвестным» [27, с. 3].

В личном архиве автора настоящей статьи сохранились лишь титульный лист и предисловие к тому: «Труды Историко-архивного института» (Т. 35: Архивистика на рубеже веков: XX—XXI. Электронная версия. — М., 2020. — [240 с.]). Необходимо отметить, что перевод текста в электронную форму осуществлен Центром информационных технологий; на это же указывает и соответствующий знак охраны авторских прав. Однако это и все, что осталось от тома; тексты авторских статей не сохранены.

Далее следует обратить внимание на терминологические аспекты проблемы. В вышеуказанных «Правилах издания исторических документов в СССР» (2-е, перераб. и доп. изд. М., 1990), равно как и в призванных их заменить «Методических рекомендациях по публикации архивных документов в печатном виде» (М., 2022. — 314 с.), разработанных ВНИИДАД, считается, что конечным результатом публикационной деятельности является вышедшее издание, на которое *могут ссылаться исследователи в своей научной работе* (выделено мной. — М. Ш.). Последний аспект (возможность ссылки) имеет, на наш взгляд, особое значение применительно к электронным публикациям, о чем речь будет идти ниже.

В «Методических рекомендациях по публикации архивных документов в печатном виде» под «документальной публикацией» понимается «документ, сборник или иной комплекс документов, опубликованный в сопровождении элементов, которые содержат дополнительную информацию о документе, являющуюся результатом изучения содержания, внешних особенностей и контекста его создания и бытования» [17, с. 14].

А что понимается под *электронной публикацией документов*? Пока на этот счет нет однозначного и четкого ответа. Приведем далее один из вариантов определения электронной публикации *архивных документов* (здесь и далее выделено мной. — М. Ш.), который со ссылкой на российское учебное пособие по архивоведению [23, с. 347—348] воспроизводит, переведя его на белорусский язык, научный сотрудник БелНИЦЭД, занимающийся, судя по его статьям и плановой работе в центре, проблемами подготовки электронных публикаций архивных документов: «Пад электроннай публікацыяй архіўных дакументаў, — пішэць он, — звычайна разумеюць дакумент (або іх комплекс), падрыхтоўка, аатаванне і распаўсюджванне якога былі рэалізаваны сродкамі сучасных тэхналогій з улікам *метадычных норм на арганізацыі і*

правядзенні археаграфічнай работы. Электронныя публікацыі могуць тыражавацца ў розных формах: на CD, DVD і flash-носьбітах, у фармаце PDF-дакумента або eBook, а таксама ў выглядзе веб-старонак (як спецыяльна аформленых старонак/раздзелаў на сайтах, так і асобных рэсурсаў). Між тым звычайная алічбоўка дакументаў з наступным размяшчэннем у сетцы Інтэрнэт атрыманых копіі не з'яўляецца электроннай публікацыяй. Для гэтага неабходна стварыць максімальна поўнае археаграфічнае апісанне дакумента (як арыгінала, так і электроннай копіі), знайсці прыдатны спосаб яго візуалізацыі, а таксама даць патэнцыйнаму карыстальніку інструментар для вырашэння прафесійных задач у электронным асяроддзі» [18, с. 264].

Данное определение, как видим, не носит оригинального характера; оно опирается на рекомендации по публикации документов традиционными способами — типографским и нетипографским. Учитывает оно, как и в рекомендациях по публикации документов в традиционной форме, и необходимость сопровождения публикуемых документов элементами, которые содержат дополнительную информацию о них. Правда, в нем отсутствует важный для определения электронной публикации элемент, а именно — возможность ссылки на нее исследователей. Вместе с тем позитивным, на наш взгляд, выглядит присутствие здесь характеристики не являющихся электронными публикаций документов в виде размещенных в сети Интернет оцифрованных копий документов. Ведь именно они преимущественно выдаются сегодня за электронные публикации документов.

Что же касается декларируемой в определении электронной публикации необходимости учета методических норм ее подготовки, то, ввиду отсутствия таковых, готовящим электронные публикации документов археографам остается пока что опираться на рекомендации по подготовке документов в печатном виде. Заметим, что нормативные документы об электронных изданиях (российский 2013 г.*) и модифицированный к нему белорусский 2017 г.**, давая определение электронного издания, сориентированы на научную, художественную, рекламную, развлекательную продукцию, но в них не говорится о ретроспективных электронных публикациях документов, являющихся объектом прикладной электронной археографии.

Однако оба эти стандарта (российский и белорусский) достаточно легко, на наш взгляд, адаптируются к электронным публикациям документов. Классифицируя электронные издания по видам, стандарты с учетом их целе-

---

* Согласно ГОСТ Р 7.0.83-2013. «СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения»: «электронное издание: электронный документ (группа электронных документов), прошедший(ая) редакционно-издательскую обработку, предназначенный(ая) для распространения в неизменном виде, имеющий(ая) выходные сведения».

** СТБ 7-38-2017 Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. — Минск : Госстандарт, 2017.

вого назначения выделяют официальные, нормативные, научные, научно-популярные, учебные, справочные и другие издания. Подобная же классификация, как известно, применяется и в публикациях документов ретроспективного характера (за исключением первых двух групп, имеющих четко выраженный оперативный характер).

Тип издания определяется не характером публикуемых документов, а целевым назначением публикации (Русская Правда или Статут ВКЛ публиковались, например, в научных археографических изданиях; наряду с ними, их фрагменты воспроизводились в школьных учебниках, популярной литературе). Опубликованный исторический документ сам по себе не является научным исследованием. Однако дополненный аналитической информацией, созданной публикатором, он становится таковым в изданиях, предназначенных для научных целей. Точно так же можно говорить и о научно-популярных и учебных изданиях, приобретающих в процессе их подготовки аналитическую и справочную информацию в соответствии с запросами их будущих пользователей.

Другое определение электронной публикации документов, к тому же не ограничивающейся архивным информационным ресурсом, содержится в докладе зам. директора ВНИИДАД Е. А. Романовой* «О многообразии термина электронная документальная публикация» на заседании круглого стола «Публикация архивных документов в сети Интернет», организованном ВНИИДАД 20 сентября 2022 г.**

По мнению докладчика, под электронной публикацией документов понимается:

размещение в сети Интернет электронных версий (как правило, макетов) печатных изданий;

публикация документов на страницах в соцсетях;

публикация документов в составе различных интернет-проектов (включая выставки, электронные архивы и др.);

публикация документов в составе НСА (в путеводителях, БД, интегрированных ИПС);

формирование географических информационных систем;

создание фотографических или музыкальных альбомов;

размещение документов в информационной системе «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда РФ»;

---

* Именно под ее руководством были подготовлены вышеупомянутые «Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде».

** К сожалению, информация о нем не нашла отражения на сайте ВНИИДАД. Правда, статья Е. А. Романовой «Электронные документальные публикации государственных и муниципальных архивов в сети Интернет: актуальные вопросы теории и практики», в основу которой положено ее выступление на круглом столе, опубликована в «Вестнике ВНИИДАД» (2022. — № 6. — С. 89—97).

публикация документов в специализированных электронных периодических изданиях.

Здесь, как видим, отсутствуют указания на способы тиражирования электронных публикаций (CD, DVD, flash-карты в формате PDF-документа или eBook), как в приведенном выше примере, и это, вероятно, правильно, учитывая, с одной стороны, отсутствие в них системы гиперссылок, что должно быть характерным для электронных документальных публикаций, а с другой — перевод электронных публикаций на новые, более совершенные носители.

Преимуществами электронной документальной публикации, по мнению Е. А. Романовой, являются:

доступность публикации для пользователя (хотя могут быть установлены и ограничения);

удобство использования:

гиперссылки, позволяющие связать различные элементы публикации или публикацию — с другими публикациями;

возможность параллельного просмотра текста документа и его изображения (звукозаписи);

новые возможности для поиска документов, их систематизация по выбранным параметрам;

новые возможности для автора (составителя) документальной публикации (использование шрифтов, проработка логических взаимосвязей, поисковых инструментов; отсутствие ограничений по объемам публикаций, новые формы публикации аудио- и кино/видео документов, картографических документов, массовых источников).

Проведенный сотрудниками ВНИИДАД под руководством Е. А. Романовой анализ 80 проектов документальных публикаций, именуемых разработчиками электронными (они подготовлены как архивными, так и музейными, библиотечными, академическими учреждениями России), показал, что если общее предисловие имелось у 68 проектов (85%), то их историческая часть присутствовала в 42 (52%), а археографическая — всего в 8 (10%) проектах.

Что касается способов публикации документов, то из 59 текстовых электронных публикаций 35 (60%) представляли только оцифрованные образы документов и лишь 12 (20%) имели гипертекстовое представление и 9 (15%) — параллельное представление текста (оцифрованные образы документов и гипертекстовый формат), 2 проекта содержали оцифрованные образы документа, транслитерацию и перевод на современный русский язык, один проект — только текст в формате DOC и один — параллельные тексты в формате DOC и в формате PDF.

Преимущественным способом передачи текстов являлся дипломатический (35 проектов из 59, что составляет 60%); научно-критический присутствовал в 24 проектах (40%). Возможности оптического распознавания текстов имелись в 20 проектах (33%).

Представление фотодокументов выявило следующую картину. Они содержались в 35 проектах (44%); при этом в 31 указывались не все элементы заголовка, в 11 случаях отсутствовали легенды, в 24 — некоторые ее элементы (указание размера документа, цветности). Ни в одном проекте не использовались как средство представления особенностей фотодокумента цветовая шкала и линейка.

Кино- и видеодокументы содержались лишь в 4 проектах (5%). При этом в двух использовалось частичное воспроизведение, в остальных двух сведения не указывались.

Фонодокументы присутствовали в 7 проектах (9%); в 6 представлены аудиофайлы.

Представляются любопытными итоги проведенного ВНИИДАД анализа параллельных публикаций и новизны проектов. Было установлено, что параллельное печатное издание имеют всего лишь 3 проекта («Отечественные архивы», «Эхо веков» и «Без срока давности»^{*}). Что касается новизны проектов и состава опубликованных в них документов, выяснение этих вопросов оказалось самым сложным: в подавляющем большинстве случаев (62 проекта, 78%) подобные сведения не приводились. Заметим, что это характерно и для традиционных публикаций, когда в легендах не указываются предыдущие публикации.

Среди наиболее интересных были названы проекты ИРЛИ (Пушкинского дома), Российской национальной библиотеки, Российского исторического общества, Московского, Петрозаводского университетов, Фонда «Демократия». Среди архивных был назван картографический проект РГАДА; что же касается других, в том числе и региональных архивных проектов, была отмечена сложность проведения выборки ввиду их многочисленности.

Таким образом, приводимые на круглом столе данные свидетельствуют о преобладающем отношении к электронным публикациям письменных, аудиовизуальных документов как к представлению их цифровых копий без должного археографического сопровождения или представления в электронной форме опубликованных традиционным способом документов (в форме сборников, моноизданий, приложений и др.).

Более того, выступавшая с докладом «Публикации архивных документов в сети Интернет, а есть ли они?» член Комиссии по научной и методической работе Росархива д. и. н. Ю. Ю. Юмашева отметила, что среди просмотренных ею публикаций *нет ни одной*, которая в полной мере реализовывала бы все преимущества сетевой публикации. Между тем, по ее мнению, электронные публикации в Интернете, существенно отличаясь от традиционных именно благодаря различным технико-технологическим аспектам, делают их интерактивными и доступными для неограниченного количества читателей.

---

^{*} Этот перечень, на наш взгляд, можно было бы дополнить журналом «Вестник архивиста».

В другом своем докладе «Археография в электронной среде: опыт публикации архивных документов» на II Петербургском историческом форуме (10—16 октября 2022 г.) Ю. Ю. Юмашева привела данные, свидетельствующие о том, что среди видов электронных публикаций архивных документов подавляющее большинство (98%) составляют факсимиле [34].

Принимая во внимание эти наблюдения, попытаемся далее проанализировать состояние прикладной электронной археографии в Беларуси. В качестве предварительных соображений отметим, что в целом это состояние совпадает с приведенными выше выводами российских коллег. В Беларуси, как и в России, параллельно с традиционными развиты публикации документов в электронном виде, а также в виде факсимиле, не сопровождающиеся воспроизведением текста шрифтовым способом и потому свободные от гиперссылок, адекватных примечаниям по содержанию в традиционных публикациях, а также текстуальных примечаний, обозначающих неисправности/особенности текста. Хотя, на наш взгляд, для пользователя прежде всего важно иметь перед глазами образ представляющего для него интерес документа в виде факсимиле (цифровой копии), сопровождаемый точной легендой; что же касается дополнительной информации, заключенной в составленных археографом предисловиях (общей историческом и археографическом), текстуальных примечаниях и примечаниях по содержанию, безусловно обогащающих публикуемый документ, то она важна больше для публикатора, нежели для пользователя публикации.

Одной из первых в Беларуси публикацией документов в электронном виде стала появившаяся в 2000 г. на компакт-диске 28-я книга записей Литовской Метрики (1522—1552). Инициатором ее подготовки выступил негосударственный центр *Athenium*. Электронная версия была создана путем записи на диск изданной традиционным (бумажным) способом книги записей, представляющей собой пофондовую публикацию и автоматически причисляемой к научному типу издания. Книга записей в течение нескольких лет готовилась к изданию научным сотрудником Института истории НАН Беларуси В. С. Менжинским и лингвистом В. М. Свежинским. Издание ее на компакт-диске рассматривалось как начало создания электронного архива великокняжеской канцелярии [10, с. 9]: Однако эта публикация не получила продолжения, о чем свидетельствует перечень изданных книг Метрики, размещенный на сайте Института истории НАН Беларуси [35].

Обратимся далее к основному электронному ресурсу архивной отрасли — сайту «Архивы Беларуси», на котором в рубрике «Тематические разработки архивных документов и базы данных» размещены сгруппированные в три раздела («Исторические события», «Выдающиеся личности», «Культура») 7 выставок в первом разделе, 14 — во втором, 8 — в третьем, а также проект ЮНЕСКО «Документальное наследие Речи Посполитой» и база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной вой-

нь». Технологическая подготовка их осуществлена БелНИЦЭД; документы, цифровые копии которых экспонируются на выставках, выявлены и представлены архивными учреждениями республики (кроме проекта ЮНЕСКО, в котором кроме Беларуси участвовали архивные, музейные и библиотечные учреждения ряда европейских стран).

В первом разделе представлены носящие тематический характер выставки: 1) «Юридические основы управления белорусскими землями в XIV—XVIII вв.»; 2) «Война 1812 г. на территории Беларуси»; 3) «Восстание 1863—1864 гг. на территории Беларуси»; 4) «Первая мировая война на территории Беларуси»; 5) «Становление белорусской государственности в 1918—1920-е гг.»; 6) «Великая Отечественная война. Беларусь»; 7) «Партизанские зоны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны». Три из них (2—4) основаны на изданных НИАБ сборниках документов (учитывают их структуру, НСА и состав документов).

Рассмотрим в качестве примера выставку «Становление белорусской государственности в 1918—1920-е гг.», тема которой также нашла освещение во многих традиционных документальных публикациях. Она открывается носящей характер общеисторического предисловия обзорной справкой «История вопроса», которая завершается хроникой событий*, перечнем источников и литературы по теме, включая и интернет-ресурсы.

Собственно архивные документы и материалы, равно как и тексты ранее публиковавшихся материалов, поделены на несколько разделов:

Предпосылки, способствовавшие возникновению государственных образований на этнической территории Беларуси в 1918—1920 гг.

Процессы, обуславливавшие национально-государственное строительство на этнической территории Беларуси в 1918—1920-х гг. (они расположены в хронологическом порядке: 1918 г., 1919 г., 1920 г., 1921—1928 гг.).

Деятели белорусского национального возрождения и государственно-го строительства в 1918—1920-х гг.

Отражение в литературе, искусстве и топонимике процесса становления белорусской государственности в 1918—1920-х гг.

К первому разделу составлен подраздел «Дополнительные архивные документы и материал», в котором содержатся гиперссылки на размещенные на этом же сайте выставки о Первой мировой войне, Е. Ф. Карском, М. В. Довнар-Запольском, а также изданный в 2012 г. БГУ первый том двухтомного сборника документов «Государственные границы Беларуси (май 1917 г. — ноябрь 1926 г.)» (воспроизводится 8 документов в формате PDF из этого сборника).

---

* С марта 1917 г. по декабрь 1920 г. хроника носит довольно подробный характер, а затем лишь фиксирует отдельные события (вплоть до сентября 1939 г.). При этом в ней присутствуют и явные ошибки: так называемое «второе укрупнение БССР» в ней отнесено к 1927 г., хотя, как известно, оно произошло годом ранее.

И завершает выставку раздел «Архивные издания», названный представительской информацией. В него включены 18 печатных изданий, содержащих сведения о разработанных с участием сотрудников белорусских архивных учреждений и/или об имеющихся в архивах Беларуси документах и материалах, касающихся вопросов становления белорусской государственности в 1918—1920-х гг. Непосредственно теме выставки посвящены подготовленный сотрудниками НАРБ сборник документов «1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии» (Минск: Лимариус, 2005) и справочник «Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917 — 1920 гг.)» (Минск: БелНИИДАД, 2017), подготовленный коллективом сотрудников БелНИИДАД под руководством С. С. Рудовича.

Как отмечают составители, «другие архивные издания, как правило, только частично (в большей или меньшей мере) содержат необходимую информацию». В основном это путеводители и справочники по фондам архивов, в которых находятся представленные на выставке документы, начиная от путеводителя по ЦГАОР БССР 1967 г. издания до 2-й части справочника БГАКФФД (по фондодокументам), увидевшего свет в 2013 г., а также изданная в 2007 г. опись фонда ЦК КП(б)Б за довоенный период.

Всего на выставке экспонируется 450 документов и материалов, включая 78 фотографий и 11 карт, в виде их цифровых копий из фондов 12-ти архивных учреждений: Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской и Могилевской областей, государственных архивов общественных объединений Гродненской и Гомельской областей, а также Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации.

«Для освещения некоторых ключевых вопросов, — отмечают составители, — были привлечены материалы, опубликованные в академических, энциклопедических, архивных, других изданиях и в средствах массовой информации. В частности, более 200 документов и материалов (в основном из фондов Национального архива Республики Беларусь) из сборника «Государственные границы Беларуси» (Т. 1 (май 1917 — ноябрь 1926) / сост. В. Е. Снапковский [и др.]. — Минск: БГУ, 2012. — 195 с.) представлены в различных разделах рубрики в качестве дополнения».

Характеризуя данную выставку, нельзя не отметить (это признают и сами ее разработчики) наличия значительного количества ранее публиковавшихся документов. Можно также говорить о не всегда высоком качестве цифровых копий, что относится уже к проблеме выбора основного текста публикуемых документов.

Так, одни из важнейших, применительно к теме выставки, источников (Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства БССР от 1 января 1919 г. и Декларация о провозглашении независимости БССР от 31 июля 1920 г.) представлены далеко не лучшими экземплярами с точки зрения качества исполнения документов, но не только. Первый дается в трех вариантах плохо читаемого текста на белорусском языке (в форме листовки, изготовленной сразу же после принятия Манифеста, фотокопии, сделанной в 1929 г. к 10-летию БССР с рукописного текста, выполненного автором Манифеста Д. Ф. Жилуновичем, и печатным текстом, помещенным 3 января 1919 г. в газете «Звезда»). Между тем в личном фонде И. Сталина (РГАСПИ, г. Москва) хранится рукописный текст Манифеста хорошего качества с имеющимися на нем штампом Музея революции БССР и разборчивыми, в отличие от публикации 1929 г., правками на русском языке. Фонд оцифрован и выставлен на сайте «Архивы России» (портал «Документы советской эпохи») [36]. В НАРБ находится хорошего качества машинописный автограф Манифеста на русском языке с правками, сделанными лицами, его подписавшими*.

Еще больше не повезло Декларации о провозглашении независимости Беларуси. Она представлена хранящейся в НАРБ (ф. 35, Управление милиции МВД БССР) машинописной копией, заверенной управляющим делами Мингубревкома. Этот вариант Декларации действительно датирован 30 июля 1920 г. (как и помечено в заголовке документа, представленного на выставке) и *не соответствует* (выделено мной. — *М. Ш.*) официальному тексту этого важнейшего документа, принятого лишь на следующий день, 31 июля 1920 г. Между тем как в НАРБ (ф. 60-п, Истпарт Беларуси) хранится машинописный автограф Декларации, подписанной 31 июля 1920 г. И. Смилой, В. Кнориным, А. Червяковым (за ЦК КП(б)ЛиБ), А. Вайнштейном (за ЦК Бунда), В. Игнатовским (за ЦК Белорусской коммунистической организации) и Ароном Криницким-Бампи (за Центральное бюро профсоюзов г. Минска и Минской губ.). Декларацию не подписывал, как следует из представленного на выставке машинописного заверенного текста, руководитель ЦК Белорусской партии эсеров П. Трофимов (его фамилия в окончательном тексте вычеркнута)**. Таким образом готовившие выставку, равно как и юбилейное издание [1, с. 140], включая и автора этих строк, невольно ввели в заблуждение и посетителей, и читателей. (Заметим, что эти же варианты Декларации и Манифеста представлены и в создаваемом по поручению Премьер-министра

---

* Обо всем этом идет речь в сборнике документов «1 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии» (Минск, 2005. — С. 12—27), который присутствует в данном проекте в разделе «Архивные издания».

** Подробнее о перипетиях, развернувшихся накануне принятия Декларации, см.: Шумейко М.Ф. Именем рабочих и крестьян // Политический собеседник. — 1991. — № 7. — С. 28—30.

Республики Беларусь проекте «Документальная летопись Беларуси», размещенном на сайте «Архивы Беларуси» [37]*).

Второй раздел можно рассматривать в качестве аналога традиционных публикаций документов одного лица. Среди последних: М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Карский, И. Домейко, Н. Орда, Б. Кит, Я. Балглей, В. Дунин-Марцинкевич, Б. Эпимах-Шипилло, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, В. Быков, В. Короткевич, участники партизанского движения в Беларуси — руководители БССР и СССР в 1950—1970-е гг. Отметим, что на выставки о Домейко, Орде, Ките, Балглее даются лишь носящие характер общесторических предисловий обзорные справки и перечни документов, в то время как на остальные — кроме справок — цифровые копии документов, сопровождаемые заголовками и легендами. Информация о структуре выставки помещена в составительской справке «О проекте», напоминающей археографическое предисловие в традиционной публикации.

Например:

Е. Ф. Карский: основные события жизни и деятельности (биографическая справка)

Архивные документы и материалы о Е. Ф. Карском (выставка)

История семьи и личная жизнь

Учеба

Деятельность в сфере образования

- Научная деятельность
  - *Организация работы*
  - *Творческие связи*
  - *Научные труды*
- Общественная деятельность
- Оценка деятельности Е. Ф. Карского
- Память об Е. Ф. Карском

О проекте

Английская версия

Условные сокращения, использованные в материалах проекта.

Из других проектов, размещенных на общереспубликанском архивном сайте и имеющих признаки электронных публикаций документов, укажем на носящий название «Боевая летопись партизан Беларуси» [38]. Целью его является опубликование всех 115 оперативных сводок БШПД, составлявшихся начиная с 10 октября 1942 г. (сводка № 1) и по 20 июля 1944 г. (сводка № 115). Все они в хорошо сохранившемся состоянии находятся в одном

---

* Данный проект также следует рассматривать в качестве публикации документов в электронном виде. В нем, помимо цифровых копий документов, приводятся их заголовки и легенды.

архивном деле (НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 846*) и с точки зрения выявления, отбора, равно как и комментирования, не представляли никаких проблем для составителей. Более того, сводки за январь—июль 1944 г. (№ 75—115) уже опубликованы в книжной форме в сопровождении именного, географического указателей, а также текстуальных примечаний, отсутствующих в уже напечатанных электронным способом сводках за 1942 г. и начало 1943 г. [20]. Кроме того, они, равно как и сводки за 1942 и 1943 гг., опубликованы еще и на оптических дисках, подготовленных НАРБ совместно с НББ, что не может не вызывать вопроса относительно целесообразности многократного переиздания одних и тех же документов.

От этого, не носящего оригинального характера, проекта выгодным образом отличается серия виртуальных выставок, объединенных названием «Огненные смерчи на белорусской земле» [39]. Она включает выставки «1812 год», «Первая мировая война», «Великая Отечественная война» (первые две готовились сотрудником НИАБ С. Н. Рындиным; вторая — совместно с сотрудником БГАКФФД Е. И. Третьяк; третья — сотрудником НАРБ М. А. Старостенко). Разумеется, все они имели аналоги в виде традиционных публикаций, особенно две первые [2; 3]; тем не менее, составители попытались наполнить их оригинальными документами (две первые с указанием в легендах на места их хранения; в третьей присутствуют «водяные знаки» архива).

100-летний юбилей архивной службы Беларуси вызвал появление на сайте ряда выставок, именуемых «виртуальными», «интернет-проектами» и т. п. В 2021 г. все государственные архивные учреждения подготовили и разместили на общереспубликанском архивном сайте презентации о своих архивах, которые в определенной степени также можно квалифицировать как публикации документов в электронном виде. Основанием для такого утверждения служит то обстоятельство, что в большинстве презентаций присутствуют цифровые копии текстовых и визуальных документов (с легендами или без оных). В общей сложности экспонируется свыше 1100 слайдов, большинство которых (около 800) принадлежит областным и зональным архивам. Среди презентаций республиканских архивов ближе всего к электронным публикациям находится проект БГАНТД. Все представленные в нем цифровые копии документов имеют заголовки и легенды, в отличие от презентаций остальных архивов этой категории.

Весьма информативной представляется презентация БелНИЦЭД, единственная снабженная «водяными знаками» с изображением логотипа юбилея архивной службы. И хотя на ней, в отличие от презентаций архивных учреждений, отсутствуют оцифрованные копии документов, тем не менее здесь

---

* Отсюда оправдан отказ составителей от сопровождения цифровых копий документов легендами; они указаны в предисловии ссылкой на одно-единственное дело фонда БШПД. Номера листов документов в деле и их автографичность представлены de visu.

приводятся названия методических разработок центра по проблемам работы с электронными документами, сведения о разработке интернет-проектов и др.

Из презентаций местных архивных учреждений выделяется проект ЗГА в г. Молодечно. В нем имеются не только легенды к текстовым и визуальным документам, но и гиперссылки на подготовленные архивом и размещенные на его сайте интернет-выставки (к 75-летию, 80-летию архива, 80-летию его директора Р. Ф. Герасимовича и др.).

Заслуживает внимания носящая мемориальный характер интернет-выставка «Архивисты-победители» (об архивистах — участниках Великой Отечественной войны). На ней в виде биограмм, фотопортретов, цифровых копий листков по учету кадров, автобиографий, наградных листов и других снабженных легендами документов приводятся сведения на более 140 ветеранов архивного дела. Выставка содержит гиперссылки на сайты главных управлений юстиции всех шести облисполкомов, где также размещены аналогичные выставки, дополняющие общереспубликанскую.

Обобщающий характер носит виртуальная интернет-выставка «История нашей памяти», подготовленная Департаментом (технологическая реализация проекта осуществлена БелНИЦЭД) в 2022 г. к 100-летию архивной службы. Она содержит цифровые копии 104 письменных, 56 фото- и 3 фондо- документов, включенных в перечень.

В размещенной на главной странице информации «О проекте» отмечается, что подготовленная БелНИЦЭД к 100-летию национальной архивной службы Республики Беларусь выставка является первым виртуальным меж-архивным проектом, цель которого — ознакомить широкую общественность, исследователей и всех заинтересованных лиц с документами Национального архивного фонда, отражающими историю отечественной архивной службы с момента ее официального основания 12 сентября 1922 г. по настоящее время.

Выставка состоит из четырех тематических разделов: «Становление (1922—1941)», «Война (1941—1945 гг.)», «Созидание (1945—1991 гг.)», «Независимость (с 1991 г.)». Все цифровые копии документов размещены в хронологической последовательности и снабжены заголовками и легендами. Фото- и видеоматериалы, также снабженные заголовками и легендами, вынесены в отдельный раздел «Медiateка». Список всех экспонируемых цифровых копий документов представлен в разделе «Перечень документов».

Раздел «История» выполнен в форме мини-исследования об истории архивной службы Беларуси, разделенного на соответствующих четыре тематических раздела. Оно носит характер общеисторического предисловия, опирающегося на современные исследования. Заключительный раздел «Белорусская архивная служба сегодня» представлен фотоснимками об участии руководителей архивной службы в международной деятельности. Две последние фотографии запечатлели итоговые заседания коллегии Департамента в январе 2021 г. и январе 2022 г.

Учитывая оперативный характер визуальных документов, последние не сопровождаются легендами. То, что разработчики интернет-проекта ограничились 2007 годом в качестве верхней хронологической рамки раздела «Независимость», вполне обосновано; это, на наш взгляд, дает основание причислить его к археографической публикации, поскольку не принятые на хранение в НАРБ документы Департамента начиная с 2008 г. еще не приобрели ретроспективного характера.

Квалифицируя данный интернет-проект как публикацию документов в электронном виде и оценивая его в целом позитивно, в то же время нельзя не высказать в адрес составителей ряд замечаний. Прежде всего — выбор объекта публикации. Он по-прежнему остается самым «слабым звеном».

Опираясь на имеющуюся в республике историографическую традицию в части освещения истории отечественного архивного дела («Очерки истории архивного дела в Беларуси», учебные пособия по архивоведению и т. п.), а также на уже введенные в научный оборот источники этой проблематики (сборники документов «Архивное дело в БССР (1918—1968)», «Архивная справа на Беларуси ў дакументах і матэрыялах (1921—1995 г.)», «Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. — 1969 г.)» и др.), составители, на наш взгляд, не всегда эффективно использовали этот ресурс. Обращение к названным работам помогло бы им не только более четко конкретизировать объект публикации, но и избежать некоторых ошибок, к сожалению, встречающихся в проекте.

Укажем лишь на некоторые из них.

Так, самый главный для данного проекта документ — «Положение о Центрархиве ССРБ», принятое 12 сентября 1922 г. и давшее основание для создания отмечающей 100-летний юбилей архивной службы, составителями датируется 28 сентября 1922 г. [40]. Причиной данной ошибки стал формальный подход: действительно, машинописная копия Положения поступила в Инспекцию научных учреждений Наркомпроса Беларуси 28 сентября 1922 г., где ее гербовой печатью заверил секретарь, сделавший при этом соответствующую помету: «Центроархив. 28/IX 1922: вх. № 76». Однако, несмотря на ее наличие, датой принятия Положения, конечно же, является 12 сентября 1922 г.!

Под № 19 (по Перечню) публикуется вырезка статьи «Века в документах» из названной составителями «неизвестной газеты 1926—1927 гг.». Возникает вопрос: а нужно ли было включать носящую второстепенный характер статью, к тому же из неустановленной газеты? Аналогичное замечание по следующему документу. Под № 20 также публикуется вырезка из «неизвестной газеты 1926—1927 гг.», в которой помещен текст Положения о ЦАУ БССР и его органах, принятого 8 декабря 1927 г. В сборнике «Архивное дело в БССР (1918—1968)» документ публикуется по официальному изданию — Собранию законов БССР; в легенде указывается и его публикация в газете «Савецкая Беларусь» 16 декабря 1927 г., № 285. Именно такой номер и читается на вырезке статьи, помещенной на выставке; достаточно было обра-

титься к сборнику, чтобы устранить из заголовка «неизвестную газету». Имеет место путаница с заголовками публикуемых в первом разделе нескольких документов, относящихся к созданию в 1940 г. архивов в Западной Беларуси.

Раздел «Война» открывается документом из Госархива Минской области. Это — рукописный список работников Минского государственного архива на получение продуктовых карточек, составленный в июле 1942 г. с заделанной подписью исполнявшей должность директора Я. В. Менжинской. никоим образом не ставя под сомнение право составителей публиковать и этот документ, составленный человеком, осужденным в 1945 г. советскими правоохранительными органами за «сотрудничество с оккупантами», а затем полностью реабилитированным, в то же время нельзя не отметить, что есть и другие, более яркие и более информативные документы, свидетельствующие о судьбе белорусских архивов в начальный период Великой Отечественной войны. В их числе — докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко от 18 августа 1941 г. об итогах эвакуации из Беларуси [4, с. 14—15], стенограмма заседания СНК БССР от 21 августа 1942 г., на котором был рассмотрен вопрос об эвакуированных из Беларуси архивах [4, с. 148—152], воспоминания заведующего партийным архивом ЦК КП(б)Б Ф. О. Попова о вывозе архива в первые недели войны из Могилева на Восток [19], докладные записки одного из руководителей архивной службы Беларуси П. П. Старовойтова в вышестоящие архивные инстанции, а также его воспоминания, написанные вскоре после освобождения Минска летом 1944 г. [13, с. 251—254], и др.

На главной странице интернет-проекта помещена информация об условиях пользования ресурсом. В ней, в частности, говорится: «При публикации материалов сайта, упоминании и цитировании материалов обязательна ссылка на сайт с указанием интернет-адреса материала. Публикация цифровых копий архивных документов допускается только с разрешения архивов, в которых они хранятся» [40]. Однако ни одна из публикуемых на сайте цифровых копий документов не имеет «водяного знака» архива, в котором находится оригинал, что создает возможность создания множества копий с последующей их публикацией, без указания на интернет-адрес.

Среди находящихся на сайте «Архивы Беларуси» других публикаций в электронном виде следует назвать размещенные на странице «Археография» полные версии (в формате PDF) всех 23 выпусков «Беларускага археографічнага штогодніка», что не только облегчает доступ к ним пользователей, но и способствует популяризации этого продолжающегося издания, помещающего на своих страницах оформленные с соблюдением всех археографических норм документальные публикации, а также научные статьи по проблемам теории и истории белорусской археографии, методики публикации документов, рецензии на археографические публикации и др.

К сожалению, подобного нельзя сказать о другом, но уже периодическом издании, также имеющем археографическую составляющую, — журнале

«Архівы і справаводства». Его страница на этом же сайте представлена лишь оглавлением номеров журнала (их на 1 января 2023 г. вышло 144). Между тем, находящийся в подобных же условиях российский аналог — журнал «Отечественные архивы», отмечающий в этом году 100 лет, регулярно размещает электронные версии своего издания, включая полноформатные варианты наиболее значительных статей, информации, документальных публикаций. Потому журнал и имеет высокий рейтинг (включен в ядро РИНЦ, базу данных RSCI), входит в десятку лучших (из 66) издающихся в России исторических журналов. По словам главного редактора, журнал не только способствует развитию теоретических и методических основ архивоведения и документоведения, но служит популяризации архивов и профессии архивиста, является одним из немногих инструментов консолидации архивной отрасли [5, с. 3—4].

На сайте НИАБ также размещены в полном объеме 1—13 вып. (2001—2015 гг.) издающегося архивом сборника научных статей и сообщений «Архиваргус»; последующие выпуски (14—20, за 2016—2022 гг.) представлены титульными листами, резюме, содержанием [42].

Анализ сайтов архивных учреждений, прежде всего ведущих, свидетельствует о наличии и здесь публикаций документов в электронном виде. Здесь же встречается информация об электронных публикациях, размещенных вне сайтов архивных учреждений.

Обращение к сайту НАРБ дает следующую картину. Здесь в формате PDF размещены все шесть (по числу областей) сборников документов «Без срока давности. Беларусь», изданных в печатном виде в 2020—2022 гг. Это — электронная копия оригинального издания, но не электронное издание, поскольку характерной особенностью последнего является наличие выходных сведений, которых здесь нет. Разумеется, данная электронная копия имеет позитивное значение, но не как объект электронной археографии, а как возможность обеспечения широкого доступа пользователей сайта к заключенной в шеститомнике информации.

В разделе сайта «Публикации» выделен подраздел «Электронные публикации», представленный перечнем подготовленных архивом совместно с архивными, а также музейными и библиотечными учреждениями республики (БГАКФФД, БГМИВОВ, НББ) при поддержке Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО электронных публикаций на оптических дисках, о которых упоминалось выше: Подпольная и партизанская печать Беларуси: газеты, листовки, рукописные материалы, стенгазеты [Электронный ресурс]. — Минск: НББ, 2009 (2-е изд. 2010; 3-е изд. 2015). — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння [Электронны рэсурс]. 3-е выд. — Мінск: НББ, 2010. — 1 электрон. апт. дыск (CD-ROM); Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год [Электронный ресурс]. — Минск: НАРБ, НББ, 2019. — 1 электрон. опт. диск (DVD) (Серия

«Партизанский архив»); Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год [Электронный ресурс]. — Минск: НАРБ, НББ, 2020 (Серия «Партизанский архив»); Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год [Электронный ресурс]. — Минск: НАРБ, НББ, 2020. — 1 электрон. опт. диск (DVD) (Серия «Партизанский архив»); Белорусы на целинных землях Казахстана: 1954 г. — середина 1960-х гг. [Электронный ресурс]. — Минск: НББ, 2022. — 1 электрон. опт. диск (DVD).

Разумеется, познакомиться посредством сайта с содержанием этих электронных публикаций документов нельзя, поэтому данная информация представляет сугубо информационный интерес.

В качестве электронных публикаций камерального характера можно в определенной степени рассматривать оцифрованные описи дел, выставленные на сайте (раздел НСА) как этого, так и других, имеющих сайты, архивов (НИАБ, БГАМЛИ, БГАНТД и др.). Ведь если к археографической продукции причисляется изданная в бумажном виде опись дел фонда ЦК КП(б)Б за довоенный период [28] (наряду с путеводителями, справочниками по фондам и т. п.), то почему это нельзя делать по отношению к другим, выполненным в формате PDF и DOC описям? Здесь можно сослаться на мнение авторитетного археографа Д. И. Довгялло, который, выступая в мае 1924 г. на 1-й Всебелорусской конференции архивных работников с докладом «Археографические работы в Белоруссии», включил в перечень археографических изданий не только серийные документальные публикации Витебского центрального архива древних актов — «Историко-юридические материалы» или «Акты Виленской археографической комиссии», но и «Опись документов Виленского центрального архива древних актов», «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», «Описание Витебского церковного древлехранилища» и другие подобного рода издания, не содержавшие текстов документов [21, с. 92—93].

Правда, здесь имеет место одна особенность, которую, на наш взгляд, следует учитывать. Дело в том, что при оцифровке описей с последующим их размещением на сайтах некоторые архивы (например, НАРБ) почему-то исключили из них историко-архивные справки, именные, географические, предметные указатели и другое, тем самым лишив пользователей возможности хотя бы минимально ускорить с помощью этих элементов НСА поиск нужной им информации [16, с. 58—59].

Разумеется, подготовкой электронных публикаций в различных их проявлениях занимаются не только архивные учреждения, но и библиотеки, музеи, сохраняющие письменные и аудиовизуальные документы, а также учреждения образования, использующие публикации в деле подготовки специалистов прежде всего гуманитарного профиля (историков, архивистов, музейных работников, юристов и др.). В большинстве своем эта работа ведется в кооперации

архивных, библиотечных, музейных учреждений. Примером здесь может служить Национальная библиотека Беларуси. Выступая в качестве головной организации, она берет на себя разработку программного обеспечения, привлекая к сотрудничеству архивные, музейные и иные учреждения, предоставляющие как объекты публикации (архивные документы, музейные артефакты), так и продукты интеллектуальной деятельности (научные статьи, обзоры, комментарии и др.). Так, в 2017 г. главной библиотекой страны совместно с Витебской областной библиотекой им. В. И. Ленина, Витебским областным краеведческим музеем, Национальным историческим архивом Беларуси при поддержке Фонда «Русский мир» было подготовлено мультимедийное издание «Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909—1919): документы и материалы» [Электронный ресурс] (1 электрон. опт. диск (DVD-R) [9]. Оно содержит информацию о комиссии: наряду с библиографическими, справочными материалами, научными статьями о комиссии здесь представлены и цифровые копии как изданий самой комиссии, так и хранящихся в ее архивном фонде в НИАБ документов об истории создания, деятельности, лицах, связанных с ней, и т. д. На это издание как на пример неполной электронной публикации обратил внимание упоминавшийся выше К. И. Метелица [18, с. 266], и с этим трудно не согласиться: в нем по причинам технического характера отсутствует система гиперссылок. Однако полнота и продуманность размещения материалов с лихвой компенсируют эти недочеты.

Приведем структуру издания:

1. От составителей

Излагаются цель и задачи проекта.

2. Основные вехи деятельности ВУАК

Публикуются четыре статьи современных витебских и минских историков, заменяющие общесторическое предисловие.

3. Структура комиссии

Приводятся основные структурные образования и должностной состав комиссии и находившихся при ней музея, библиотеки и архива.

4. Персональный состав ВУАК

Помещены выполняющие функцию развернутого именного указателя биограммы (с фотопортретами, библиографией) руководителя комиссии, ее почетных, действительных членов, членов-сотрудников (свыше 300 человек).

5. Документы и материалы

Представлены издания ВУАК, публикации ее сотрудников, цифровые копии архивных документов из фонда ВУАК в НИАБ, снабженные заголовками и легендами.

6. Работы, посвященные деятельности ВУАК

Размещены в хронологическом порядке статьи и информации за 1909—2017 гг., с выделением основных направлений деятельности комиссии.

7. Музейные экспонаты и другие иллюстрации

Приводятся цифровые копии хранящихся в Витебском областном музее письменных и визуальных источников (с легендами), которые играют роль иллюстративного материала в традиционных публикациях.

В этом же году НББ подготовила аналогичное мультимедийное издание о Виленской археографической комиссии [24]. И хотя в нем, в отличие от предыдущего, отсутствуют опубликованные цифровые копии хранящихся в НИАБ документов из фонда комиссии, тем не менее данная публикация представляет большое научно-справочное значение для истории белорусской археографии. В нем впервые собраны воедино не только основные итоги практической деятельности комиссии (39 томов оцифрованных документов основного серийного издания — «Актов Виленской археографической комиссии», более десятка отдельных сборников документов), но и сведения о руководителях, членах комиссии, огромная, тщательно выверенная библиография работ о комиссии и др. Особое место занимает вспомогательный географический указатель, в котором названия топонимов, гидронимов и т. д., встречающиеся в изданных комиссией сборниках документов, локализованы в соответствии с современными административно-территориальным делением и наименованиями.

В качестве примера электронной публикации документов учебного типа можно привести издание альбома палеографических снимков с электронным приложением на CD [8]. Как отмечают в предисловии авторы-составители, снимки не подвергались глубокой технической обработке. «Напрыклад, фон пісьма ... не асвятляўся ... студэнт павінен навучыцца працаваць з пісьмом, якое дайшло да нашых часоў, на матэрыяле рознай якасці і рознай захаванасці» [8, с. 3].

В альбоме публикуется 76 документов широкого хронологического диапазона: начиная с фрагмента Туровского Евангелия XI в., многократно воспроизводившегося в различных изданиях, до носящей оригинальный характер записи с хранящейся в НИАБ книги Полоцкого земского суда 1692 г. Они снабжены заголовками, легендами (для выявленных в НИАБ); для ранее публиковавшихся указываются книга, сборник документов, статья. Шрифтовым способом набраны первые строки факсимильно воспроизводимого текста. Публикацию документов на CD авторы-составители альбома рассматривают как возможность применения компьютерных средств обучения. Правда, эти возможности, на наш взгляд, достаточно ограничены; как выше уже отмечалось, публикации документов на CD, DVD статичны, они не

содержат гиперссылки. В данном же случае пользователь может лишь сравнивать факсимиле документов с воспроизведением шрифтовым способом начальных фраз текста и не более того.

Подводя итоги, отметим следующее. Проанализированные нами публикации документов в большинстве своем вряд ли могут быть отнесены к электронным. Те же из них, которые имеют признаки электронных публикаций, принадлежат к научно-популярным изданиям. Научный и учебный типы представлены единичными публикациями. Что касается видовой принадлежности публикаций, здесь доминируют тематические (в основном юбилейного характера) и издания документов одного лица. Почти не представлены пофондовые и издания документов одного вида. Формой представления являются не характерные для традиционных публикаций выставки, презентации.

Перед работающими в государственных архивах страны практиками-археографами возникает много вопросов, связанных с подготовкой электронных публикаций документов. Они возлагают большие надежды на БелНИЦЭД, разрабатывающий НИР «Применение современных технологий при электронной публикации архивных документов (на примере комплекса документов, посвященных деятельности историка и археографа А. П. Сапунова)». Археографы справедливо полагают, что вслед за ним должны появиться и методические рекомендации по подготовке электронных публикаций документов, которые, аккумулируя пусть пока еще незначительный опыт в этой сфере, вооружат их методическим инструментарием.

Литература и источники

1. Архивы: люди и документы: к 100-летию архивной службы Беларуси/авт. текста, сост.: С. В. Жумарь, А. Е. Рыбаков, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2022. — 287 с.: фото.
2. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914—1918): сборник документов / сост.: В. В. Врублевский [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко (председатель) [и др.]. — Минск: Беларусь, 2014. — 355 с.: ил.
3. Беларусь и война 1812 года: документы. — Минск: Беларусь, 2012.
4. Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г. — Вып. 1. Июль 1941 г. — 1942 г. — Минск: НАРБ, 2010. — 258 с.
5. Бондарева, Т. И. К читателям // Отечественные архивы. — 2023. — № 1. — С. 3—4.
6. «В профессии архивиста нужно всегда идти вперед вместе со своим временем и приобретать новые знания...»: интервью с Шарлем Кечкемети (2019 г.) // История и архивы. — 2022. — № 1. — С. 145—160.
7. Гагарин, А. А. Электронный фонд пользования: проблемы и перспективы // Документ. Архив. История. Современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете, Екатеринбург, 1—4 ноября 2012 г. — Екатеринбург, 2012. — С. 132—140.
8. Груша, А. І., Латушкін, А. М. Альбом палеаграфічных здымкаў (з электронным дадаткам): дапаможнік. — Мінск: БДУ, 2014. — 104 с.

9. Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909—1919): документы и материалы [Электронный ресурс] / НББ, Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина, Витебский областной краеведческий музей, Национальный исторический архив Беларуси [и др.]; под науч. ред. Т. В. Кузьминич. — Минск: НББ, 2017. — 1 электрон. опт. диск (DVD-R) (1, 39 Гб).
10. Дзярновіч, Алег. Новы праект // *Metrisiana: даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага*. Том. 1. — Минск: Atheneum — Аддзел спецыяльных гістарычных навук Інстытута гісторыі НАНБ, 2001. — С. 9.
11. Дрожжа, Л. Ч. Актуальные аспекты цифровизации кинодокументов в архивной отрасли // «Архивы в истории — история в архивах» (к 100-летию архивной службы Беларуси): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6—7 октября 2022 г. — Минск: БелНИИДАД, 2022. — С. 188—197.
12. Дрожжа, Л. Ч., Кот, А. К. Актуальные направления деятельности зарубежных архивных учреждений в области оцифровки, сохранения и использования кинодокументов // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. — Вып. 23. — Мінск: БелНДДАС, 2022. — С. 38—46.
13. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг.—1960 г.): док и мат. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 438 с.
14. Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — № 26/27, ноябрь 2000 г. — М., 2000. — С. 127—171.
15. Крывашэй, Д. А. Роля вэб-сайтаў архіваў Беларусі ў папулярызацыі культурнай спадчыны // *Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі*. — Мінск, 2019. — С. 206—214.
16. Макаренко, Е. А. Из опыта работы Национального архива Республики Беларусь по созданию, приему и использованию описей дел в электронном виде // *Архивы и делопроизводство*. — 2022. — № 4. — С. 58—59.
17. Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. — М., 2022. — С. 52—59.
18. Мяцеліца, К. І. Электронная публікацыя архіўных дакументаў: перспектывы выкарыстання ў айчыннай архіўнай галіне // «Архивы в истории — история в архивах» (к 100-летию архивной службы Беларуси): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6—7 октября 2022 г. — Минск: БелНИИДАД, 2022. — С. 264—271.
19. «Неизвестная дорога» партийного архива (публ. В. А. Сверчкова) // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. — Вып. 2. — Мінск: БелНДДАС, 2001. — С. 293—301.
20. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь—июль 1944 г.: док. и мат. — Минск: НАРБ, 2019. — 382 с.
21. Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г.: док. и мат. — Минск, 1999. — С. 92—93.
22. Правила издания исторических документов в СССР. 2-е, перераб. и доп. изд. — М., 1990. — 188 с.
23. Раскин, Д. И., Соколов, А. Р. *Архивоведение*. — М.: Юрайт, 2017.
24. Региональная история Беларуси в документах и материалах Виленской археографической комиссии (1864—1915) [Электронный ресурс] / НББ, Фонд «Русский мир»; авт.-сост.: А. В. Гончарова [и др.]; под науч. ред. Т. В. Кузьминич. — Электронные, текстовые, графические данные и программа (7,34 Гб). — Минск: НББ, 2017. — 1 электрон. опт. диск (DVD+R DL).

25. Степанский, А. Д. Археография отечественной истории XX века : Учеб. пособие. — М., 2004. — 210 с.
26. Тихонов, В.И. Когда наступит время «компьютерной палеографии» // Тихонов, В. И. Информационные технологии и электронные документы в контексте архивного хранения : Статьи разных лет. — М. : Издат-во ГАУ г. Москвы, 2009. — С. 64—65.
27. Труды Историко-архивного института: index articulozum / сост.: Н. А. Комочев. — М. : РГГУ, 2020.
28. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. 1918—1941 гг. Фонд 4п. Опись 1. — Минск : НАРБ, 2007. — 704 с
29. Шумейко, М. Ф. Археография: курс лекций. — Минск : БГУ, 2005. — 431 с.
30. Юмашева, Ю. Ю. Возможности использования архивных информационных ресурсов в качестве электронных изданий (публикаций) // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 23. — Мінск : БелНДЦДАС, 2022. — С. 58—70.
31. Keeshkemeti, Ch., Komendy, L. Les ecrits s'envolent la problematique de la conservation des archives papier et numeriques. Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов. — Favre, 2014.
32. URL: <https://sber.ru/digital-petr/>. — Дата доступа: 12.02.2023.
33. URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/2022-recommendations-publikation.shtml>.
34. URL: <https://history.spbu.ru/nauka/konferentsii/342-pif2022.htm>.
35. URL: [History.by/publ](http://history.by/publ). — Дата доступа: 02.02.2023.
36. URL: sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/4451. — Дата доступа: 11.02.2023.
37. URL: <http://archives.gov.by/home/dokumentalnaya-letopis-belorusi>. — Дата доступа: 11.02.2023.
38. URL: <http://archives.gov.by/home/boevaya-letopis-beloruskih-partisan/operativnyye-svodki-beloruskogo-shtaba-partizanskogo-dvizheniya>. — Дата доступа: 11.02.2023.
39. URL: <https://archives.gov.by/home/virtualnaya-vystavka-ognennye-smerchi>. — Дата доступа: 04.02.2023.
40. URL: <https://centennial.archonline.by/>. — Дата доступа: 04.02.2023.
41. URL: https://niab.by/arhivarius/Archivarius_01_web.pdf. — Дата доступа: 04.02. 2023.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 18.04.2023.

С. В. Жумарь**Ю. В. Нестерович,***старший научный сотрудник**Центра исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,**кандидат исторических наук;**e-mail: nesterca.com@yandex.by*

**ОЧЕРК ПО КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ АУТЕНТИЧНОСТИ
И ПОДЛИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА,
СЛУЖЕБНОГО (ОПЕРАТИВНОГО) ДОКУМЕНТА
И АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОЕКЦИЯ**

*65-летию со дня рождения**С. В. Жумаря посвящается*

Междисциплинарная проекция формирования понятийного аппарата служит оптимизации понятий, способствует оптимизации терминов. Целенаправленно, на полновесной научно-методологической основе ее стали осуществлять в документально-информационных науках и смежных с ними в последние годы (напр., в [4] образование понятий, обозначаемых терминоэлементами «фонд» и «информационный ресурс»), осуществляется через проекцию междисциплинарного взаимодействия знаний архивоведения, библиотековедения, информационного ресурсоведения). Сложность осуществления междисциплинарной проекции вызвана расширением и трансформацией характеристик ПДЗИ (продуктов деятельности с зафиксированной информацией)*, создаваемых и функционирующих в электронно-программной среде.

Терминоэлемент «подлинность» полисемичен. Имеет хождение оборот «удостоверение подлинности документа» (Н. Б. Зиновьева и др.) по отношению к внесению в документ легализирующих ИЭ (информационных элементов), прежде всего, оттисков печати. Одной из основных проблем источниковедения и археографии на современном этапе развития является критика и оформление копий ЭД (электронных документов) в аспекте их «аутентичности подлиннику» (Ю. Ю. Юмашева). При этом в документоведении обосновывается необходимость элиминации понятия подлинника ЭД для описания электронного документооборота (Н. Г. Суровцева). Е. А. Плешкевич утверждает: «аутентичность, если под ней понимать элементы, удостоверяющие достоверность [происхождения] документа, присуща любой категории документов» [10]. Тем не менее, описание аутентичности ЭД и ОД (официальных документов) не укладывается под такую элементарную трактовку аутентичности. В архивоведении В. И. Тихонов, за ним А. Н. Цибуля и другие ученые, принимают и уточняют трактовку

---

* Конструкт ПДЗИ востребован на теоретическом уровне исследования для устранения противоречий, возникающих вследствие полисемии термина «документ».

аутентичного ЭД из ИСО 15489: результат выполнения ряда условий: ЭД составлен по установленным правилам, «сведения об авторе, времени и месте создания содержатся в самом документе», создан и отправлен уполномоченным лицом, «создан в тот момент, который обозначен в документе», «содержит либо постоянно связан с неискаженными метаданными, подтверждающими достоверность происхождения или существования документа». Поскольку при этом условием выдвигается и достоверность документированной информации, то такому описанию соответствует понятие, которое при междисциплинарной проекции и советской, и постсоветской терминологии оптимально обозначать как «подлинный официальный (служебный) ЭД». Остается только выяснить, является ли подлинным официальным ЭД сугубо подлинник официального ЭД, т. е. исходный экземпляр ЭД с окончательно установленными данными об объекте и метаданными, в достаточной степени удостоверенный, сохраняемый в определенном формате записи данных (тем самым, выступающем форматом подлинника ЭД).

В советской нормативно-методической литературе по археографии лексема «подлинность» в качестве маркера требования указания контрольно-справочных сведений к ИД: формы создания инфопродукта («беловой, черновой документ») и стадии создания и бытования документа («подлинник, отпуск, заверенная копия, копия и т. д.») [11, с. 116]. В ней термин «подлинность ИД (исторического документа)» употребляется *главным образом* в значении степени стадильности документа. В выпущенной БелНИИДАД нормативно-методической литературе по археографии он употребляется по-разному: в «Рекомендациях по организации работы с гистархивными документами (для научных выданий)» (Минск, 1997) *сугубо* в значении степени стадильности документа. В «Методических рекомендациях по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг.» (Минск, 2014) в более узком значении — в качестве антонима «копийность документа». В «Метаданных рекомендациях по публикации рукописных актов кириллических крыниц у Беларусі» (Минск, 2003) для обозначения гомологичного предмета используется маркер «степень аутентичности текста документа». При изложении о подлинности ИД в археографии опираются на понятийный аппарат источниковедения; при этом в нем в недостаточной мере ассимилированы знания теории информации и документалистики. Так, в учебнике [2, с. 159, 185] абсолютные синонимы «подлинный, аутентичный ИИ (исторический источник)» характеризуют ИИ, «который создан в том месте, в то время и тем автором, которые указаны в нем»; наделяются признаком наличия в ИИ «знания о прошлом в его первоначальных, неизменных, неискаженном виде и форме». А «достоверность ИИ» определяется «степенью соответствия информации, заложенной в нем, отображаемому явлению». В мерологическом аспекте имеет место неточность — не в характеристике, а в термине. Точней употребляют термин «достоверность информации ИИ», поскольку соответствующее свойство охватывает не ИИ в целом, а его

содержание. Между тем, в ТДИ (теории документированной информации) различаются свойства достоверности и адекватности ее. Достоверность ее коррелятивна субъективности ее (анализ ее особо значим при критике письменных ИИ). Г. Г. Воробьев характеризовал достоверность информации степенью неискренности ее. Н. С. Ларьков характеризует ее «степенью объективности в процессе фиксации и передачи информации», а адекватность информации — «степенью соответствия отраженных в документе фактов, событий, показателей самому объекту или явлению» [8, с. 202—203]. Уточняя в соответствии с ТДИ, в источниковедении при изложении о достоверности ИИ имеют в виду главным образом либо исключительно *адекватность информации ИИ*. Достоверность ИИ выделяется в учебнике характеристикой ИИ при анализе *его содержания*; отсутствует композиционирование свойств аутентичности ИИ и адекватности и достоверности его содержания. *Содержание* термина «подлинный ИИ» в постсоветском источниковедении совпадает либо сильногомологично смысловому значению стандартизированного термина «подлинный документ» в советском и постсоветском документоведении, более чем слабогомологично значению термина «аутентичный документ» — в западном, при допущении ИСО внесения в ЭД *санкционированных изменений* и дополнений.

В документологии разряд «подлинные (аутентичные) документы» выделяет по критерию «степени достоверности и юридической силы», противопоставляется разряду фальшивых (поддельных) документов. Несоразмерно этому в дефиниции аутентичного документа «аутентичный документ» характеризуется «подлинным», а для понятия выделяется иной (нежели в критерии) существенный признак: «подлинный документ, являющийся первоначальным источником информации» [15, с. 206]. В системе знаний советского документоведения — в трудах К. Г. Митяева — терминологический элемент «аутентичный» в термине «аутентичный подлинник» использовался эквивалентно терминологическому «достоверный по происхождению». При этом ученый относил к «подлинникам (оригиналам)» «документы, создаваемые в первый раз, уникальные, представляющие единственный экземпляр» (отсюда возникает конструкт «первого или единственного экземпляра» по отношению к подлиннику документа). «*Единственный экземпляр документа*» по отношению к большинству служебных документов, т. е. имеющих стадийные формы, — нонсенс. Соразмерно и продуктивно изложение о подлиннике документа, являющемся «единственным экземпляром *оригинала* документа». Разработка соотношения понятий, термилируемых как «подлинник, оригинал документа, ОД, подлинный документ», осталась в советском и постсоветском документоведении одной из методологически наиболее слабых, порождая несоразмерности, доходя до паралогизма. Достаточно обратиться к дефиниции: «подлинник ОД — первый или единственный экземпляр ОД», внесенной в ГОСТ 16487-83 и заимствуемой без изменений в СТБ 2059-2013. «ОД» определяется в СТБ как «документ, созданный юридическим или физическим лицом, оформленный и удостоверенный в уста-

новленном порядке. Хотя *физические лица не создают ОД*, они его составляют, а после нотариального заверения, служебного оформления созданный ими ПДЗИ получает статус ОД. В СТБ удостоверение документа не выделяется автономной от оформления его процедурой, тем самым, оформление в установленном порядке *подразумевает и соответствующее удостоверение*. Фактически не пустым будет изложение о присущей ОД *степени удостоверения*. Очевидно, что ОД может являться экземпляр не только оригинала документа, но и проекта, и копии его. В сформированной С. Г. Кулешовым системе знаний ОД характеризуется индифферентно к свойству достоверности: «документ, имеющий юридическую силу». Выделяется семь групп ОД, среди них служебные документы. Служебный документ трактуется им более узко, нежели в ДСТУ 2732:2004: «официально зарегистрированный службой делопроизводства либо соответствующим образом удостоверенный документ, который получен или создан субъектом организации делопроизводства в процессе его деятельности» [6], и др. В соответствии с данной трактовкой оригиналами, проектами, копиями служебных документов выступают сугубо ОД.

Подлинник оперативного документа, исходя из наличия не единственного экземпляра его, следует выделять, прежде всего, по отношению к служебным документам. Именно им присуща полная стадильность. Подлинники нормативно-правовых актов — сугубо письменные документы, прошедшие государственную регистрацию. Если исходить из трактовки служебного документа в ДСТУ 2732: «документ, созданный, полученный субъектом хозяйствования в процессе деятельности», то допустимо выделять и служебные документы, не обладающие юридической силой. Внесенная в ГОСТ Р 7.0.8-2013 дефиниция «подлинник документа — первый или единственный экземпляр документа» семантически полиморфна, а принимая во внимание свойство стадильности документа — методологически непригодна. Если под «документом» полагается *всякий ПДЗИ с идентифицирующими инфоэлементами*, то понятие подлинника документа логически и фактически пусто, поскольку по отношению к большинству неслужебных документов не выделяются стадильные формы, позволяющие отличать среди них подлинники. Если же под ним полагается лишь *управленческий документ* (единица ДОУ), то дефиниция неверна, управленческие документы — сугубо ОД. Между тем, противоречия снимаются полаганием подлинника документа экземпляром оригинала *служебного ОД*.

В советском нормативно-техническом дискурсе был закреплен лишь термин «подлинный документ». В ГОСТ 16487-1983 к нему внесен дефиниенс: «документ, сведения о времени и месте создания которого и/или об авторе, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, соответствуют действительности», не соответствующий требованию научности, поскольку не отсылает к научному понятию. В ГОСТ Р 51141-98 «гносеологическое» окончание дефиниенса скорректировано требованием научности: «документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом доку-

менте или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения». Остается некоторая семантическая полиморфность, вызванная оборотом «сам документ». Оборот «выявленные иным путем» указывает на установление достоверности происхождения путем обращения к метадокументированным данным (учетных документов и пр.). Данная — *широкая* трактовка «подлинного документа» — доминирует в постсоветском документоведении, представлена в СТБ 2059-2013, ГОСТ Р 7.0.8-2013 и др. Исходя из взятия в СТБ 2059 международным эквивалентом «authentic document», следует усматривать в нем наличие *квазиширокой* трактовки «подлинного документа», учитывая, что эквивалентом термина «ОД» в СТБ взят исключительно международный термин «record». Терминоэлемент «подлинный» полагается лексическим (лексико-семантическим) эквивалентом англоязычного терминоэлемента, который калькируется как «аутентичный». Тем не менее, ученые БелНИИДАД (П. А. Левчик, С. В. Жумарь и другие) стали придерживаться *узкой* трактовки «подлинного документа» и без синонимичности терминоэлементов «подлинный, аутентичный».

В терминословаре БелНИИДАД [3, с. 6, 26] «аутентичный документ» определяется с корректуркой дефиниции Л. Дуранти: «каждый из экземпляров подлинного документа». А «подлинный документ» определяется через композирование свойства аутентичности документа и достоверности его информации (при контаминации достоверности и адекватности ее): «ОД, все сведения которого соответствуют действительности». Квантор «все» здесь излишен, поскольку элиминирует модальность изложения. «Гносеологическую» формулировку следует оптимизировать: аутентичный ОД с адекватными и предположительно достоверными сведениями. Дефиниция «не допускает» выделение разряда подлинных неОД. Подлинный документ предстает достоверным по происхождению (принимая различие достоверности и адекватности информации в ТДИ), адекватным по содержанию *ОД* (при *отсутствии образованного понятия* достоверного по содержанию ОД), каждый экземпляр которого аутентичен. Оптимизируя через корреляцию с понятием подлинника документа — первооригиналом ОД: экземпляры оригинала ЭД аналогичны исходному экземпляру его — подлиннику — являются аутентичными, адекватными и предположительно достоверными по содержанию ОД. Функционатор «предположительно» здесь необходим, поскольку *в служебной деятельности организации* могут использоваться полно оформленные в установленном нормативно порядке документы, но недостоверные по степени объективности (непредвзятости). Напр., во внутриведомственном специальном сообщении НКВД 1942 г. об обстоятельствах гибели Я. Купалы излагается о фактах, предшествующих и последующих ее моменту, а относительно причины гибели выдвигается противоречащая закономерностям версия, делающая содержание документа недостоверным (оно частично фальсифицировано). Обеспечение адекватности содержания в оперативном плане — аспект организации документационной деятель-

ности, установление достоверности инфопродукта и подлинности ИД — *источниковедческая* задача. Кроме того, в ней могут использоваться неокончательно оформленные (недооформленные) документы, либо не удостоверенные в достаточной степени для идентификации ОД, но при этом достоверные по содержанию. На этом основании характеризовать их «не подлинными» представляется несоразмерным.

В связи с необходимостью гармонизации постсоветской национальной терминологии с международной, устанавливаемой ИСО, в терминосистеме областей практической деятельности стали включать термины «аутентичный документ» и «аутентичность ЭД» (коррелятивно этому они начинают прочно входить в терминосистему документоведения). В [14] первый определен предельно тавтологично: «документ, наделенный аутентичностью; второй без соблюдения требования научности (следованию понятиям научных теорий): «свойство ЭД, гарантирующее, что ЭД идентичен заявленному» (вторая дефиниция внесена в ГОСТ Р 7.0.8-2013). Ситуация со стандартизацией данных терминов в делопроизводстве такова, что не только не удалось сформулировать дефиниенс, соответствующий понятийному аппарату ИСО, но даже выполнить логическую процедуру определения и сформулировать суждение субъектно-предикативной структуры, которое раскрывало бы понятие либо позволяло бы отличать характеризуемый предмет от других предметов. Между тем, в стандарте ISO 15489, несмотря на семантическую полиморфность раскрытия и ненаучность формулировки признаков понятия аутентичного документа: «документ, созданный или отправленный в предусмотренное время уполномоченным на это лицом, является таким как предусмотрено», обращение к содержанию стандарта позволяет точно формулировать признаки понятия: «составление и оформление документа соответствует политике организации, при получении, передаче и хранении его документ защищен от несанкционированного дополнения» и т. д. [14]. Очевидным становится неадекватность синонимии терминов «подлинный, аутентичный документ», распространенной в литературе по делопроизводству и архивному делу, документоведению. В. И. Тихонов различает среди аутентичных ЭД оригиналы и копии [13, с. 186]. Хотя и проект документа может включать документированные метаданные — аутентифицирующие/удостоверяющие инфоэлементы, подтверждающие достоверность его происхождения. Различной может быть степень аутентичности разных стадий создания и бытования документа либо разных единичных документов, выполняющих стадияльную роль.

Попытка построения терминосистемы документационного менеджмента («управления документами») на основе принимаемого понятийного аппарата и терминологии международных стандартов нуждается в корреляции с постсоветской терминосистемой делопроизводства. При этом возникают сложности терминоведческого и эпистемологического характера. Исходя из раскрытия свойства аутентичности документа в стандарте ISO 15489, понятие, обозначае-

мое термином «аутентичный документ» (в полноразвернутой терминосистеме он выступает усечением от «аутентичный деловой документ»), обобщает легальность создания, правильность оформления документа, обеспечение *достоверности функционирования* его (задаваемые наличием аутентифицирующих/удостоверительных ИЭ). По ИСО наличие у документа характеристик аутентичности, достоверности, целостности и пригодности для использования «создает надежный документ». Из общих положений характеристики документа в ISO 15489 очевидно, что описание ориентировано на ЭД — постоянная связь либо объединение содержания документа с метаданными и пр. По сути, единицей управления документами по ИСО выступают «надежные (деловые) (официальные) ЭД». Достоверный документ определяется в ISO 15489 как «документ, содержание которого можно считать полным и точным представлением подтверждаемых операций, деятельности или фактов и которому можно доверять в последующей деятельности» (по ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007). Такой термин представляется *ложноориентирующим*, учитывая, что при описании документов полагается достоверность их происхождения, оформления, функционирования, информации. Исходя из терминологии ТДИ, более точный дефиниендум здесь «адекватный документ». М. В. Ларин и О. И. Рысков, анализируя терминологию ИСО и МСА, используют *терминоединицу* «надежный документ» взамен «достоверный документ» и в расширенном значении, соответствующем семантически полиморфному определению, из которого невозможно установить равнозначность понятий, обозначаемых «адекватный документ» в ИСО и МСА [6, с. 71]. Трактовка надежного (делового) документа в ISO 15489 гомологична с трактовкой подлинного документа в терминословаре БелНИИДАД, с добавлением характеристик, присущих ЭД. При построении терминосистемы документоведения такую единицу рассматриваем *предтермином*. Надежность в ДИОД в качестве комплекса свойств ассоциируется в трудах В. И. Тихонова [98] и других в первую очередь с носителем данных. Оптимизация такой единицы достигается уже принятием антонимичной пары: «нормализованный—ненормализованный ЭД».

Ситуация со стандартизацией в разных отраслях деятельности термина «аутентичный ЭД» и коррелятивных ему терминов, используемых при описании характеристик ЭД, сегодня такова, что не достигается и первая степень гармонизации терминологии. Между тем, достижение ее не составляет сложности: достаточно в стандартах по документационному менеджменту, делопроизводству формирования дефиниций, релевантных содержанию стандарта ИСО 51489, и приведения нормативных ссылок в других стандартах, использующих соответствующие термины, либо согласования между ними содержания дефиниенсов. В ГОСТ Р 54989-2012 «аутентичный ЭД» определен как «ЭД, точность, надежность и целостность которого сохраняется с течением времени». Это несоразмерно стандарту ИСО, в нем аутентичность и целостность — характеристики надежного документа. ИСО 51489 допускает

внесение изменений в *аутентичный* документ. Соответственно этому, следует выделять целостный и измененный нормализованный («надежный») деловой ЭД. Если допускать внесение изменений в оригинал электронного ОД, то следует различать целостный и измененный подлинник ЭД, (пред)полагая его нормализованность. ГОСТ 2.503-90 регламентирует внесение изменений (исправлений, исключений, добавлений) в документ, в том числе с машиночитаемым носителем данных, но не касается деловых документов. В СТБ 1221-2000 уточняется: «изменения могут вноситься в ЭД только на стадиях создания и обращения», но не архивного хранения (п. 9.1). Санкционированно внесенные изменения не влияют на потерю ЭД аутентичности.

В Рекомендациях ЦАДЭНМ [9] понятие аутентичности ЭД наделяется признаком достоверности создания ЭД, гарантирующей защиту от подделки. «Оригинал ЭД» определяется противоречиво: «первый по времени создания экземпляр ... единственный экземпляр ЭД, в котором дата и время записи его файла(ов) на *электронный носитель* предшествуют дате и времени его(их) последнего изменения». Логически правильно излагать о первом и единственном либо о единственном, либо о первом по времени записи экземпляре (проекта, оригинала, копии) ЭД. Тем самым, допускается, что в аутентичный ЭД вносились исправления, добавления, исключения. Таковым выступает, в том числе оригинал ЭД, но не «подлинник ЭД — экземпляр ЭД, *аутентичность* и *целостность* которого подтверждены автором или иным полномочным лицом в установленном порядке. В Рекомендациях ЦАДЭНМ сформулировано: «в архиве подлинником ЭД считаются документы с *контрольными характеристиками*, удостоверенными источником комплектования». Представляется, что поступивший для целенаправленного хранения в специализированном архиве данных единичный документ (проект, подлинник, дубликат, копия его) оптимально терминировать как «архивный подлинник», снабженный архивными метаданными/архивным шифром. Отличая его от «архивного оригинала» — объекта архивного хранения, аутентичность которого не подтверждена источником комплектования. При этом архивный документ в качестве не стадийного объекта хранения, а стадийной единицы использования имеет (как правило) экземпляры: наряду с подлинником либо оригиналом архивного документа он имеет экземплярами его копии: страховую, резервную, пользовательскую, рабочую.

В терминословаре БелНИЦЭД [16] для обозначения единиц электронного документооборота внесены усеченные термины: «аутентичный экземпляр» с дефиниенсом к нему «экземпляр *инфообъекта*, который идентичен исходному по содержанию, но может отличаться по кодировке, форматированию, формату файла». И «идентичный экземпляр» с дефиниенсом «экземпляр *инфообъекта*, полностью соответствующего исходному как по содержанию, так и по форме внутреннего представления». Дефиниция и понятие исходного экземпляра инфообъекта в словаре отсутствуют. Принимая во внимание трак-

товку в нем инфообъекта — совокупность представленных цифровой формой «данных, которая может пересылаться, обрабатываться и храниться как единое целое» и логико-эпистемологически последовательно выверяя, образуется понятие возникающих в АСДОУ при функционировании и изменении единиц электронного документооборота (файла, набора файлов записи и иного документированного продукта) единичных состояний в АСДОУ, отличающихся от исходного состояния документированного продукта кодировкой и форматом файла, либо изоморфных ему. В информатике поименованную *целостную* совокупность данных в запоминающем устройстве, на машиночитаемом носителе данных принято терминовать как «файл», пересылаемую единым блоком совокупность данных — «физическая запись». Терминоединица «инфообъект» также предстает в словаре усечением, обозначаемое ею понятие концептуально не связано с понятием документа, характеризуемым «целостным объектом документированной информации». Такую связь устанавливало бы изложение о «целостном доказательном инфообъекте», оно имеет место в [5].

В ГОСТ 28388-89 по отношению к документам на магнитных носителях данных сформулирована дефиниция во множественном числе, позволяющая избегать изложения о ПДЗИ, с которым соотносятся аутентичные документы: «аутентичные документы — документы одинаковые по содержанию и различные по формату и (или) кодам данных, и (или) структуре». Дефиниendum в данной дефиниции представляется невыверенным. Семантически для него сильно мотивирован терминологический элемент «*аналогичный*», а внесенный терминологический элемент «аутентичный» *слабо мотивирован* (мотивированность приемлемо усматривать в том, что преобразуемый из первичного документ служит для аутентификации соответствия первичному документу) и порождает омонимию термина «аутентичный ЭД» при междисциплинарном взаимодействии терминосистем документально-информационных и технико-информационных наук. В дефиниции ГОСТ 2.051-2006 ЭД, «аутентичный документ — документ, одинаковый с исходным по содержанию и различным по формату и (или) кодам данных», «идентичный документ — документ, одинаковый с исходным по содержанию и формату (или) кодам данных», внесено упоминание об исходном ЭД. В дефиниции первичного документа в ГОСТ единственным признаком понятия выступает возможность использования такого ПДЗИ в качестве исходного для получения вторичного документа. Не проясняет соотношение понятий дефиниция: «версия документа — ЭД, соответствующий определенной стадии (этапу) разработки документа». Изъяном дефиницирования в ГОСТ выступает, что лишь «версия документа» характеризуется «ЭД». В любом случае, в терминоведческом плане для устранения омонимии, а в логико-эпистемологическом для установления семантического оптимума востребован терминологический элемент «*аналогичный*» (не обращая внимания на семантолиморфность дефиниций вследствие использования характеристики «одинаковый»).

В теории электронного обмена информацией постулируется единственность оригинала ЭД, понятие экземпляра документа обосновывается непригодным для описания особенностей электронного обмена данными и обработки информации. Вместе с тем, в ней предлагается обосновать в качестве экземпляров ЭД файл ЭД в оперативной памяти компьютера, запись файла в ином формате и т. д. [1, с. 30—37]. В российском научном дискурсе ведется дискуссия относительно таксономии электронного документооборота (М. В. Бородин, Н. Г. Суровцева и др.). Параметры *электронного документооборота* делают очевидным архаичность понятия аутентичного подлинника по отношению к служебному ЭД, конструкта «первого или единственного экземпляра» по отношению к подлиннику и др. Для его точного описания необходима выработка оптимальной корреляции понятий. Продуктивно использовать понятия ковариантного и приращенного проекта, оригинала ЭД, исходной (по времени записи в оперативной памяти компьютера, времени сохранения в АИС) версии проекта, оригинала ЭД, идентичного и аналогичного экземпляра проекта, оригинала ЭД — записанного, соответственно, в одинаковом и ином формате файла ЭД. Сопрягая аппарат, относящийся к единицам традиционного и электронного документооборота, приемлемо употреблять термин «подлинник» — в значении оригинала ЭД, имеющего юридическую силу.

Несмотря на несильную мотивированность использования терминологического элемента «экземпляр» для описания функционирования ПДЗИ в электронно-программной среде, он востребован для избежания противоречий изложения и для описания электронного документооборота. Несоразмерности его употребления минимизируются при следовании трактовке «экземпляра» в научной информатике единичным предметом из серии однотипных предметов. В терминосистему технической информатики входит, казалось бы, более сильномотивированный терминологический элемент «версия». Первое значение его узкоспециальное в области программирования: «одна из последовательностей копий (редакций) программы, выпускаемая при устранении в ней ошибок и/или при добавлении новых функций». А во втором значении его «конкретный экземпляр объекта» [12, с. 273] выступает гипонимом к терминологическому элементу «экземпляр». Причем в этом значении он в сравнении со значением терминологической единицы «экземпляр» в научной информатике предстает недостаточно ясным. В самом деле, если версия ЭД — конкретный экземпляр ЭД, то для того, чтобы не впасть в противоречие ЭД, следует полагать ПДЗИ, имеющим ряд стадийальных форм технической реализации/создания и бытования инфопродукта (документированного произведения). Такое же семантическое отношение терминологических единиц «версия, экземпляр» имеется и в дефиниции БелНИЦЭД «версия (редакция) документа» (дважды неполнозначное неточно синонимизирующее усечение от «версия, редакция проекта ЭД») — «неизменяемый в дальнейшем экземпляром проекта документа, фиксирующим его состояние в определенный момент редактирования или согласования» [16]. Она не допускает внесения изменений в оригинал доку-

мента и наличие версий его. В ГОСТ Р 7.0.95-2015 термин «версия ЭД» определен: «формально идентифицированное качественное состояние содержания ЭД на определенной стадии (этапе) его разработки, содержащее дополненные или обновленные материалы». Версия ЭД и редакция ЭД выделяются в нем видами ЭД «по происхождению контента». Тем самым версия ЭД предстает прежде всего стадийной формой создания инфопродукта. Вслед за ГОСТ Р 7.0.83-2013 в ГОСТ Р 7.0.95 выделяется тираж ЭД: совокупность «идентичных экземпляров на съемных машиночитаемых носителях».

Сопряжение понятийного аппарата документоведения, источниковедения, документалистики, архивоведения, документологии подводит к предварительному оптимуму терминов на основе корреляции базисных понятий при междисциплинарной проекции: *аутентичный служебный документ* — достоверный по происхождению служебный документ при подтверждении достоверности его метаданными документа, *нормализованный служебный документ* — достоверный по происхождению, адекватный по семантическому содержанию и оформлению служебный документ, *аутентичный ИИ, ИД* — достоверный по происхождению ИИ, ИД; *подлинный ИИ, ИД* — достоверный по происхождению, адекватный и достоверный по содержанию ИИ, ИД. Если исходить из нормальности внесения санкционированных изменений в аутентичный ЭД, в том числе в оригинал (служебного) ЭД, то целостность ЭД несоразмерно брать характеристикой нормализованного (по ИСО — «надежного») ЭД. В этом случае терминология дифференцируется и оптимизируется: следует различать *ковариантные и приращенные аутентичные ЭД*, в том числе *ковариантные и приращенные оригиналы (служебных) ЭД*. Иное устранение несоразмерности — выделение *ковариантных и приращенных нормализованных ЭД*. Допущение внесения санкционированных изменений в аутентичный ЭД, в том числе и оригиналы (служебных) ЭД, ведет к отличению *изначального* аутентичного (служебного) ЭД — ЭД, не только включающего либо постоянно связанного с неискаженными метаданными, подтверждающими достоверность его происхождения, но и находящегося в АСДОУ учреждения, его создавшего.

Л и т е р а т у р а

1. Гадасин, В. А., Конявский, В. А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией. — Минск: Беллитфонд, 2004. — 281 с.
2. Грицкевич, В. П., Каун, С. В., Ходин, С. Н. Теория и история источниковедения. Пос. для студ. гуманит. факульт. — Минск, 2000.
3. Делопроизводство и документоведение. Краткий словарь современной терминологии / авт.-разраб. С. В. Жумарь [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2001. — 76 с.
4. Жумарь, С., Несерович, Ю. Корреляция понятий, обозначаемых терминологическими «фонд» и «информационный ресурс» в архивоведении и библиотечковедении (К постановке проблемы) // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: зб. наук. праць. — Київ, 2017. — Вып. 10. — С. 102—107.

5. Зайцев, В. В. Современные концепции управления документами организации // Вестник МЭИ. — 2006. — № 6.
6. Кулешов, С. Г. Загальне документознавство : Навч. посіб. — Київ, 2012.
7. Ларин, М. В., Рысков, О. И. Электронные документы в управлении: науч.-метод. пос. — М. : ВНИИДАД. — 2008.
8. Ларьков, Н. С. Документоведение. Учеб. пос. — М. : Восток-Запад, 2006. — 427 с.
9. Методические рекомендации по работе ЦАДЭНМ с документами на электронных носителях. — М. : ГАУ г. Москвы, 2006. — 140 с.
10. Плешкевич, Е. А. Понятие подлинности и оригинальности документов // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2005. — № 12.
11. Правила издания исторических документов в СССР. — М. : ГАУ при Совмине СССР, 1990. — 186 с.
12. Тлумачний словник з інформатики. — Дніпропетровськ : Нац. гранич. ун-т, 2008. — 599 с.
13. Тихонов, В. И. Аутентичность и целостность электронных документов при долговременном хранении // Вестник архивиста. — 2002. — № 4—5.
14. Управление документацией : Термины и определения. Словарь. — М. : ВНИИДАД, 2013.
15. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги. Уч. пос. — М. : Знание; Київ : Рыбари, 2009. — 487 с.
16. Электронный документооборот: термины и определения / отв. сост. В. Л. Носевич. — Минск : БелНИИДАД, 2015. — 36 с.
17. ISO/TC.IS 15489-1:2001. Information and documentation Records. Management Part 1 : General. Terms and Definitions.- www.jariana.edu.co.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.10.2023.

В. П. Козлов,
*председатель Архивного совета при президиуме РАН,
главный научный сотрудник Учебно-научного центра
«Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГТУ,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru*

СОВРЕМЕННАЯ АРХИВНАЯ ПЕРИОДИКА: В ОБЪЯТИЯХ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ*

Я хотел бы начать свое выступление с упоминания прапрапрадедушки современных документально-эдиционных журналов, к которым я условно отношу журналы документоведческой, архивоведческой, документально-эдиционной и документально-источниковедческой тематики. Это «Древняя российская вивлиофика» (ДРВ) Н. И. Новикова, первый том которой вышел ровно 250 лет назад. Именно здесь были легализованы, правда, без указаний на авторство, труды наших выдающихся архивистов того времени А. Ф. Малиновского, Н. Н. Бантыш-Каменского — описи древнейших духовных и договорных грамот, хранившихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД), а затем их и других документальных источников тексты. То был выдающийся научный и профессиональный прорыв. Среди прочего, он заложил российскую традицию предоставления права документальных публикаций государственным архивам (а МАКИД можно считать таковым), сегодня закрепленную российским законом об архивах. Напомню, что далеко не всем современным национальным архивным службам такое право предоставлено.

Российская дореволюционная периодика, не исключая и ту ее часть, которая носила документально-эдиционный профиль, начиная от ДРВ или «Чтений в Обществе истории и древностей Российских» и заканчивая «Русской исторической библиотекой», развивалась в нелегких материальных, организационных условиях, а также недостаточной кадровой обеспеченности. Но не только эти обстоятельства тормозили ее развитие. Денег и профессиональных кадров всегда не хватало. Важнее другое. Периодика испытывала давление двойного пресса в виде духовной и светской цензуры. По этой причине ее познавательный потенциал был ограничен.

В советское время, исключая первые лет десять ее существования, свобода архивоведческих идей и документальных публикаций стала практически невозможной. Рубежным стало закрытие журнала «Минувшие дни» под предлогом справедливой негативной оценки публикации в нем фальшивого дневни-

---

* Публикуемый текст, любезно предоставленный автором для опубликования в БАШ, представляет собой его выступление на Всероссийском круглом столе «Историко-архивоведческая периодическая печать (к 100-летию выхода в свет первого номера журнала «Архивное дело»)», состоявшемся 22 марта 2023 г. в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГТУ, г. Москва) (от редакции).

ка А. А. Вырубовой. Примечательно, что в экспертизе этой публикации с заключением политического характера принимали участие архивисты.

В дальнейшем цензурирование, несмотря на естественную ликвидацию духовной цензуры, приобрело даже тройной характер. Во-первых, периодика, в отличие от дореволюционных времен, стала носить исключительно ведомственный характер, отражая сугубо бюрократические ведомственные интересы. Во-вторых, советский период сохранил под флагом партийности ограничения журнальной периодики политического и идеологического характера, которые в полной мере затронули и ее специальную архивоведческую и документально-эдиционную часть. Например, было невозможно обсуждение вопросов свободы и несвободы архивной информации, а переход неких невидимых линий принципа партийности грозил кадровыми и организационными последствиями, как это случилось, например, с журналом «Исторический архив». В-третьих, активно действовала собственно официальная цензура.

В новой России на рубеже 80-х — 90-х гг. прошлого века произошли принципиальные изменения. Официальная цензура ушла в прошлое. Появились возможности новых организационных форм существования документально-эдиционной периодики. Возникли частные журналы, журналы общественных объединений, расширилось число журналов как периодических органов научных организаций.

Многие из нас были и остаются участниками этих процессов. Журнал «Отечественные архивы» из ведомственного стал автономной некоммерческой организацией, вновь воссозданный журнал «Исторический архив» мучительно искал свой статус, чтобы в конце концов обрести частный характер. Таковым же, если не ошибаюсь, стал журнал «Делопроизводство». Восстановлены или созданы документально-эдиционные периодические издания архивных служб ряда регионов, например, «Эхо веков» в Татарстане. Реформационные попытки перевести науку в рыночную колею, а высшее образование включить в Болонский процесс привели к резкому расширению сети многочисленных периодических изданий организаций, связанных своими профилями с изучением документа и публикацией документальных исторических источников, — «Вестник ВНИИДАД», «Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение», «Архивный поиск». Возник и успешно действует новый тип периодических изданий архивно-делопроизводственного и исторического профиля — газета свердловских архивистов «Архивные ведомости». Интернет открыл возможность обнародования электронных версий периодики.

Но мы должны быть не только участниками или наблюдателями современных процессов, переживаемых документально-эдиционной периодикой, но и их дружескими аналитиками. Пару лет назад я был свидетелем такого анализа исторической периодики страны, произведенным Е. И. Пивоваром. Он был блестящим. Поэтому было бы очень полезным на круглом столе заслушать общий доклад о состоянии периодики сегодня. Во всяком случае, в

будущем такой доклад был бы очень полезен, и в его основу можно было бы положить методiku Пивовара, в которой статистический анализ таких параметров состояния исторической периодики, как правовой и хозяйственный статусы, профили, авторский актив, разные наукометрические показатели, позволили бы нарисовать очень убедительную картину. Поэтому я здесь ограничусь только личными наблюдениями.

Для начала скажем так: периодических изданий документально-эдиционного профиля сегодня много. Больше, чем в советское время. И это хорошо. Любой журнал — это одна из форм профессиональной консолидации в самом широком смысле этого слова, начиная от ее организации и заканчивая обсуждением проблемных вопросов профессии. А эта консолидация нужна особенно сейчас, когда угрозы сегментации, фрагментации и даже секуляризации прежде всего архивоведческого знания и связанных с ним сфер являются реальностью. Но, отмечая это, нельзя забывать, что такая консолидация может испытывать давление корпоративности в выборе проблематики того или иного издания или фильтрации их авторов. Нельзя допускать, чтобы тот или иной журнал стал цветочком, выращиваемым в огороженном садочке. Корпоративность надо по возможности в интересах профессионального дела преодолевать, даже когда речь идет о частной периодике. Возможно, моя позиция в условиях демократических свобод выглядит излишне консервативной. Но наше дело — даже не театр или цирк, известные обществу, и поэтому консолидация вокруг проблемных вопросов его существования особенно необходима.

Современность и в отношении периодики документально-эдиционного цикла создала условия для их конкуренции. Не берусь судить о том, насколько она сильна и существует в регионах, но на федеральном уровне она присутствует несомненно. Журнал «Отечественные архивы», как старейшее архивоведческое издание, испытал эту конкуренцию со стороны новых изданий особенно сильно. Более того, в этот процесс сегодня активно вовлечены издания материалов всевозможных научных мероприятий типа семинаров, круглых столов, конференций. А их сегодня тоже очень много. Я, например, ежегодно получаю предложения не менее чем на 20 таких мероприятий.

Казалось бы, что это нормальный процесс. Но на него активное воздействие стал оказывать официальный наукометрический фактор. Свободу периодических изданий он подчинил необходимости участникам процесса публиковать свои труды в так называемых рецензируемых изданиях и тем самым попасть, например, в «ядро» РИНЦ. Такая необходимость оказывается далеко не безобидной, если учесть, что от нее зависит так называемый «эффективный контракт». Но если бы дело было только в этом. Совсем недавно мы узнали, например, что членство в диссертационных советах зависит не от количества публикаций вообще, а от количества публикаций в журналах «ядра» РИНЦ. Что это значит? Это значит, что авторы, активно выступавшие с докладами на научных мероприятиях, являющиеся членами диссер-

тационных советов, не будут заинтересованы публиковать свои работы в сборниках материалов таких мероприятий. Они постараются публиковать их в рецензируемых изданиях. Совершенно очевидно, что этот фактор наносит удар по научным мероприятиям.

Чтобы избавиться от его провоцирующего характера или хотя бы как-то смягчить его негативное воздействие, Минобрнауки, по моим наблюдениям, в прошлом году пошло на резкое расширение периодических изданий, входящих в «ядро» РИНЦ. И такое расширение, как кажется, только компрометирует так называемое «ядро» РИНЦ. Это выглядит особенно нелепо, когда в число публикаций этого «ядра» из периодики попадают работы, почти не несущие научного смысла. Чтобы не обидеть кого-то из участников нашего круглого стола, сошлюсь на собственный пример. В журнале «Отечественные архивы» была помещена моя статья, посвященная юбилею одного из наших коллег. Нормальная юбилейная заметка, подчеркивающая заслуги юбиляра. Научой там и не пахнет, однако она была включена в «ядро» РИНЦ моего научного профиля. А вот статьи, содержащие некоторые научные соображения по ряду связанных с изучением документа проблем, и опубликованные в сборниках различных научных мероприятий, в это «ядро» не входят. Между прочим, это от 4 до 6 статей ежегодно. Может быть, лучше было бы такой список «ядра» РИНЦ вообще отменить.

Другой наукометрический показатель — публикации в зарубежных и международных изданиях — по большому счету носил ограниченный характер с самого начала его введения. Я помню, что только непреодолимая сила приличия заставила редколлегию журнала «Комма» посвятить целый номер российскому архивному делу. Замысел был такой — рассказать о крупнейших архивных службах мира. Тут уж руководство журнала и Международного совета архивов ну никак не могло обойтись без авторов из России. А в современных условиях тем более такой наукометрический показатель лишен смысла.

Говоря о конкуренции журналов и других изданий, связанных с дисциплинами документально-эдиционного цикла, важно отметить ее более широкий и сугубо научный смысл, как конкуренции идей и наблюдений в рамках каждой из документально-эдиционных дисциплин, включая и их прикладные форматы. Иначе говоря, речь идет о проведении нормальных дискуссий по проблематике этих дисциплин. К сожалению, такие дискуссии — большая редкость, несмотря на то что свобода выражения той или иной позиции по тому или иному вопросу пока существует в рамках профессиональных приличий. И дело не столько в отсутствии авторов, способных и на критический, и на позитивный разбор той или иной спорной проблемы. По моим наблюдениям, а отчасти и по собственному опыту, сами редакции наших профессиональных периодических изданий не очень охотно идут на это. Впрочем, бывают и приятные исключения.

Конечно, можно справедливо возразить: любая дискуссия должна созреть, а административным воздействием ее инициировать невозможно. Тем более что ряд проблем носит формально табуированный характер из-за существования законодательных норм или ГОСТов. Ну что ж, в официальных разработках соблюдение таких запретов необходимо. Но именно профессиональная периодика должна преодолевать официальные нормы, будить мысль, заставлять думать. С огромным интересом я слежу, например, за публикациями в «Беларускім археаграфічным штогодніку». Научный поиск решения различных архивоведческих и археографических проблем в нем выражен очень ярко. Он персонализирован сложившимися интересами авторов, свободен от оглядки на официальные нормативы, часто опирается на изыскания в далеких от архивоведения и археографии науках. Не щадит журнал иногда в своих оценках и автора этих строк. И это притом, что со многими выводами таких авторов хочется поспорить.

Сегодня очевиден некоторый набор вопросов, требующих обсуждения, чтобы накопить определенные знания для корректировки табуированных сюжетов. Пока они не защищены ни политическими, ни идеологическими заслонами, хотя бюрократическими рогами некоторые из них и окружены преизрядно. Их, бывает, также преодолеть непросто, но профессиональное знание должно развиваться, и роль периодики в этом очень велика.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 18.04.2023.

С. А. Елизаров,
профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин
учреждения образования «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»,
доктор исторических наук, профессор;
e-mail: sergeyelisarov@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИСПОЛКОМОВ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ БССР (1964—1984 гг.)

Местные Советы депутатов трудящихся/народных депутатов составляли политическую основу организации системы власти и управления в СССР и БССР. В Конституции БССР 1978 г. местные Советы определялись как органы государственной власти в границах своих административно-территориальных единиц, а их исполнительными и распорядительными органами были избираемые ими из числа депутатов исполнительные комитеты (исполкомы). Местные Советы формировали отделы и управления исполкомов, имевшие двойное подчинение, — создавшим их Советам и их исполкомам, а также вышестоящим органам государственного управления [1, с. 47, 49, 51].

Организационная структура Советов и их исполкомов должна была содействовать наиболее эффективному решению стоящих перед местными органами задач, которые определялись в разной степени менявшимися приоритетными направлениями развития советского общества. Соответственно, изменялась и сама структура органов местной вертикали власти и управления.

Вопросы управленческих реорганизаций на уровне местных Советов (областных, городских, районных) в 1964—1984 гг. и в российской, и в белорусской советской и постсоветской историографии в лучшем случае отражались лишь фрагментарно. Из опубликованных работ следует отметить подготовленное в 1970-е гг. белорусскими правоведами-историками двухтомное фундаментальное исследование «История государства и права Белорусской ССР», в котором в относительно систематизированном виде перечислены (и только) некоторые из основных таких реорганизаций [2]. Также некоторые сведения присутствуют в ряде работ, посвященных проблемам развития отдельных отраслей народного хозяйства БССР [3; 4].

Цель представленного исследования — выделить причины, основные направления и характер изменений в организационной структуре местных Советов и их исполкомов в 1964—1984 гг., дать оценку их последствиям.

При работе автор использовал как опубликованные нормативные правовые акты, так и материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Гомельской области.

После отставки Н. С. Хрущева со всех партийных и государственных постов многие управленческие реорганизации периода его правления были отменены как нецелесообразные. В частности, одним из первых практических шагов нового руководства СССР стало восстановление в ноябре 1964 г.

единых областных органов власти и управления. В БССР в официальном порядке такое решение было оформлено Указом Президиума Верховного Совета БССР от 4 декабря 1964 г. [5].

В первые годы новое партийно-советское руководство СССР во главе с Л. И. Брежневым не отказывалось от проведения реформ, во многом инициированных и подготовленных еще в предыдущий период. Вновь была предпринята попытка придать им системный характер и распространить на все сферы государственного управления, не ограничиваясь только экономикой.

В отношении органов местной власти и управления проходила корректировка организационной структуры исполкомов. Первое направление — реорганизация системы управления сельским хозяйством. Во-первых, в два приема была ликвидирована система управления, созданная в 1962 г., — ПКСУ (производственные колхозно-совхозные управления). К концу 1964 г. эти управления сохраняли самостоятельность от местных исполкомов, напрямую подчиняясь областным управлениям производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. После отстранения Н. С. Хрущева от власти с начала 1965 г. от партийно-хозяйственного руководства областей и районов в массовом порядке стали поступать предложения подчинить ПКСУ непосредственно райисполкомам, преобразовав их в обычные отделы. В марте 1965 г. областные управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов были преобразованы в управления сельского хозяйства облисполкомов, а ПКСУ — в районные производственные управления сельского хозяйства, которые по-прежнему напрямую, минуя райисполкомы, подчинялись областным управлениям сельского хозяйства [6].

Такое положение не устраивало местное руководство, и Указом Президиума ВС БССР от 31 декабря 1969 г. районные производственные управления сельского хозяйства были реорганизованы в управления сельского хозяйства райисполкомов [7]. Этот шаг был вполне логичен: созданная к 1964 г. система производственно-территориального управления народным хозяйством (СНХ — в промышленности и строительстве, ПКСУ — в сельском хозяйстве) и построения партийных и советских органов (на областном уровне — промышленных и сельских) была в значительной мере преобразована возвращением к единым областным партийным и советским органам в ноябре 1964 г. и ликвидацией СНХ в сентябре 1965 г.

В начале 1980-х гг. вновь обострились вопросы обеспечения народного хозяйства и населения продукцией сельского хозяйства. На майском (1982 г.) пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа на период до 1990 г. В БССР такую программу утвердил декабрьский (1982 г.) пленум ЦК КПБ [8].

Естественно, никак не могли обойтись и без традиционного советского способа решения вопросов — очередной управленческой реорганизации, основные характеристики которой содержались в постановлении ЦК КПСС и

Совета Министров СССР от 24 мая 1982 г. «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса» [9, с. 315—323]. Существующая система управления сельским хозяйством признавалась «излишне громоздкой и разобщенной», отмечалось, что многие организации были «слабо связаны организационно и экономически с колхозами и совхозами», а ведомственная разобщенность в управлении отрицательно сказывалась на состоянии сельского хозяйства.

С целью минимизации этих управленческих пороков было решено «осуществить в центре и на местах систему мер по дальнейшему улучшению управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса», причем решающим объявлялось «укрепление районного звена управления, рациональное сочетание территориального и отраслевого принципов управления». Для этого в каждом сельском районе создавалось районное агропромышленное объединение (райагропром — РАПО), в состав которого входили колхозы, совхозы, межхозяйственные формирования, другие предприятия сельского хозяйства, а также предприятия и организации, обслуживающие их и связанные с сельскохозяйственным производством и переработкой продукции. Районный Совет формировал высший орган РАПО — Совет объединения в составе начальника районного управления сельского хозяйства (председатель Совета объединения), председателей колхозов и директоров совхозов, а также руководителей предприятий и организаций других отраслей агропромышленного комплекса. Председатель Совета объединения одновременно являлся первым заместителем председателя райисполкома, а рабочим аппаратом Совета объединения служил аппарат районного управления сельского хозяйства.

В областях по аналогичной схеме создавались областные агропромышленные объединения (ОАПО), формировавшиеся областными Советами народных депутатов по аналогичной схеме. Далее — по восходящей: в союзной республике — Комиссия Совета Министров по вопросам агропромышленного комплекса, в масштабах СССР — Комиссия Президиума Совета Министров СССР по вопросам агропромышленного комплекса.

В результате этой управленческой реорганизации в БССР было образовано 117 РАПО. Общая численность членов Советов РАПО составила 4895 человек, из них 55% — председатели колхозов, директора совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, еще 39% — руководители предприятий и организаций АПК. Такое соотношение было неслучайным — РАПО должны были в первую очередь обеспечивать приоритет интересов колхозов и совхозов. Председатели Советов РАПО вошли в учетно-контрольную номенклатуру ЦК КПБ и основную номенклатуру обкомов КПБ.

В состав шести ОАПО во главе с первыми заместителями председателями облисполкомов вошли 317 человек, в том числе все 117 председателей РАПО, 168 руководителей предприятий и организаций АПК. Среди других

лиц — заместители управляющих областными конторами Госбанка СССР, заведующие облфинотделами, председатели облпланов и обкомов профсоюзов работников сельского и плодовоовощного хозяйства [10, с. 54—55, 63].

По сути, новые образования были своеобразными «филиалами» областных и районных управлений сельского хозяйства с более широким полем деятельности, включавшем смежные организации, связанные с обеспечением сельскохозяйственного производства. Официально агропромы имели двойное подчинение: с одной стороны — образовавшим их местным Советам и их исполкомам (а на деле — районным и областным управлениям сельского хозяйства), с другой — вышестоящим агропромам (областным агропромам, республиканским и союзной комиссиям по вопросам агропромышленного комплекса). Вместе с тем, как показала практика, рычаги воздействия агропромов (а, соответственно, и руководства областных и районных управлений сельского хозяйства) на смежников оказались недостаточными для осуществления координации деятельности входивших в агропромы субъектов хозяйствования в условиях сохранения их хозяйственной самостоятельности, прав юридического лица и ведомственной принадлежности. В подчинение РАПО во многих случаях не были переданы перерабатывающие, ремонтные, снабженческие, строительные предприятия и организации.

Агропром так и не стал единым центром управления сельскохозяйственным производством в регионах, что в условиях сохранения планово-директивной централизованной экономики фактически делало эту структуру малоэффективной. Создание АПО требовало дальнейших шагов по реорганизации системы управления сельским хозяйством в направлении ее все большей централизации: от местных руководителей поступали предложения о создании на базе различных организаций и подразделений единого государственного-кооперативного предприятия по производственно-техническому обслуживанию АПК, об организационной перестройке системы агрохимического обслуживания РАПО, создании отделов капитального строительства РАПО, специальных служб эксплуатации и ремонта жилищного и коммунального хозяйства и т. п. [11, л. 21—22].

Второе направление управленческих реорганизаций — создание новых или корректировка уже существующих структурных подразделений исполкомов, связанных с экономической, правовой и социальной сферами. В октябре 1965 г. вместо единых областных управлений бытового обслуживания и местной промышленности создавались отдельные управления местной промышленности и управления бытового обслуживания областных и Минского городского исполкомов Советов депутатов трудящихся, а областные отделы мелиорации облисполкомов преобразовались в областные отделы мелиорации и водного хозяйства, в октябре 1966 г. созданы управления пищевой промышленности, в 1970 г. — отделы цен и воссозданы отделы юстиции, в 1971 г. — образованы отделы топлива, в сентябре 1976 г. — отделы по использованию трудовых

ресурсов исполкомов областных и Минского городского Советов преобразованы в отделы по труду облисполкомов и Минского горсовета [12—15].

В-третьих, упразднение или преобразование некоторых отделов и управлений облисполкомов в производственные и выведение их из непосредственного подчинения исполкомов. В 1972 г. были упразднены отделы пищевой промышленности [16]. В 1976 г. в результате упразднения облуправлений по строительству, ремонту и содержанию шоссеиных дорог облисполкомов появились областные производственные управления строительства и эксплуатации автомобильных дорог на хозрасчете. В 1978 г. вместо управлений мелиорации и водного хозяйства облисполкомов были созданы также на хозрасчете областные производственные управления мелиорации и водного хозяйства [17, л. 173]. Эти производственные управления уже непосредственно подчинялись только своим республиканским министерствам. Такие перемены ослабляли влияние исполкомов на соответствующие отрасли хозяйства, порождали необходимость длительных согласований между двумя сторонами для решения даже самых простых вопросов, что в конечном итоге сказывалось на ситуации с обслуживанием населения и производственных объектов.

С 1982 г. при отделах и управлениях облисполкомов стали создаваться коллегии как своеобразная проекция на низовой уровень принципа «коллективного руководства», сложившегося в союзных партийных и советских органах власти и управления. Эта возможность предусматривалась принятым в 1980 г. Законом БССР «Об областном Совете народных депутатов Белорусской ССР» [18].

В отделах и управлениях облисполкомов РСФСР подобные коллегии действовали с 1968 г. Был некоторый опыт и в БССР: здесь к этому времени уже существовали коллегии в областных отделах внутренних дел и финансов. 6 июля 1982 г. Совет Министров БССР поддержал предложения облисполкомов, Минского горисполкома, республиканских министерств и ведомств и оргинструкторского отдела Управления делами Совета Министров БССР об образовании коллегий. Коллегии предлагалось создавать в большинстве отделов и управлений облисполкомов и Минского горисполкома, за исключением плановой комиссии, комитетов по телевидению и радиовещанию, физкультуре и спорту как изначально коллегиальных, а также управлений сельского хозяйства облисполкомов. 13 июля 1982 г. решением Президиума Совета Министров БССР вопрос об образовании коллегий был передан на окончательное решение облисполкомам и Минскому горисполкому [19, л. 219, 254].

В 1984 г. было решено унифицировать структуру исполкомов местных Советов. До 1977 г. перечень отделов и управлений исполкомов Советов определялся Конституцией БССР. В Конституции БССР 1978 г. (ст. 138) устанавливалось, что перечень отделов и управлений исполкомов местных Советов народных депутатов и порядок их образования устанавливались законодательством СССР и БССР.

Предложения от местных руководителей носили весьма ограниченный характер и касались главным образом расширения списка производственных управлений, подчиненных облисполкомам. К концу марта 1982 г. аппаратом Президиума Верховного Совета был подготовлен проект единой структуры отделов и управлений исполкомов местных Советов. Более двух лет этот проект согласовывался с министерствами и ведомствами, исполкомами местных Советов и только 29 ноября 1984 г. уже в значительно урезанном виде был рассмотрен и утвержден на заседании Бюро ЦК КПБ, после чего в декабре 1984 г. официально оформлен Указом Президиума Верховного Совета БССР [20, л. 26; 21].

По утвержденному перечню в облисполкомах функционировали плановая комиссия, 13 отделов (общий, архивный, организационно-инструкторский, здравоохранения, социального обеспечения, по труду, народного образования, топлива, цен, юстиции, финансовый, юридический, ЗАГС), 14 управлений (аптечное, бытового обслуживания, внутренних дел, капитального строительства, кинофикации, культуры, лесного хозяйства, местной промышленности, общественного питания, сельского хозяйства, по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, строительства и архитектуры, профессионально-технического образования, торговли), комитет по телевидению и радиовещанию. Также в структуру облисполкома входили управление материально-технического снабжения и сбыта, три производственных управления (жилищно-коммунального хозяйства, мелиорации и водного хозяйства, строительства и эксплуатации автомобильных дорог), комитет по физической культуре и спорту, государственный арбитраж.

В районных Советах были образованы плановая комиссия, восемь отделов (общий, организационно-инструкторский, внутренних дел, социального обеспечения, народного образования, культуры, финансовый, ЗАГС), два управления (капитального строительства, сельского хозяйства). Также при райисполкомах создавались производственное управление по жилищно-коммунальному хозяйству и комитет по физической культуре и спорту.

В горисполкомах городов областного подчинения создавались плановая комиссия и 12 отделов (общий, организационно-инструкторский, внутренних дел, здравоохранения, социального обеспечения (в городах без районного деления), народного образования, культуры, финансовый, ЗАГС, транспорта (в городах с районным делением), торговли и общественного питания, по учету и распределению жилой площади), а также при горисполкомах — производственное объединение по жилищно-коммунальному хозяйству и комитет по физической культуре и спорту.

Городские райисполкомы включали плановую комиссию, девять отделов (общий, организационно-инструкторский, внутренних дел, здравоохранения, социального обеспечения (в городах без районного деления), народного образования, финансовый, ЗАГС, по учету и распределению

жилой площади). Также при райисполкомах функционировали производственные объединения по жилищно-коммунальному хозяйству и комитеты по физической культуре и спорту.

Самой «скромной» выглядела структура горисполкомов городов районного подчинения — общий отдел и ЗАГС.

Дополнительно к этому перечню могли создаваться и иные структурные подразделения исполкомов местных Советов народных депутатов. С согласия Совета Министров БССР — отделы и управления облисполкомов, с согласия облисполкомов и Минского горисполкома — отделы и управления районных, городских и районных в городах исполкомов.

Таким образом, реорганизации местного аппарата государственного управления носили ограниченный характер и были направлены на адаптацию структуры местных органов власти и управления к росту объемов решаемых задач социально-экономического развития регионов в условиях сохранения существующей вертикали власти и сложившихся писанных и неписанных правил внутри нее самой. Никаких «предперестроечных» настроений в этом вопросе среди местной руководящей советской и партийной вертикали автор выявить не удалось.

В эти годы в качестве основного в построении системы власти и управления по-прежнему декларировался принцип демократического централизма как гармоничного сочетания единого руководства с самостоятельностью и развитием местной инициативы. В реальности же вся система органов государственной власти и управления строилась на основе централизации системы власти и управления, жесткого вертикального подчинения административных статусов сверху вниз, а главной задачей всех органов местных Советов было неукоснительное выполнение решений вышестоящих органов.

Источники и литература

1. Конституция (Основной Закон Белорусской Советской Социалистической Республики). — Минск : Беларусь, 1978. — 63 с.
2. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / редкол.: С. П. Маргунский [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1976. — Т. 2 (1937—1975). — 655 с.
3. Смяховіч, М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943—1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт / М. У. Смяховіч. — Мінск : Бел. навука, 2017. — 439 с.
4. Тимофеев, Р. В. Транспортная политика в Белорусской ССР: разработка и осуществление (осень 1943—1991 гг.) / Р. В. Тимофеев. — Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2017. — 230 с.
5. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР (СЗ БССР). — 1964. — № 39. — Ст. 442.
6. СЗ БССР. — 1965. — № 11. — Ст. 103.
7. СЗ БССР. — 1970. — № 1. — Ст. 3.
8. Продовольственная программа Белорусской ССР на период до 1990 года: утв. постановлением пленума ЦК КПБ 2 декабря 1982 г. — Минск : Беларусь, 1982. — 31 с.

9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986 гг.). Т. 14 (1981—1984 гг.)— 9-е изд., испр. и доп. — М. : Политиздат, 1987. — 639 с.
10. Хусаинов, Ю. М. На пути к большому хлебу / Ю. М. Хусаинов. — Минск : Беларусь, 1985. — 367 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 160. Д. 508.
12. СЗ БССР. — 1965. — № 33. — Ст. 362.
13. СЗ БССР. — 1966. — № 28. — Ст. 376.
14. СЗ БССР. — 1970. — № 32. — Ст. 458.
15. СЗ БССР. — 1976. — № 28. — Ст. 433.
16. СЗ БССР. — 1972. — № 11. — Ст. 154.
17. Государственный архив Гомельской области. — Ф. 1174. Оп. 8. Д. 1420.
18. СЗ БССР. — 1980. — № 32. — Ст. 654.
19. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 5. Д. 7990.
20. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 160. Д. 104.
21. СЗ БССР. — 1984. — № 35. — Ст. 514.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.01.2023

*Е. А. Макаренко,
заместитель директора учреждения
«Белорусский государственный архив-музей
литературы и искусства»;
e-mail: e.makarenko@narb.by*

СОЗДАНИЕ НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА К ДОКУМЕНТАМ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Создание и развитие системы научно-справочного аппарата (далее — СНСА) — это одна из приоритетных задач в работе государственных архивов, направленная на обеспечение сохранности архивных документов и расширение научно-информационной деятельности архивных учреждений в интересах государства и общества.

В послевоенные годы государственные архивы осуществляли организацию сбора и учета сохранившихся документов, их первичную научно-техническую обработку, предоставление информации по личному составу и о событиях, происходивших на территории республики в период Великой Отечественной войны.

Руководствуясь приказом НКВД—НКГБ СССР от 2 сентября 1944 г. № 001222 / 00268, Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (далее — ЦГАОР) приступил к организации использования документальных материалов в оперативных целях. Данная работа была связана с необходимостью улучшения использования секретных документов государственных архивов в агентурно-оперативной работе и ускорения наведения справок по запросам.

Комплекс документальных материалов учреждений и организаций, созданных гитлеровскими захватчиками и их сообщниками, особых отделов партизанских формирований, действовавших на временно оккупированной территории БССР, был сосредоточен в отделе секретных фондов ЦГАОР.

В информационно-методическом письме Архивного отдела НКВД БССР от 14 сентября 1944 г. № 172 было определено, что на карточный учет в первую очередь должны быть взяты лица, проходящие по документам следующих учреждений: гестапо, фельдкомендатур, полиции, СС, СД; областных комиссариатов; городских и районных отделов Белорусской Народной Самопомощи (далее — БНС); уполномоченных и членов Белорусской Центральной Рады (далее — БЦР); городских и районных управ и их отделов; корпусов самообороны (отрядов добровольческой полиции, организуемых БНС для борьбы с партизанами); сельских волостных правлений; рот службы порядка; отделений Центрального торгового общества (далее — ЦТО) «Восток»; городских и районных карточных бюро; городских и районных вербо-

вочных бюро по отправке рабочих в Германию; городских и районных отделений госбанка и др.

С целью создания именной картотеки военных преступников, полицейских, лиц, находившихся на службе у оккупационного режима, а также состоявших в белорусских националистических организациях и воинских формированиях, в течение второй половины 1940-х — 1970-х гг. ЦГАОР БССР осуществлял упорядочение и разработку данных документальных материалов. В ходе работы составлялись *алфавитные карточки* и *списки-справочники* на подучетных лиц.

В *алфавитной карточке* заполнялись графы «Фамилия, имя, отчество», «Место службы и род занятий», «Политпрошлое», «Соцпроисхождение», «Дата документа», «Род документа», «Наименование фонда», «Номер описи», «Архивный номер», «Листь», «Составитель». Установочные и компрометирующие данные (домашний адрес, семейный состав и дополнительные сведения, характеризующие преступную деятельность лица) указывались на оборотной стороне карточки. После окончания разработки документальных материалов данного фонда карточки систематизировались по строгому алфавитному принципу и в пределах пяти основных категорий: агенты гестапо, СД, слушатели шпионских школ; изменники родины; личный состав карательных, военных формирований; личный состав белорусско-националистических партий, обществ и союзов; личный состав органов «самоуправления» и других учреждений. На основе алфавитных карточек составлялись *списки-справочники*, которые имели следующие поля: «Номер по порядку», «Фамилия, имя, отчество», «Год и место рождения», «Краткая характеристика деятельности», «Исковые данные, род и дата документа», «Результаты розыска». В графе «Краткая характеристика деятельности» вносились все установочные и компрометирующие данные [12, л. 2]. Кроме того, в процессе разработки дел фонда осуществлялась подготовка *ориентировки*, которая включала: название фонда и время его деятельности; количество дел; число выявленных «контрреволюционных элементов» и занимаемые ими должности; круг деятельности и компетенция учреждения (т. е. структура, функции и задачи); общая и персональная характеристика проходящего состава и их антисоветская деятельность; методы шпионажа; факты немецко-фашистского хозяйничанья на временно оккупированной территории (расхищение и эксплуатация народного хозяйства, методы борьбы и агитации против советского государства и народа, в первую очередь партизан).

В начале 1950-х гг. к спискам-справочникам составлялись *предисловия*, в которых кратко излагалась история учреждения-фондообразователя, порядок разработки документальных материалов и их характеристика, в некоторых случаях составлялся список сокращенных слов [15, л. 43—56].

Ориентировки и списки-справочники подписывались начальником государственного архива и отдела секретных фондов и направлялись в 1-й

спецотдел УНКВД, УНКГБ и Архивный отдел НКВД БССР. В государственном архиве оставалась только картотека [12, л. 1 об.—2].

В результате работы органов МВД—МГБ и государственных архивов БССР в данном направлении, в течение 1947—1949 гг. отдел использования Архивного управления (далее — АУ) МВД БССР подготовил и издал общереспубликанский Список-справочник на руководящий и рядовой состав БЦР, БНС, Союза белорусской молодежи (далее — СБМ), Белорусской краевой обороны (далее — БКО), Белорусской самообороны, Союза борьбы против большевизма, сотрудников органов пропаганды, личный состав шпионских школ, полиции, тюрем, судебного ведомства, бургомистров, старост деревень и волостей и других учреждений и организаций, существовавших в Белоруссии в период немецко-фашистской оккупации (1941—1944 гг.) в 2 томах в количестве 700 экземпляров. В данный Список-справочник были включены лица, служившие в немецко-фашистских и белорусско-националистических учреждениях и организациях в период временной оккупации БССР и выявленные по секретным документальным материалам государственных архивов БССР [30].

В соответствии с разъяснением Главного архивного управления (далее — ГАУ) МВД СССР от 22 апреля 1954 г. № 21/4/004765 *алфавитные карточки и списки-справочники* должны были составляться только на определенные категории лиц по наиболее актуальным «политкраскам» и по согласованию с оперативными органами, т. е. по их просьбе.

Под «политкрасками» понималась группа карточек на лиц одной какой-либо категории, например: изменники родины, предатели и другие пособники немецких оккупантов; служащие иностранных фирм и обществ и др. В список-справочник вносились карточки только одной «политкраски». После того как карточки определенной «политкраски» включались в список-справочник, они подлежали включению и в общесправочную картотеку [16, л. 21].

За период 1944—1955 гг. в ЦГАОР на учет были взяты лица, проходившие по фондам Генерального комиссариата Белоруссии (далее — ГКБ), Главной железнодорожной дирекции, Инспекториата белорусских школ при ГКБ, Общественного банка Белоруссии, Охранной полиции окружного управления полиции и др. Проведена работа по разработке коллекции документальных материалов немецких воинских формирований (приказы по личному составу, списки и анкеты на советских военнопленных, содержавшихся в лагере Гнездово), действовавших на временно оккупированной территории Белоруссии. Коллекция поступила в архив из 1-го спецотдела МВД БССР. В ходе работы были составлены алфавитные карточки на бывших советских военнослужащих, плененных немецкими частями, и советских граждан, добровольно или насильственно зачисленных в немецкие подразделения [16, л. 64—65]. Кроме того, взяты на учет и подготовлены списки-справочники на лиц, состоявших в белорусских националистических организациях и воинских формированиях: руководящий и рядовой состав Центрального

управления и Минского городского отдела БНС; членов БНС; рядовой состав железнодорожного батальона; командный и рядовой состав батальонов БКО; лиц, окончивших Минскую офицерскую школу БКО; членов Белорусского научного товарищества [16, л. 84—84 об.].

Одновременно с созданием именной картотеки на военных преступников, полицейских и лиц, находившихся на службе у оккупационного режима, в ЦГАОР проводилось выявление сведений и составление алфавитных карточек на лиц, привлекавшихся судебными органами и осужденных за «антисоветскую» и «контрреволюционную» деятельность, лишенных избирательного права, владельцев промышленно-торговых предприятий периода НЭПа, получавших иностранную валюту из-за границы, и др., которые также включались в общую именную картотеку «антисоветских элементов».

В 1962 г. отдел секретных фондов ЦГАОР составил списки административного и полицейского руководящего состава немецко-фашистских оккупационных учреждений в БССР и разработал алфавитную картотеку (на немецком языке) на работников немецких оккупационных учреждений из числа местного населения, среди которых были охранники Минской тюрьмы и тюрьмы в Боровлянах, официантки немецкого казино-ресторана, переводчики и подсобные рабочие, а также 51 личное удостоверение имперских чиновников ГКБ и окружных комиссариатов [25, л. 1—26]. Данные карточки также были влиты в общую именную картотеку «антисоветских элементов». В дальнейшем наполнение картотеки осуществлялось в связи с исполнением тематических и биографических запросов оперативных органов и ГАУ СССР.

По документам хранившимся в ЦГАОР до 1971 г. 45 фондов особых отделов партизанских формирований, действовавших на временно оккупированной территории БССР, была создана именная картотека «полицейских и агентов гестапо в годы Великой Отечественной войны».

Таким образом, в ЦГАОР в результате разработки секретных фондов в оперативных целях были созданы именные картотеки на «лиц, сотрудничавших с оккупационными властями и обвинявшихся в антисоветской деятельности в 20—50-х гг. XX века» и «полицейских и агентов гестапо в годы Великой Отечественной войны», которые на сегодняшний день насчитывают около 200 тыс. карточек. Вместе с тем в именной картотеке «лиц, сотрудничавших с оккупационными властями и обвинявшихся в антисоветской деятельности в 20—50-х гг. XX века» отложились алфавитные карточки, составленные на основе документов государственных областных архивов БССР. Их наличие в данной картотеке объясняется тем, что работник секретных фондов ЦГАОР осуществлял перевод немецких документов областных архивов и составление алфавитных карточек на лиц, проходящих по данным документам. Так, в сопроводительных письмах начальника ЦГАОР от 20 и 21 сентября 1955 г. № 15с, 16с значится, что в Государственный архив Витебской области передаются 24 единицы хранения (далее — ед. хр.), 51 лист перево-

дов с немецкого языка и 3 525 карточек, составленных ЦГАОР по документальным материалам данного областного архива, а в АУ МВД БССР — копии переводов [17, л. 20—22].

В ходе разработки документальных материалов периода немецко-фашистской оккупации БССР, выявления и учета «контрреволюционных элементов» большое внимание уделялось изучению состава и содержания секретных фондов, переводу трофейных немецких документов на русский язык, составлению исторических справок, тематических обзоров, обзоров фондов и спецсообщений для оперативных органов НКВД—НКГБ (с 1946 г. — МВД—МГБ) и контрразведки «Смерш» БССР.

После освобождения территории Белоруссии от гитлеровских захватчиков, с октября 1944 г., документы учреждений и организаций оккупационного режима переводились в основном сотрудниками органов государственной безопасности в оперативных целях, а также переводчиками, приглашенными в государственные архивы из партийных и советских органов. Дела, по которым выявлялись документы, и их переводы выслались в АУ МВД БССР. В препроводительной записке к ним указывалось наименование архива, название фонда, номер дела и листа, а также составлялась краткая характеристика на выявленные документы [11, л. 89—89 об.]. Так, например, в 1947 г. в ЦГАОР были выявлены и переведены с немецкого языка 75 документов фонда № 370 ГКБ [13, л. 8], а в 1950 г. — 22 документа, часть из которых в дальнейшем была направлена в ЦК КП(б)Б, Совет Министров БССР и МГБ БССР [14, л. 39—39 об.]. Данные переводы содержали сведения о политическом положении и экономическом состоянии оккупированных областей БССР, методах борьбы с партизанами, деятельности католической и православной церкви в Белоруссии в период оккупации.

В 1960—1970-х гг. ЦГАОР приступил к выявлению и переводу трофейных немецких документов по истории партизанского движения в БССР, Польше, Югославии (Хорватии и Сербии), Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Италии, Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Франции [20, л. 13—70]; об оккупационном режиме [23, л. 1—36]; злодеяниях гитлеровских захватчиков и их сообщников на оккупированной территории БССР [21, л. 1—100]; населенных пунктах Белоруссии, разрушенных и сожженных гитлеровскими захватчиками и их сообщниками в 1941—1944 гг. [26, л. 48—55]; деятельности служителей белорусской церкви и религиозных организаций в период оккупации [22, л. 1—65] и др. Вместе с тем систематизация и учет переводов немецких документов в отделе секретных фондов ЦГАОР не осуществлялись.

С целью улучшения работы по использованию секретных материалов государственных архивов БССР в оперативной работе в январе 1945 г. ЦГАОР приступил к составлению *обзоров* и *исторических справок* о возникновении и деятельности учреждений немецкого командования и органов «самоуправления» на временно оккупированной территории Белоруссии [13, л. 13—14 об.]. В

результате в течение 1945—1955 гг. были составлены обзоры и исторические справки на фонды БЦР, БНС [16, л. 87—91], БКО [16, л. 110—114], Белорусского научного общества при БЦР [16, л. 100—102], Белорусского культурного объединения [16, л. 103—104] и др.

В соответствии с указанием ГАУ МВД СССР от 28 июня 1955 г. № 13с ЦГАОР подготовил *Список* и *Обзор* трофейных документальных материалов воинских частей и учреждений фашистской Германии [17, л. 10—19].

В 1960—1970-х гг. большое внимание в ЦГАОР уделялось составлению перечней документов. В результате были выявлены документы и составлены следующие перечни: Перечень документальных и печатных материалов по истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), хранящихся в ЦГАОР, в который были включены документы фондов оккупационных учреждений на немецком языке [18, л. 15—32]; Перечень документальных материалов в ЦГАОР об участии чехословаков в Великой Отечественной войне [20, л. 1—2]; Перечень выявленных документов о проведении нацистами политики германизации на временно оккупированной советской территории [24, л. 9—12]; Перечень приказов и распоряжений гитлеровского вермахта, касающихся карательных операций и других злодеяний фашистских войск на временно оккупированной территории Белоруссии [24, л. 34—36]; Перечень документальных материалов по теме «Разрушения немецко-фашистскими оккупантами культуры белорусского народа» [24, л. 38—42] и др.

В связи с тем что документы периода Великой Отечественной войны до начала 2000-х гг. находились на секретном хранении, результаты работы с ними (справки, информации и ориентировки с краткой характеристикой состава документов фондов, перечни, переводы и фотокопии документов на немецком языке) отложились в фондах № 249 Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее — Департамент) и № 250 НАРБ.

В 1950—1960-х гг. тематическая разработка документов периода Великой Отечественной войны и создание предметного или тематического каталогов в ЦГАОР не проводились. Плановая работа по созданию систематического каталога в архиве началась в 1976 г. и была вызвана возросшим количеством обращений к данному комплексу документов. С этой целью работниками отдела секретных фондов ЦГАОР было просмотрено 1385 ед. хр. и составлена 721 тематическая карточка по документам фондов учреждений оккупационных властей: Небен-бюро и Белорусская рада доверия при ГКБ (фонды № 373, 380), Минское окружное управление БКО (фонд № 382), Главное управление войсковых дел БЦР (фонд № 383), Центральное управление БНС (фонд № 384), Минский окружной комиссариат (фонд № 393). В связи с тем что данные тематические карточки невозможно было включить в существующий систематический каталог, созданный на документы общего хранения, в 1977 г. архивом была разработана «Примерная схема

классификации документной информации периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в систематическом каталоге ЦГАОР БССР». К началу 1980-х гг. в архиве было просмотрено 4 тыс. ед. хр. по документам периода войны и составлено 10 тыс. тематических карточек, находящихся на обособленном хранении [10, л. 170—173]. Кроме того, в ходе проведения тематической разработки были выявлены документы и созданы вспомогательные именные картотеки узников концлагерей «Озаричи» и «Лесной»; граждан, проживавших в г. Минске и его районах в 1941 г., в г. Борисове в 1942 г.; детей-сирот детских домов; репатрированных граждан (созданная на основе документов фонда № 787 «Отдел по делам репатриации при СНК БССР»).

В связи с развитием автоматизированных архивных технологий в 1989 г. Всесоюзным научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела была разработана Автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) «Германская неволя», предназначенная для поиска сведений о жителях республики, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны Европы в годы Второй мировой войны. В начале 1990-х гг. ЦГАОР приступил к ее наполнению. На сегодняшний день данная база данных (далее — БД) составляет 69 201 запись.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 1993 г. № 336 ЦГАОР БССР преобразован в Белорусский государственный архив (Белгосархив), который просуществовал до июня 1995 г.

В 1994 г. создаются автоматизированные базы данных на погибших и пропавших без вести партизан и подпольщиков Витебской и Минской областей; зарубежных антифашистов — участников партизанского движения; конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья; рукописные журналы белорусских партизан; участников Минского антифашистского подполья [2, с. 85].

На сегодняшний день из вышеперечисленных баз данных в архив сохранилась только БД «Конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья», основанная на документах фондов № 4п ЦК КПБ, № 1346 Минского антифашистского подполья в годы Великой Отечественной войны и № 1450 БШПД. Многоаспектный поиск информации обеспечивается по всем полям БД: «Хозяин квартиры», «Адрес», «Время деятельности», «Базовая подпольная организация (группа)», «Характер использования», «Судьба» и «Источник». На сегодняшний день объем БД составляет 253 записи.

В 1995 г. в связи с передачей документов бывшего Центрального партийного архива (ЦПА) КПБ Белгосархиву и реорганизацией последнего в НАРБ на хранение в архив поступили фонды высших партийных, комсомольских и военных органов, руководивших партизанским движением и подпольной борьбой, их политических и вспомогательных структур, а также научно-справочный аппарат (далее — НСА) к данным фондам. Таким образом, в НАРБ сосредоточился значительный массив документальных материа-

лов по истории Великой Отечественной войны (104 120 ед. хр.), состоящий из фондов учреждений и организаций оккупационного режима и документов партийно-комсомольского и антифашистского подполья и партизанских соединений. Вместе с данным документальным комплексом в НАРБ были переданы именная картотека участников партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны, насчитывающая около 370 тыс. карточек, а также такие вспомогательные справочные картотеки, как: сотрудники БШПД и радисты; связные, работавшие в г. Минске по заданию партизан; слушатели Особого Белорусского сбора; летчики, обслуживавшие партизанские бригады; раненые партизаны и члены их семей, вывезенные в советский тыл; участники Гомельского полка народного ополчения, 1-го коммунистического истребительного батальона Могилевской области и Батальона народного ополчения Уваровичского района; лицевые счета партизан, которым выплачивалось денежное довольствие; признанные и непризнанные участники Минского антифашистского подполья.

Объединение «партийного» и «государственного» комплексов документов по истории Великой Отечественной войны вызвало необходимость в создании единой информационно-поисковой системы НАРБ. Успешное осуществление этой задачи во многом зависело от двух факторов: режима доступа к документам и состояния НСА к ним.

В 1995 г. НАРБ приступил к работе по выявлению и рассекречиванию всего «партийного» и «государственного» комплекса документов, в том числе по истории Великой Отечественной войны, созданию справочников, автоматизированных баз данных, усовершенствованию и переработке описей фондов учреждений и организаций оккупационной администрации и военно-полицейского аппарата, а также фондов подпольных партийных и комсомольских органов, партийно-комсомольских организаций и партизанских формирований, значительное количество которых создавалось в 1940-х — 1950-х гг. Большое внимание уделялось вопросам ликвидации малообъемных фондов и созданию объединенных архивных фондов (далее — ОАФ) подпольных партийных и комсомольских органов.

В течение 1995—2006 гг. в НАРБ осуществлено усовершенствование описей фондов ГКБ, Борисовского и Минского окружных комиссариатов, Главной железнодорожной дирекции г. Минска и др.

На базе 662 малообъемных фондов документов периода Великой Отечественной войны были созданы 42 ОАФ подпольных партийных и комсомольских органов, партийно-комсомольских, молодежно-патриотических, антифашистских организаций и групп [9].

Объединение фондов происходило по принципу однородности функций фондообразователей, связанных между собой объектом деятельности и территориально (по областям административно-территориального деления 1941 г.), пересоставлялись заголовки дел, составлялся необходимый НСА

(титульные листы, оглавления, списки сокращенных слов, переводные таблицы, перечни фондов, вошедших в состав ОАФ, при необходимости к описи и документам фонда составлялся общий предметный указатель) [3]. Кроме этого, проведена переработка и усовершенствование 17 описей фонда «Белорусский штаб партизанского движения» в количестве 7919 дел.

В 1997 г. НАРБ приступил к разработке Схемы классификации (рубрикатора) документной информации периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Данная Схема была составлена на основании информации, полученной в результате изучения документов немецко-фашистских оккупационных органов и их пособников и документальных материалов, образовавшихся в результате деятельности партийно-комсомольского и антифашистского подполья и партизанских формирований. Схема была призвана отразить исторические события, происходившие на временно оккупированной территории Беларуси в 1941—1944 гг. В 2001 г. данная Схема была рассмотрена и одобрена на заседании ученого совета НАРБ, однако широкого применения в деятельности архива не получила.

В начале 2000-х гг. НАРБ приступил к тематической разработке коллекции переводов документов периода Великой Отечественной войны, созданной в 1997 г. (фонд № 510), а также части фондов № 4п ЦК КПБ (опись № 33а) и № 1440 Института истории партии при ЦК КПБ (опись № 3, дела № 913—1029), которые включают переводы документов немецких оккупационных властей [6].

Основной массив переводов трофейных документов оккупационных властей содержит фонд № 510, насчитывающий 168 ед. хр.: указы, приказы, распоряжения, циркуляры, докладные и служебные записки, отчеты, справки, донесения, сообщения, сведения о политическом положении и экономическом состоянии Белоруссии, организационной структуре административно-управленческого аппарата гражданского управления на территории республики, установлении оккупационного режима, карательных операциях против мирного населения, деятельности оперативных групп, боевых действиях партизан, массовых расстрелах евреев, уничтожении деревни Хатынь, вербовке населения для работы в Германии, деятельности БНС и СБМ; статьи из журналов и газет.

В фонде № 1440 отложились переводы копий трофейных немецких документов, полученных из Германии, США и других государств, т. е. переводы с так называемой Александрийской (Потсдамской) пленки, которая насчитывает 292 028 кадров. По подсчетам С. Новика, переведено только 30% от общего количества кадров данной пленки [28].

В ходе проведения тематической разработки фондов, содержащих переводы трофейных немецких документов, тематические карточки были заиндексированы в соответствии со Схемой классификации (рубрикатора) документной информации периода Великой Отечественной войны 1941—

1945 г., созданной в 2001 г., но не отсистематизированы в соответствии с рубриками данной Схемы.

С целью привлечения более широкого круга пользователей к документам периода Великой Отечественной войны были подготовлены и изданы: справочник «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Беларуси» (дополненный и переизданный в 2003 г.) [4]; «Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944» [31]; справочник «Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944» (дополненный и переизданный в 2004 г.) [7].

Межархивный справочник «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Беларуси» содержит аннотированный перечень фондов (групп фондов), коллекций, документов государственных архивов Республики Беларусь, хранящих информацию по истории Великой Отечественной войны, с указанием поисковых данных и количества единиц хранения. Структура данного справочника построена в соответствии с задачами и функциями (родом деятельности) фондообразователей, тематикой документов и видами носителей документов. В аннотациях информация в основном систематизирована по видам документов в пределах их значимости. Справочник состоит из 7 разделов: фонды организаций, учреждений, предприятий и формирований, осуществлявших режим оккупации на территории Беларуси или функционировавших под контролем оккупационных властей; фонды организаций, руководивших партизанским движением и подпольем, партизанских формирований, подпольных структур; фонды советских воинских формирований; фонды структур, занимавшихся изучением и расследованием преступлений гитлеровских захватчиков и их сообщников, учетом причиненного ими ущерба, исследованием проблем истории Великой Отечественной войны и другими вопросами; фонды личного происхождения партийных и государственных деятелей, руководителей партизанского движения, участников и исследователей истории Великой Отечественной войны, лиц, сотрудничавших с оккупантами; архивные коллекции вне зависимости от видов носителей включенных в них документов; информация о документах по истории Великой Отечественной войны, хранящихся в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов (далее — БГАКФФД). Справочник имеет список сокращений, встречающихся в тексте, комментарии, именной указатель и указатель географических названий.

В 2001 г. НАРБ совместно с Институтом имени Людвиг Больцмана по исследованию последствий войн (г. Грац—Вена—Клагенфурт) издал сокращенную версию данного справочника на немецком языке. Осенью 2002 г. по инициативе НАРБ Объединение «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора» приняло решение переиздать справочник на немецком и русском языках. В результате совместной работы НАРБ с Объединением и

Институтом имени Людвиг Больцмана по исследованию последствий войн в 2003 г. вышло в свет дополненное и доработанное издание справочника «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Беларуси» [5].

«Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944» является межархивным справочником, в основу которого положен «Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», изданный Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь в 1998 г.

Создание справочника было вызвано потребностями Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», созданного в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 1993 г. № 390 для распределения выделенных правительством Федеративной Республики Германии денежных средств среди бывших жертв нацистских преследований, а также органов социальной защиты населения при установлении этой категории граждан соответствующих льгот. Данный справочник содержит систематизированные сведения о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси в 1941—1944 гг. В отличие от предыдущего издания, в этом справочнике представлена более четкая классификация мест принудительного содержания, уточнены их характеристики. Вместе с тем в справочное издание включены лишь те места принудительного содержания, о которых сохранились данные в архивных документах.

В основе «Справочника о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944» лежат три основные группы архивных документов. Первую группу составляют документы организаций и учреждений, осуществлявших режим оккупации Беларуси в 1941—1944 гг. Вторую группу — документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в БССР (ЧГК). Третья группа источников — документы фондов подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ, БШПД, а также следственных дел на лиц, обвиненных в преступлениях против человечества и коллаборационизме. Данные документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ), НАРБ, государственных областных и зональных архивах Беларуси и др.

Сведения о местах принудительного содержания даются по состоянию на 1 марта 2001 г. в соответствии с современным административно-территориальным делением. К справочнику составлен географический указатель.

Справочник «Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944» составлен на основании документов, хранящихся в НАРБ, областных и зональных архивах республики, а также ГАРФ, Федеральном архиве и земельных архивах Германии. В справочник включено три группы источников. Первую группу составляют документы военных, гражданских организаций, учреждений и формирований, осуществлявших режим оккупации Беларуси в 1941—1944 гг. — ГКБ, окружных комиссариатов, Главной железнодорожной дирекции «Центр», полевых комендатур и др. Вторую группу источников представляют документы советских организаций, среди которых материалы ЧГК СССР, Центрального и областных комитетов КПБ, БШПД, районных Советов депутатов и исполнительных комитетов. В третью группу включены документы, находящиеся на хранении в немецких архивах, прежде всего в Федеральном военном архиве во Фрайбурге — документы частей германского вермахта, а именно тыловых районов армий и армейских групп за 1941—1944 гг., которые содержат сведения о системе лагерей, их управлении и снабжении. Справочник снабжен перечнем использованных архивных фондов, списком сокращений и географическим указателем.

В течение 2003—2004 гг. в НАРБ обеспечивалась работа по созданию баз данных «Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.» и «Участники партизанского и подпольного движения на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.».

БД «Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.» — это электронная картотека, основанная на фондах НАРБ, справочной и другой специальной литературе, содержащая информацию о соединениях и частях бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Объем БД составляет 1231 запись.

БД «Участники партизанского и подпольного движения на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.» представляет собой именной указатель, основанный на документах фонда № 1450 БШПД, хранящегося в НАРБ, и предназначена для поиска сведений об участниках партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны. Объем БД — 3786 записей.

В 2004 г. Посольство Федеративной Республики Германии в Республике Беларусь передало Комитету по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь БД «Советские военнопленные-офицеры» — именной указатель, созданный на основе немецких регистрационных документов отдела по делам военнопленных главного штаба вермахта и отдела военной администрации начальника тыла сухопутных сил. БД обеспечивает многоаспектный поиск по следующим полям: «Фамилия, имя и отчество», «Дата рождения», «Национальность», «Место рождения», «Звание», «Про-

фессия», «Воинское подразделение», «Место взятия в плен», «Наименование лагеря», «Дата смерти», «Причина смерти», «Место захоронения» и другое. Сведения, введенные в БД, на немецком языке. На русский язык дублированы только такие поля, как: «Фамилия, имя, отчество», «Профессия», «Место службы», «Дата рождения». Объем БД — 57 692 записи.

В 2008 г. НАРБ обеспечил археографическую обработку документов и подготовку к изданию справочника «Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Оборона СССР, 1941—1945 гг.» [1]. В справочник включено 345 постановлений и распоряжений ГКО, содержащих информацию о Беларуси или действие которых распространяются на ее территорию, и хранящихся в РГАСПИ. Справочник содержит перечень документов в хронологическом порядке с описанием их содержания. Характеристики документов взяты из перечня решений ГКО за 1941—1945 гг., опубликованного в шестом выпуске Бюллетеня рассекреченных документов федеральных государственных архивов в 2005 г. Они включают номер документа, дату, вид, заголовок и архивный шифр, который содержит только номера дел и листов, т. к. документы ГКО хранятся в РГАСПИ в описи № 1 фонда № 644. Из переданных РГАСПИ копий постановлений и распоряжений ГКО в НАРБ сформирована коллекция (фонд № 541).

В 2011 г. Администрацией Президента Республики Беларусь были переданы на хранение в НАРБ документы Верховного Совета Республики Беларусь за 1944—1991 гг. (316 условных ед. хр.), в том числе картотеки персонального учета участников партизанского движения на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., награжденных орденами и медалями СССР. В течение 2012—2013 гг. архив осуществил научно-техническую обработку данных документов. В ходе проведения экспертизы ценности было выявлено свыше 1,5 тыс. дублетных документов, сформированы дела с указами Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза, награждении орденами и медалями партизан за 1943—1944, 1948 гг., и включены в фонды Верховного Совета БССР (№ 968) и БШПД (№ 1450).

В 2012 г. вышел в свет один из видов архивных путеводителей — краткий справочник «Фонды Национального архива Республики Беларусь», содержащий информацию о 1 166 фондах, хранящихся в архиве по состоянию на 1 января 2011 г., и справочный аппарат к нему. Документы по истории Великой Отечественной войны сосредоточены в четырех разделах справочника: фонды организаций и формирований движения Сопротивления периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (46 фондов в количестве 21 277 дел); фонды организаций, учреждений, предприятий и формирований, осуществлявших режим оккупации или функционировавших под контролем оккупационных властей периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (72 фонда, 11 272 дела); фонды комиссий и учреждений, занимавшихся расследованием

преступлений немецко-фашистских захватчиков, учетом размеров ущерба, нанесенного войной и оккупацией, изучением истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; архивные коллекции документов по истории Великой Отечественной войны (13 фондов, 80 626 дел) [32].

В этом же году НАРБ приступил к работе по созданию БД «Гражданское население в годы оккупации на территории Белоруссии». В течение 2012—2013 гг. отделом использования документов и информации архива проведено выявление документов фондов периода Великой Отечественной войны, хранящихся в НАРБ, по данной проблематике (списки жителей деревень; списки граждан, сдавших средства в фонд обороны; списки гражданского населения, проживавшего в семейных лагерях партизанских отрядов; списки граждан, эвакуированных из немецких гарнизонов в партизанские зоны; списки учащихся и учителей партизанских школ; списки граждан, проживавших на территории действия партизанских отрядов; списки скрытых резервов партизанских отрядов; списки партизанских семей, эвакуированных в советский тыл; списки беженцев, проживавших на территории Белоруссии; списки рабочих и служащих немецких оккупационных учреждений) и составлены тематические перечни по областям. Вместе с тем ввод сведений в БД «Гражданское население в годы оккупации на территории Белоруссии» в 2019 г. был приостановлен. В 2021 г. принято решение о разделении данной БД на две самостоятельные базы — «Гражданское население, эвакуированное с территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны» и «Гражданское население, проживавшее на временно оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны».

Основой для создания БД «Гражданское население, эвакуированное с территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны» послужили документы Эвакотдела СНК БССР, хранящиеся в фонде № 7 Совета Министров Республики Беларусь, и списки граждан БССР, эвакуированных в тыловые районы СССР, фонда № 4п ЦК КПБ. На сегодняшний день БД насчитывает 30 466 записей [33].

В марте 2013 г. к 70-летию Хатынской трагедии на сайте НАРБ размещена БД «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» — географический указатель, построенный по алфавитному принципу и основанный на документах НАРБ, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, областных и зональных государственных архивов Беларуси, архивов России. Данная БД была передана в НАРБ в 2012 г. общественным объединением «Белорусский фонд мира» в рамках исполнения международного проекта «Повышение статуса спасшихся жителей сожженных белорусских деревень».

БД содержит сведения о белорусских деревнях, уничтоженных полностью или частично с населением и без жителей, состоит из двух частей (информационной и иллюстрационной) и включает в себя следующие поля:

«Название населенного пункта», «Современное административно-территориальное деление», «Военная административная подчиненность», «Количество дворов и населения накануне войны», «Количество уничтоженных дворов и населения», «Дата уничтожения населенного пункта», «Поисковые данные (архив, фонд, опись, дело, литература)». Вторая часть БД содержит цифровые копии архивных документов, фотографии, записи воспоминаний и другие материалы, свидетельствующие о трагедии. Объем БД — 9097 записей.

В настоящее время продолжается работа по уточнению списка уничтоженных населенных пунктов, выявление и оцифровка архивных документов, содержащихся в архивно-следственных делах на военных преступников, осужденных в послевоенные годы.

В 2014 г. вместе с документами Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» на постоянное хранение в НАРБ была передана база данных — именной указатель к квалификационным картам, содержащим сведения о лицах, пострадавших от национал-социалистских преследований в годы Второй мировой войны. Объем БД — 214 445 записей.

В ходе проведения Международных чтений цикла «История во имя мира», посвященных 75-летию начала Великой Отечественной войны, Федеральное архивное агентство (Росархив) передало Департаменту 227 цифровых копий архивных дел (47 454 файла JPG) на 17 компакт-дисках (DVD-R) об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории БССР из 12 описей фонда № Р 7021 ГАРФ. В 2019 г. в НАРБ осуществлено научное описание данных документов и сформирована «Коллекция цифровых копий на правах подлинников документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по БССР, переданных из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)» (№ 1569) [8].

С целью вовлечения в научный оборот документов об осуждении иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси в 1944—1951 гг., в 2016 г. была опубликована опись уголовных дел фонда № 1363 «Комитет государственной безопасности при Совете Министров БССР (КГБ БССР)» [29]. В ходе подготовки данного издания было принято решение о необходимости расширения сведений, представленных в описи, за счет включения дополнительных граф: фамилия, имя, отчество осужденного; место службы или работы; год рождения; причина осуждения; крайние даты документов, отложившихся в деле, а также составления дополнительного справочного аппарата к описи — списка сокращенных слов, географического и предметного указателей воинских подразделений и учреждений, где служили и работали осужденные. Указатели построены по алфавитному принципу и

содержат номера дел, в которых имеются сведения о воинской части, учреждении или географическом объекте. С целью конкретизации места преступления в географическом указателе введена рубрика «Место действия — населенный пункт (район)». Для сохранения тайны личной жизни вместо фамилии осужденного указывалась только первая ее буква.

С сентября 2018 г. НАРБ совместно с Издательским домом «Беларусь сегодня» участвует в проекте по созданию общедоступной БД «Партизаны Беларуси», наполняемой имеющимися в составе фондов НАРБ документами о партизанском и подпольном движении на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, подвигах и наградах партизан и подпольщиков. Работники архива (члены рабочей группы) разработали структуру БД, выявляют и аннотируют документальные материалы, необходимые для оформления и размещения в иллюстративном блоке БД, проводят консультации с операторами БД (работниками Издательского дома «Беларусь сегодня»), осуществляют сканирование, обработку и передачу цифровых копий архивных документов.

Информационный портал содержит индивидуальную картотеку партизан и подпольщиков, краткую историю партизанского и подпольного движения в Беларуси, биографические сведения о белорусских партизанах — Героях Советского Союза, легендарных комбригах, боях и сражениях, связанных с партизанским движением.

Таким образом, на сегодняшний день в НАРБ НСА к документам периода Великой Отечественной войны представлен достаточно большим количеством архивных справочников, которые условно можно разделить на две группы: основные и дополнительные. К основным элементам НСА относятся — описи дел, каталоги, путеводители (и их разновидности), тематические базы данных; к дополнительным — указатели, обзоры, система вспомогательных справочных картотек, тематические перечни.

На сегодняшний день на все документы периода Великой Отечественной войны составлены описи дел, качество которых соответствует современным требованиям, т. к. в течение второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. архив осуществил работу по их усовершенствованию и переработке.

Тематическая разработка документов по данной проблематике с целью создания систематического каталога на документы периода Великой Отечественной войны осуществлялась в период с 1976 по 2004 гг. В ходе данной работы были составлены две схемы систематизации дел (рубрикатора) периода Великой Отечественной войны (1977 г. и 2001 г.) и создан каталог, находившийся на обособленном хранении. На сегодняшний день ни один из рубрикаторов в архиве не сохранился. В этой связи в Схеме СНСА НАРБ данный каталог учтен как предметно-тематическая картотека на документы периода Великой Отечественной войны.

Путеводители по документам периода Великой Отечественной войны представлены в основном межархивными и архивными справочниками,

опубликованными в конце 1990-х — 2000-х гг. Вместе с тем, за период 1996—2021 гг. НАРБ подготовил и издал около 50 сборников документов, посвященных событиям 1941—1945 гг.

На 1 января 2022 г. в НАРБ разработаны и используются в научной и справочной работе 9 тематических автоматизированных БД, созданных на документах периода Великой Отечественной войны. Общедоступными БД, размещенными в сети Интернет, являются «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» и Информационный интернет-портал «Партизаны Беларуси». Остальные тематические базы данных используются только в служебных целях.

В 2007 г. НАРБ осуществил ревизию вспомогательных справочных картотек бывшего ЦГАОР и ЦПА КПБ, хранящихся в НАРБ и составленных по документам фондов учреждений и организаций оккупационного режима и документов партийно-комсомольского и антифашистского подполья и партизанских соединений, а также фондов, переданных в другие архивы по принадлежности. В ходе работы было установлено, что их использование затруднено наличием старых архивных шифров, отсутствием, в некоторых случаях, необходимых справочных элементов (фамилии, имени, отчества, должности, даты события), неразборчивым написанием и затуханием текста карточки и др. В результате на заседании дирекции архива было принято решение оставить данные картотеки без изменений для служебного пользования [27, л. 34].

Одним из перспективных направлений в популяризации документов периода Великой Отечественной войны, на наш взгляд, может являться публикация описи № 3 дел постоянного хранения за 1941—1945 гг. фонда № 4п ЦК КПБ после завершения работы по переработке описей дел данного фонда за 1941—1991 гг., а также информационное наполнение Системы открытого доступа к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь, в том числе предоставление доступа к цифровым копиями документов периода Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941—1945 гг.: справочник / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, НАРБ, Федер. арх. агентство России, РГАСПИ; сост.: В. Д. Селеменов [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск : НАРБ, 2008. — 216 с.
2. Воробьев, А. В. Научно-справочный аппарат к документам периода Великой Отечественной войны / А. В. Воробьев // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2001. — Вып. 2. — С. 82—88.
3. Воробьев, Александр. К вопросу о создании объединенных архивных фондов в Национальном архиве Республики Беларусь / А. Воробьев // Архивы и делопроизводство. — 2000. — № 3. — С. 109—115.
4. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: анот. справ. / Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ.

- Беларусь, БелНИИДАД, НАРБ; авт.-сост.: С. В. Жумарь (отв. сост.) [и др.]. — Минск : БелНИИДАД, 1998. — 254 с.
5. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941—1945): справочник. — Дрезден; Минск; Грац, 2003. — 592 с: илл. (на рус., нем. яз.).
  6. Кушмиров, В. В. Тематический указатель к фонду переводов / В. В. Кушмиров // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Минск : БелНДДАС, 2001. — Вып. 2. — С. 89—94.
  7. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944: справочник / Ком. по арх. и делопроизводству при Сов. Мин. Респ. Беларусь, НАРБ, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение»; авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.]; науч. ред. В. И. Адамушко; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2003. — 62 с.; Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944: справочник = Lager sowjetischer kriegsgefangener in Belarus, 1941—1944: ein nachschlagewerk / Ком. по арх. и делопроизводству при Сов. Мин. Респ. Беларусь, НАРБ, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение», Документационный центр Шталаг 326 (VI К) Зенне, Объединение «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора»; авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.), [и др.]. — Минск : НАРБ, 2004. — 192 с.
  8. Макаренко, Е. А. Белорусская республиканская комиссия содействия в работе ЦПК СССР: история создания и формирование архивных комплексов документов / Е. А. Макаренко // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Минск : БелНДДАС, 2019. — Вып. 20. — С. 51—62.
  9. Макаренко, Е. А. Система научно-справочного аппарата Национального архива Республики Беларусь: формирование и перспективы развития / Е. А. Макаренко // Аўтограф, альманах: навук. зб. — Минск : БДАМЛМ, 2022. — Вып. 3. — С. 67—89.
  10. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 5. Д. 2554. Л. 170—173.
  11. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 8. Д. 8.
  12. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 8. Д. 24.
  13. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 8. Д. 182.
  14. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 8. Д. 281.
  15. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 100.
  16. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 110.
  17. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 121.
  18. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 141.
  19. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 145.
  20. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 146.
  21. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 148.
  22. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 149.
  23. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 154.
  24. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 155.
  25. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 157.
  26. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 6. Д. 160.
  27. НАРБ. — Ф. 250. Оп. 13. Д. 70.
  28. Новік, Сяргей. «Александрыйскія мікрафільмы» як новая гістарычная і археаграфічная першакрыніца / С. Новік // Архивы и делопроизводство. — 2000. — № 3. — С. 104—108.

29. Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси, 1944—1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) / НАРБ, Фонд «Ист. память», Ин-т им. Людвиг Больдмана по исслед. последствий войн ; сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. Дюков [и др.]. — Минск; М.; Грац; М. : Фонд «Ист. память», 2016. — 552 с.
30. Список-справочник на руководящий и рядовой состав БЦР, БНС, СБМ, БКО, Белорусской самоохоты, Союза борьбы против большевизма, сотрудников органов пропаганды, личный состав шпионских школ полиции, тюрем, судебного ведомства, бургомистров, старост деревень и волостей и других учреждений и организаций, существовавших в Белоруссии в период немецко-фашистской оккупации (1941—1944 гг.), в 2-х томах: 1947 г. — Том № 1 : А—К (№ 1—10029); 1949 г. — Том № 2 : Л—Я (№ 10030—24584).
31. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944. Handbuch der Haftstätten für Zivilbevölkerung auf dem besetzten Territorium von Belarus 1941—1944. — Минск : НАРБ, 2001. — 158 с. (на рус., нем. яз).
32. Фонды Национального архива Республики Беларусь: краткий справочник. — Минск : НББ, 2012. — 229 с.
33. Шаповал-Конопаткая, Алеся. Перспективы работы с базой данных «Гражданское население, эвакуированное с территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны» / А. Шаповал-Конопаткая // Архивы и делопроизводство. — 2022. — № 3. — С. 77—81.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.10.2022

С. Я. Новікаў,
загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук,
прафесар установы адукацыі
«Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт»,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: siarhnovikau@gmail.com

НАЦЫСЦКІ ГЕНАЦЫД БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў АДЛЮСТРАВАННІ ДАКУМЕНТАЎ СЕРЫІ «БЕЗ ТЭРМІНУ ДАЎНАСЦІ»

У год святкавання 75-й гадавіны Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне беларускія архівісты распачалі падрыхтоўку фундаментальнага выдавецкага праекта «Без тэрміну даўнасці. Беларусь» — шматтомнага дакументальнага выдання аб злачынствах нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва рэспублікі ў 1941—1944 гг. [14, с. 28—29]. Мінулы год у Рэспубліцы Беларусь быў аб'яўлены годам гістарычнай памяці. Год застанецца ў памяці дзякуючы важным навуковым падзеям, звязаным з пачаткам новага этапу па фарміраванні дакументальнай базы для даследавання злачынстваў нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва на тэрыторыі рэспублікі ў гады Вялікай Айчыннай вайны [1—6]. У ліку знакавых падзей, якія не засталіся без увагі навуковай грамадскасці, па праву можна назваць прэзентацыю ў сярэдзіне снежня 2022 г. на пляцоўцы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі серыі зборнікаў дакументаў «Без тэрміну даўнасці. Беларусь», падрыхтаваных на працягу апошніх двух гадоў архівістамі, гісторыкамі і вучонымі Беларусі і Расіі пры падтрымцы фонду «Гістарычная памяць» [13].

Аўтар бачыць сваёй мэтай агляд створанага ўпершыню ўнікальнага масіву крыніцазнаўчых матэрыялаў і паказ на іх аснове агульнай карціны злачынстваў, учыненых нацыстамі ў гады вайны на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Аналіз апублікаваных дакументаў у нашым даследаванні ажыццёўлены па крытэрыі геаграфічнай лакалізацыі населеных пунктаў, раскрыцця злачыннага характару нацысцкага акупацыйнага рэжыму, паказу ролі і месца часцей германскага вермахта, СС і паліцыі ў яго ажыццяўленні, а таксама ўвядзення дакументальных фактаў для фарміравання верыфікаванай базы крыніц у рамках даследавання трагічных старонак гісторыі Беларусі ў 1941—1944 гг.

Сёння ў сувязі з увядзеннем у навуковы абарот вялізнага масіву раней невядомых дакументальных матэрыялаў перад гісторыкамі адкрываюцца ўнікальныя магчымасці для сістэмнага аналізу вельмі важнай гістарычнай, і як паказвае час, дзяржаўнай праблемы. Значэнне яе на такім узроўні вызначана ў 2021 годзе, калі Генеральнай пракуратурай Рэспублікі Беларусь была ўзбуджана і расследаецца крымінальная справа па фактах учынення нацысцкімі злачынцамі і іх саўдзельнікамі генацыду мірнага насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны [8; 9].

Адным з важных вынікаў сумеснай дзейнасці беларускіх і расійскіх архівістаў і гісторыкаў на гэты момант з'яўляецца серыя дакументальных выданняў «Без тэрміну даўнасці. Беларусь», якія выйшлі на працягу апошніх двух гадоў і ўключаюць 1251 [падлікі аўтара. — С. Н.] архіўны дакумент і матэрыял па тэме злачынстваў нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва на акупіраванай тэрыторыі БССР у гады Вялікай Айчыннай вайны. Іншымі словамі, дзякуючы з'яўленню ўнікальнага выдання чытацкая аўдыторыя атрымала магчымасць убачыць трагедыю беларускага народа выключна праз архіўныя дакументальныя факты. Дакументы, прадстаўленыя ў шасці асобных кнігах, паказваюць падзеі ў праламленні самых розных гістарычных крыніц. Адзначым, што кіраўнікамі групы аўтараў-укладальнікаў зборнікаў з'яўляюцца: з беларускага боку — лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук В. Д. Селяменеў; з расійскай — навуковы супрацоўнік Інстытута расійскай гісторыі РАН, дырэктар фонду «Гістарычная памяць» А. Р. Дзюкаў. Выдавецкі цэнтр гэтага фонду стаў паліграфічнай базай для выдання дакументальнай серыі.

У калектыве аўтараў-укладальнікаў разам з кіраўнікамі групы А. Р. Дзюкавым і В. Д. Селяменевым уваходзілі: З. А. Александровіч, Т. У. Буевіч, У. К. Вазнясенскі, І. А. Вішнеўскі, А. Ф. Вялікі, М. У. Гарэлік, А. М. Жукава, Л. Д. Жукоўская, Ю. У. Звераў, Н. Я. Калеснік, Г. Д. Капустава, Н. В. Кір'ялава, І. І. Коўтун, С. В. Кулінок, А. Д. Лебедзёў, Г. Т. Ленартовіч, Т. І. Лін, І. М. Лукашэвіч, Т. П. Новікава, А. В. Петухоў, Л. В. Салкевіч, М. М. Скамарошчанка, А. І. Трацяк, М. Я. Тумаш, А. Г. Шапавал-Канапацкая, А. П. Паўлюковіч, А. М. Чарняк, А. П. Шкуран, В. І. Шэршань, Л. І. Юніна, Н. В. Якута. Навуковымі рэцэнзентамі дакументальных выданняў з'яўляліся вядучыя ваенныя гісторыкі, сярод іх: дактары гістарычных навук А. А. Каваленя, А. М. Літвін; кандыдаты гістарычных навук Я. А. Грэбень, А. І. Корсак, А. А. Крыварот, С. Я. Новікаў.

Адразу адзначым, што выдадзеныя зборнікі дакументаў структурна аднатыпныя, прадуманы тэматычна і зручныя для выкарыстання ў даследчай працы: дакументы размяшчаюцца ў храналагічнай паслядоўнасці, складальнікі зборнікаў дапоўнілі базавыя матэрыялы неабходнымі нататкамі. Усе дакументы і матэрыялы маюць загаловак, парадкавы нумар, у большасці выпадкаў прыводзяцца даты, звесткі аб ступені сакрэтнасці і арыгінальнасці, жанр падачы. Важна, што пасля кожнага дакумента ўказваюцца яго пошукавыя даныя: архіў, нумар фонду, вопісу і справы, выкарыстаныя аркушы, а таксама даныя аб сапраўднасці або капійнасці кожнага дакумента, указваюцца на крыніцу ў выпадку яго перадрукоўкі з папярэдніх выданняў. Для больш поўнага разумення зместу дакумента складальнікамі распрацаваны каментары. У цэлым навукова-даведачны матэрыял зборнікаў складаецца з прадмовы, археаграфічнай уступнай часткі ад складальнікаў, археаграфічных і тэкстуальных

заўваг, геаграфічных паказальнікаў, спісу скарачаных слоў і пераліку дакументаў.

У зборніках серыі большасць дакументаў прыводзіцца ўпершыню. З'яўляючыся ўнікальным крыніцзнаўчым укладам у даследаванне праблемы, практычна ўсе апублікаваныя матэрыялы будуць служыць надзейнай крыніцавай базай для далейшай працы даследчыкаў па паглыбленні пошукаў над малавывучанымі старонкамі ваяннай гісторыі Беларусі, у першую чаргу, звязанымі са злачынствамі, учыненымі нацыстамі ў адносінах да мірнага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, на акупаванай тэрыторыі 10 гістарычных абласцей: Баранавіцкай, Беластоцкай, Брэсцкай, Вілейскай, Віцебскай, Гомельскай, Мінскай, Магілёўскай, Пінскай і Палескай. Пакінем для чытача за дужкамі тэму адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу БССР і сучаснай Рэспублікі Беларусь. На наш погляд, менавіта тут гістарычна была закладзена праблема для аўтараў-укладальнікаў, якія ў якасці тэрытарыяльнага падзелу звярнуліся да адміністрацыйных адзінак не перадваеннай Беларускай ССР, а сучаснай Рэспублікі Беларусь. Такім чынам, прапанаваўшы чытачам практычнае рашэнне ў выглядзе відавочнай гістарычнай супярэчнасці, падмяняючы існаваўшыя ў той час адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі новымі, пры гэтым не прапаноўваючы навуковай канцэпцыі такога падыходу для пошуку адказу на вельмі важнае пытанне ваяннай гісторыі Беларусі.

У той жа час самой назвай «Без тэрміну даўнасці. Беларусь» аўтары-укладальнікі вызначылі канцэптuallyную аснову ўнікальнай распрацоўкі: пошук і выяўленне сапраўдных фактаў магчымы толькі праз аналіз архіўных дакументаў, якія шырокай грамадскасці, у першую чаргу асабліва гістарычна зацікаўленым людзям, дазваляюць значна паглыбіць веды адносна месцаў прымусовага ўтрымання, што знаходзіліся ў гады германскай акупацыі на тэрыторыі іх цяперашняй малой радзімы: гета, турмы, лагеры грамадзянскага насельніцтва, месцы вывазу людзей у Нямеччыну. Многія з іх з'яўляліся месцамі масавага знішчэння людзей.

Складальнікі зборнікаў уключылі ў іх розную колькасць дакументаў у разрэзе абласцей, напрыклад: ад 119 па Гродзенскай, 150 — Гомельскай, 163 — Магілёўскай, 212 — Віцебскай і Брэсцкай да 395 па Мінскай вобласці. Адрозна адзначым, што абсалютная большасць дакументаў да нядаўняга часу была недаступная навукоўцам, таму мае велізарнае даследчае значэнне. Падкрэслім, што дакументы выяўлены ў розных айчынных і замежных фондах, у тым ліку: Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Цэнтральнага архіва Камітэта дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Нацыянальнага архіва ЗША, Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, а таксама абласных і занальных архіваў Беларусі. Сярод іх — дакументы ваяннага часу двух бакоў, нямецкага і савецкага. Расійскаму чытачу будзе цікава ведаць, што ДАРФ некалькі гадоў таму перадаў на пастаяннае захоўванне ў НАРБ лічбавыя копіі дакументаў НДК СССР з фонду № Р-7021

(на правах арыгінала), пасля чаго ў НАРБ быў створаны фонд № 1569. Большасць выкарыстаных у зборніках дакументаў аджлалася ў фондах Беларускага штаба партызанскага руху, падпольных партыйных і камсамольскіх органаў, партызанскіх фарміраванняў. Усе дакументы ў рамках названых раздзелаў размешчаны па храналагічным прынцыпе.

Вектар тэматыкі апублікаваных дакументаў вызначаны некалькімі напрамкамі. У якасці базавых у зборніках прадстаўлены два раздзелы: 1) «Нацысцкая палітыка генацыду і выпаленай зямлі», 2) «Расследаванне ваенных злачынстваў» — імі структурна адкрываюцца ў разрэзе абласцей дакументальныя часткі кожнага з шасці выданняў.

Так, у зборніку дакументаў па Віцебскай вобласці першая частка ўключае 133 з 212 дакументаў, факсіруючы ўвагу чыгача на зводках начальніка паліцыі бяспекі і СД Германіі з СССР аб становішчы і правядзенні карных акцый, арыштах і расстрэлах насельніцтва на акупаванай тэрыторыі падчас карных аперацый: «Нюрнберг», 19—30 лістапада 1942 г. (дак. 25—28), «Зімяе чараўніцтва», 15 лютага — 16 сакавіка 1943 г. (дак. 46—60), «Котбус», 19 мая — 30 ліпеня 1943 г. (дак. 72—87), «Фрыц», 14 кастрычніка — 6 лістапада 1943 г. (дак. 95, 96). Значнае месца сярод дакументаў займаюць акты аб злачынствах, учыненых нямецкімі захопнікамі ў 21 раёне (Бешанковіцкім, Браслаўскім, Верхнядзвінскім, Віцебскім, Глыбоцкім, Гарадоцкім, Докшыцкім, Дубровенскім, Лепельскім, Лёзненскім, Міёрскім, Аршанскім, Полацкім, Пастаўскім, Расонскім, Сенненскім, Талачынскім, Ушацкім, Чашніцкім, Шаркоўшчынскім, Шумілінскім) Віцебскай вобласці, самім горадзе Віцебску, пратаколы допытаў сведак аб злачынствах, учыненых карнікамі супраць мірнага насельніцтва, у разрэзе раёнаў, дакладныя запіскі і данясенні партызанскіх злучэнняў аб становішчы ў зоне іх дзейнасці і г. д. Не менш важна, што сярод матэрыялаў значыцца вялікая колькасць пераводных дакументаў. Сабраныя ў гэтым раздзеле дакументы і матэрыялы ахопліваюць розныя аспекты нацысцкай палітыкі генацыду, раскрываюць канкрэтныя факты злачыннай тактыкі «выпаленай зямлі», пакінутай германскімі акупантамі на тэрыторыі вобласці [2, с. 78].

У зборніку «Мінская вобласць», у параўнанні з Віцебскай, першы раздзел ахоплівае 274 тэматычна падабраныя дакументы: аб стварэнні лагера ў наваколлях в. Дразды Мінскага раёна (дак. 1—7); аб правядзенні карных акцый, арыштаў і расстрэлаў насельніцтва на акупаванай тэрыторыі (дак. 8—23); аб стварэнні, дзейнасці і ліквідацыі Мінскага гета (дак. 24—48); аб правядзенні карных аперацый у Старобінскім, Слуцкім, Пухавіцкім раёнах (дак. 49—53); аб дзейнасці айнзацгруп паліцыі бяспекі і СД на тэрыторыі Беларускай ССР (дак. 54—60); аб дэпартацыі яўрэяў з краін Еўропы ў г. Мінск (дак. 61—71); аб знішчэнні яўрэяў у г. Слуцку (дак. 72—75); аб знішчэнні яўрэяў (дак. 76—82); аб правядзенні антыпартызанскіх аперацый «Балотная ліхаманка» (дак. 83—88), «Якаб» (дак. 98, 99), «Свята ўраджаю 1 і 2» (103—114),

«Хорнунг» і «Русалка» (дак. 115—133), «Котбус» (дак. 159—195), «Герман» (дак. 201—209), «Кармаран» (дак. 237—266) і інш.

Сярод дакументаў, сабраных аўтарамі-ўкладальнікамі, асабліваю цікавасць у чыгача выклікаюць гістарычныя дакументы аб спаленні карнікамі вёскі Хатынь Пleshчаніцкага раёна 23 сакавіка 1943 г. У год 80-годдзя Хатынскай трагедыі складальнікі зборніка прадстаўляюць на суд чыгачу 13 дакументаў (дак. 137—149), у тым ліку: «Данясенне асобага батальёна СС Дзірлевангера» ад 23 сакавіка 1943 г. [5, с. 149—150], «Акт жыхароў вёскі Селішча Каменскага сельсавета Пleshчаніцкага раёна» [5, с. 150], «Данясенне камандзіра 118-га батальёна ахоўнай паліцыі начальніку СС і паліцыі Барысаўскай акругі» [5, с. 151], а таксама 4 пратаколы апытанняў жыхароў спаленай вёскі, якія выратаваліся (с. 152—158), паказанні былых вайскоўцаў асобага батальёна СС Дзірлевангера (с. 159—163), паказанні былых вайскоўцаў 118-га батальёна ахоўнай паліцыі (с. 163—170). Самым складаным для чыгача застаецца ўспрыманне тэкстаў уцалеўшых жыхароў спаленай вёскі — У. А. Яскевіча (дак. 140), І. І. Камінскага (дак. 141), А. І. Бараноўскага (дак. 142), У. А. Жалабковіча (дак. 143), але ў першую чаргу 54-гадовага каваля І. І. Камінскага [5, с. 152—155]. Скрупулёзны аналіз кожнага з названых дакументаў дазваляе чыгачу ўспрыняць пачуццё трагізму падзей у Хатыні ў сакавіцкі дзень 1943 г., адчуць боль дзяцей, жанчын і старых, якія сталі бязвіннымі ахвярамі, усвядоміць важнасць захавання ў памяці кожнага сучаснага грамадзяніна нашай краіны назвы гэтай вёскі як сімвала трагедыі беларускага народа.

У другім раздзеле кожнага з шасці зборнікаў публікуюцца дакументы аб расследаванні і ўстанаўленні фактаў ваенных злачынстваў, учыненых нацыстамі на акупаванай тэрыторыі БССР. Так, у зборніку «Мінская вобласць» шырока прадстаўлены дакументы абласных (Баранавіцкай, Бабруйскай, Мінскай, Маладзечанскай), 22 раённых камісій садзейнічання НДК СССР і горада Мінска. Сярод іх пратаколы, акты, даведкі, звесткі і інш. Менавіта матэрыялы НДК сталі асновай для прыцягнення да крымінальнай адказнасці ваенных злачынцаў. Разглядаючы пытанне аб масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных на акупаванай тэрыторыі Беларусі, звернемся да аднаго з актаў, а ў нашым выпадку, «Акта Мінскай абласной камісіі НДК СССР аб масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных у Мінску і яго ваколліцах у 1941—1944 гг.» ад 13 жніўня 1944 г. [5, с. 345—349]. У дакуменце гаворыцца: «Камісія, па яшчэ няпоўных даных, лічыць, што ў Мінску і яго бліжэйшым наваколлі нямецка-фашысцкімі ўладамі і камандаваннем германскай арміі толькі ў абследаваных месцах знішчана савецкіх грамадзян — 300 тысяч чалавек, не лічычы сотняў тысяч грамадзян [згодна з данымі рэспубліканскай НДК — 50 тысяч. — С. Н.], спаленых у крэмацыйнай печы» [5, с. 348].

Публікацыя гэтага дакумента, пад якім паставілі подпісы: член Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі СССР акадэмік М. М. Бурдэнка, старшыня Мінскай абласной камісіі генерал-маёр Герой Савецкага Саюза В. І. Казлоў, прадстаўнік

НДК У. М. Макараў, члены камісіі — М. Ц. Лынькоў, К. Крапіва, І. М. Стэль-машонак, С. І. Звераў, адказны сакратар Г. М. Машкоў і эксперт НДК — прафесар судовай медыцыны доктар медыцынскіх навук У. М. Смальянінаў, на сённяшні дзень вельмі каштоўная па той прычыне, што Генеральнай пракуратурай Рэспублікі Беларусь у 2022 годзе ў рамках расследавання крымінальнай справы аб генацыдзе беларускага народа ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны быў апублікаваны ў дачыненні да аднаго з самых буйных месцаў масавага знішчэння на акупаванай тэрыторыі не толькі БССР, але і СССР толькі адзін дакумент — «Акт Мінскай абласной камісіі НДК СССР аб злачынствах, учыненых нямецкімі акупантамі ў ваколіцах вёскі Малы Трасцянец» ад 25 ліпеня 1944 г. [9, с. 166—172], падпісаны не ўсімі членамі камісіі (з 9 подпісы паставілі толькі 4 члены, сярод якіх няма подпісу кіраўніка Мінскай абласной камісіі НДК СССР Героя Савецкага Саюза генерал-маёра В. І. Казлова, а таксама членаў камісіі Тарановіча, Валадзько і двух жыхароў в. Малы Трасцянец Башко і Барнаша). Заўважым, што толькі на сваім першым пасяджэнні ў рамках пачатковага этапу расследавання камісія Мінскай вобласці прыйшла да высновы, «што па самых мінімальным падліках у раёне лагера Трасцянец фашысцкімі людзямі знішчана 546 тысяч чалавек» [9, с. 171].

Звернем увагу чытача на гэтую лічбу. Як відаць з дакументаў, яна не знаходзіць адлюстравання і не замацавана ўсімі подпісамі сяброў Мінскай камісіі НДК у выніковым дакуменце ад 13 жніўня 1944 г. Такім чынам, гэтая лічба не адпавядае патрабаванням гістарычнай верыфікацыі. У гэтай сітуацыі чытач застаецца без разумення сутнасці праблемы, бо не знаходзіць сярод дакументаў аб агульнай колькасці знішчаных у раёне вёскі Малы Трасцянец. На наш погляд, гэтую праблему аўтарам-укладальнікам можна было б лёгка вырашыць, апублікаваўшы заключны дакумент — «Даведку начальніка аддзела Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання ў працы НДК СССР Р. Л. Логінава аб масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва ў ваколіцах Мінска ў 1941—1944 гг.» ад 25 жніўня 1944 г. У ёй канстатуецца, што «ў Вялікім Трасцянеці ў 34 выяўленых ямах-магілах пахавана 150 000 чалавек; у калгасным хляве спалена 6500 чалавек; у печы-крэматырыі паблізу вёскі Малы Трасцянец спалена савецкіх грамадзян за 1943 г. да прыходу Чырвонай Арміі 50 000 чалавек» [11, с. 116—117]. Гэта азначае, што ў рамках гістарычнага аналізу названых дакументаў неабходна памятаць аб прынцыпе «горыдчынай калізіі» [12, с. 87], калі дакумент вышэйшатай інстанцыі мае вырашальнае значэнне.

Публікацыя ў серыі «Без тэрміну даўнасці» 16 дакументаў па Мінскай вобласці (дак. 291—306), сабраных аўтарамі-складальнікамі ў асобным тэматычным раздзеле аб расследаванні злачынстваў нямецкіх акупантаў у лагеры смерці «Трасцянец», у тым ліку актаў судова-медыцынскай экспертызы, пратаколаў апытання і пратаколаў допытаў буйных нямецкіх вайскоўцаў і інш., дазваляе ўбачыць ход расследавання камісіі, звярнуць увагу на важнасць вызначэння

выніковай лічбы пры падліках колькасці забітых і спаленых у раёне лагера смерці «Трасцянец», дзе па дакументальных звестках, узананых у даведцы Беларускай рэспубліканскай камісіі, было знішчана 206 500 чалавек. Падборка цэлага комплексу дакументаў дае магчымасць чытачу больш аргументавана даследаваць праблему, прычым убачыць, наколькі абгрунтаванай з'яўляецца публікацыя далёкага да верыфікацыі толькі аднаго гістарычнага дакумента.

Не менш важнымі для даследчыкаў з'яўляюцца тэматычныя дадаткі, у якіх аўтары-ўкладальнікі апублікавалі вельмі важныя тэматычныя падборкі: 1) спісы месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаваных тэрыторыях шасці абласцей БССР; 2) спіс месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў з акупаваных тэрыторый шасці абласцей; 3) спіс найбольш буйных нямецкіх карных аперацый, праведзеных на тэрыторыях шасці абласцей; 4) спіс сельскіх населеных пунктаў, знішчаных нямецкімі акупантамі поўнасю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго. Пры складанні спісаў аўтары часта сутыкаліся з шэрагам цяжкасцей пры вызначэнні навуковай класіфікацыі месцаў прымусовага ўтрымання, іх лакалізацыі, часу стварэння і ліквідацыі. Заўважым, што ў спіс уключаны месцы, аб якіх у архіўных дакументах захаваліся канкрэтныя даныя. Як адзначаюць аўтары-ўкладальнікі, неабходна мець на ўвазе, што далёка не пра ўсе такія месцы інфармацыя адклалася ў архівах. Гэтая працаёмкая работа, на наш погляд, патрабавала да ўсяго і асаблівай скурпулёзнасці, паколькі кожнае згаданне ў зборніку дакументаў месца прымусовага ўтрымання ці месца масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў, ці найбольш буйных карных акцый, ці спаленых населеных пунктаў пацверджаны архіўнымі сінатурамі захоўвання з дакументаў, фондаў, вопісаў, спраў і канкрэтных аркушаў выяўлення гістарычнай інфармацыі.

Тут неабходна падкрэсліць, што асаблівай увагі ад зацікаўленага чытача патрабуе заключны дадатак, падрыхтаваны на аснове канкрэтных архіўных звестак аб кожным населеным пункце, знішчаным цалкам ці часткова з насельніцтвам або без яго ў гады нацысцкай акупацыі Беларусі. Кожны з названых у 6-томным выданні амаль 9300 беларускіх населеных пунктаў на цяперашні час знаходзіцца на ўліку ў электроннай базе «Беларускія вёскі, спаленыя ў гады Вялікай Айчыннай вайны», падрыхтаванай на працягу апошняга дзесяцігоддзя сіламі творчага калектыву ў складзе В. Д. Селяменева, Н. В. Кірылавай і Т. С. Міхяёнак. Дзякуючы якраз гэтай грунтоўнай базе, у НАРБ упершыню быў сабраны ўнікальны корпус дакументальных звестак аб трагедыі беларускіх вёсак, у апошнія гады даступны для шырокай грамадскасці і дзяржаўных устаноў Беларусі.

Першы дадатак ва ўсіх шасці выданнях складае агульны спіс з 487 [падлічана аўтарам. — С. Н.] месцаў прымусовага ўтрымання цывільнага насельніцтва на акупаваных тэрыторыях БССР. Колькасць месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў з акупаванай тэрыторыі Беларусі дасягала ў першым выпадку 524, у другім — 33 месцы. Важна адзначыць, што складала-

нікі згадвалі канкрэтныя месцы знішчэння з указаннем іх месцазнаходжання ў населеных пунктах, вёсках, гарадах з улікам раённага дзлення абласцей, прыводзячы пры гэтым колькасць ахвяр і час знішчэння. У разрэзе паказу найбольш буйных нямецкіх карных аперацый, праведзеных на беларускай тэрыторыі, аўтары-ўкладальнікі выявілі звесткі аб 172 акцыях.

Звернемся да дакументаў, якія раскрываюць трагічныя маштабы адной з карных аперацый «Зімовае чараўніцтва» супраць партызан Расонска-Асвейскай зоны. Яна праводзілася з 14 лютага па 30 сакавіка 1943 г. З дакументаў (дак. 46—56) [2, с. 65—74] вынікае, што акупантамі нанесены партызанам адчувальны ўрон. Загінула і атрымала раненні значная колькасць байцоў і камандзіраў, была страчана немалая частка харчовых запасаў, разбураны партызанскія лагеры. Вялізныя страты нанесены мірнаму насельніцтву. У ходзе аперацыі знішчана 3500 мірных жыхароў, 2000 чалавек адпраўлена на прымусовыя работы ў Германію, больш за 1000 дзяцей вывезена ў Саласпілскі лагер смерці. Падчас гэтай аперацыі спалена 158 вёсак, 45 з іх не адрадыліся. Асабліва вялікія страты панёс Асвейскі раён, пераўтвораны ў зону пустыні, у якім ацалелі толькі дзве вёскі.

Аналізуючы спіс найбольш буйных нямецкіх карных аперацый, праведзеных у адносінах да грамадзянскага насельніцтва, неабходна адзначыць, што на тэрыторыі Брэсцкай вобласці была праведзена адна з першых і адна з апошніх карных аперацый — «Прыпяцкія балоты» ў ліпені—жніўні 1941 г. (дак. 5—8) [1, с. 321]. Так, населены пункт Лагішын Пінскага раёна да вайны меў 267 дамоў з насельніцтвам у 2820 чалавек, у ходзе карнай аперацыі «Півоня» ў чэрвені 1944 г. было знішчана 140 дамоў і забіта 19 жыхароў [1, с. 397]. Вельмі важна, што ў адносінах да кожнага населенага пункта складальнікі прывялі канкрэтныя архіўныя даныя.

Ва ўсіх дакументальных зборніках завяршае пералік дадаткаў спіс сельскіх населеных пунктаў, знішчаных нямецкімі акупантамі поўнасьцю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго на тэрыторыі акупаваных абласцей БССР, дзе германскія акупанты сумесна з калабарацыяністамі ўчынілі жажлівыя злачынствы супраць цывільнага насельніцтва. За перыяд з 1941 да 1944 г. імі спалена не 9200, як было прынята лічыць раней, а, па ўдакладненых звестках Генпракуратуры Рэспублікі Беларусь, звыш за 10 000 населеных пунктаў [10, с. 2], 5295 з якіх фашысты знішчылі разам з усім насельніцтвам ці яго часткай. У Віцебскай вобласці 243 вёскі спальваліся двойчы, 83 — тройчы, 22 — чатыры разы і больш. У Мінскай вобласці двойчы спальваліся 92 вёскі, тройчы — 40, чатыры разы — 9, пяць і больш разоў — 6 вёсак. Сярод спаленых 186 беларускіх вёсак не адрадыліся. З 5295 вёсак — 3% знішчана ў 1941 г., 16% — у 1942 г., 63% — у 1943 г. 18% — у 1944 г. [15, с. 8—9].

Вынікам нацыскай палітыкі генацыду і «выпаленай зямлі» ў Беларусі сталі страты ў колькасці звыш за 2 357 000 чалавек, знішчаных за тры гады акупацыі [7, с. 107].

Трэба заўважыць, што, нягледзячы на складанасць такой работы, ва ўсіх зборніках чытач знойдзе пераканаўчае дакументальнае пацвярджэнне на амаль 9300 населеных пунктаў, якія пацярпелі ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны.

Такім чынам, крыніцазнаўчы агляд зборнікаў серыі «Без тэрміну даўнасці. Беларусь» прыводзіць нас да высновы, што публікацыя архіўных дакументаў бачыцца аўтару гэтых радкоў надзвычай важнай найперш у святле неабходнасці праўдзівага навуковага раскрыцця адной з самых трагічных старонак ваеннай гісторыі Беларусі. Фарміраванне новай базы верыфікаваных дакументаў садзейнічае аб'ектыўнаму падыходу да гістарычных падзей такога кшталту. У сувязі з гэтым у парадак дня сучаснай беларускай гістарычнай навукі ставіцца вельмі актуальная задача па ўсебаковым асэнсаванні, аналізе і праверцы дакументальных фактаў, уведзеных у шырокі навуковы зварот беларускімі архівістамі, для ўсебаковага даследавання трагічных наступстваў нацыскага генацыду беларускага народа на прыкладзе мірнага насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

А перад шырокай чытацкай аўдыторыяй факт выхаду ў свет фундаментальнай шасцітомнай дакументальнай серыі «Без тэрміну даўнасці. Беларусь» азначае ні што іншае, як пачатак яго грамадскага абмеркавання для вылучэння на саісканне Дзяржаўнай прэміі ў галіне навукі і тэхнікі 2023 года.

Літаратура і крыніцы

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. — 484 с.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2020. — 932 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. — 576 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. — 268 с.
5. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.:

- А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. — 784 с.
6. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. — 520 с.
  7. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны = Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны = Belarusian State Museum of the History Great Patriotic War / Г. В. Глінская і інш. — Мінск : Звезда, 2015. — 396 с.
  8. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. — Минск : Беларусь, 2022. — 175 с.
  9. Геноцид белорусского народа. Лагерь смерти = Genocide of the Belarusian people: Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. — Минск : Беларусь, 2022. — 335 с.
  10. Канюта, В. Генпракурор інфармуе Нацыянальны сход... / В. Канюта // Звезда. — № 36. — 2023. — 23 лютага.
  11. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич ; под ред. Г. Д. Кнатько. — Минск : НАРБ, 2003. — 292 с.
  12. Новікаў, С. Аб'ектыўнае канструяванне мінулага — бяспрэчная аксіёма гістарычнай навукі / С. Новікаў // Беларуская думка. — 2022. — № 11. — С. 81—89.
  13. Проект «Без срока давности. Беларусь» — это весомый вклад белорусских архивистов в реализацию государственной исторической политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/december/72475/>. — Дата доступа: 23.02.2023.
  14. Скоморощенко, М. Н. Серия документальных изданий «Без срока давности»: архивные материалы о нацистской политике геноцида на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Скоморощенко, С. В. Кулинок // Юстиция Беларуси. — 2022. — № 2. — С. 28—29.
  15. Сожженные деревни Белоруссии, 1941—1944: Документы и материалы / сост.: Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев [и др.]. — М. : Фонд «Историческая память», 2017. — 512 с.

А. С. Кудрыцкий,
аспирант кафедры источниковедения
исторического факультета
Белорусского государственного университета;
e-mail: a.kudritskij@gmail.com

ЛЕГАЛЬНАЯ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ ПЕЧАТЬ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ (1936—1939)

Белорусская легальная печать в Западной Беларуси во второй половине 1930-х гг. столкнулась с усилением давления со стороны польских властей. Как отмечает белорусская исследовательница Н. М. Слука, «политика польского правительства, направленная на подавление белорусского движения как проводника коммунистической идеологии, до конца 1930-х гг. практически целиком остановила легальную издательскую деятельность в Западной Беларуси» [23]. Тем не менее, во время гражданской войны в Испании на территории Западной Беларуси в разное время легально выходил ряд газет и журналов, которые на своих страницах затрагивали эту тему: «*Bielaruskaja krynica*», «*Chryścijanskaja Dumka*», «Беларуская доля», «Беларускі фронт», «Наша воля», «Новы шлях», «Родны край» и «Шлях моладзі». Данные газеты были взяты из ресурсов Национальной библиотеки Беларуси и Библиотеки академии наук Литвы им. Врублевских.

Из этих газет и журналов только 3 выходили на протяжении всей войны с июля 1936 по апрель 1939 г.: «*Chryścijanskaja Dumka*», «Беларускі фронт» и «Шлях моладзі». «Наша воля» выходила с июля 1936 по август 1936 г., «*Bielaruskaja krynica*» с начала войны и по апрель 1937 г., «Родны край» с июля 1936 по ноябрь 1936 г., «Новы шлях» с октября 1936 по ноябрь 1937 г., «Беларуская доля» была однодневкой, выпешдшей в марте 1937 г. Газеты «Наша воля», «*Bielaruskaja krynica*», «Родны край», «Новы шлях» были закрыты польскими властями, а газеты, выходившие на протяжении всей войны, также подвергались цензуре и конфискации номеров. Таким образом, вся рассматриваемая белорусскоязычная легальная печать в Западной Беларуси испытывала давление со стороны польских властей.

Гражданская война в Испании стала одной из важных тем как в европейской, так и польской печати, включая выходившие в Западной Беларуси издания. Население в Западной Беларуси живо интересовалось ходом войны, что отразилось даже в рапортах польской полиции [14, с. 353]. Однако до сих пор не было сделано ни одного исследования, которое обратило бы внимание на отношение к данной войне со стороны белорусской легальной печати в Западной Беларуси. Смежные же темы становились объектом исследования: характеристика польской прессы о гражданской войне в Испании дана в книге М. Чайки «*Polska opinia publiczna wobec wojny domowej w Hiszpanii, 1936—1937*», работах В. Опёла, К. Маршалека, Я. Цабая, М. Дутки и др. Тем не

мене, в работах о польской прессе о войне в Испании не упоминаются западнобелорусские издания.

На страницах рассматриваемых газет был выявлен 201 материал, касающийся темы гражданской войны в Испании. Наибольшее количество материалов, упоминавших войну, было напечатано в газетах, которые выходили на протяжении всей войны — «Chryścijanskaja Dumka» (77 материалов) и «Шлях моладзі» (57 материалов). В газете «Bielaruskaja krynica» вышел 31 материал с упоминанием войны в Испании. Газета «Беларускі фронт» напечатала 18, «Родны край» — 10, «Наша воля» — 5, «Новы шлях» — 2, «Беларуская доля» (однодневка) — 1. Чаще всего упоминания о войне находились в разделах, касающихся международной политики, политики или различных известий (например, рубрика «Усячына»). Основная масса публикаций, непосредственно касающихся войны, — это новости о ходе боевых действий или политические события вокруг войны — 153 материала. Большая часть материалов напечатана латинским шрифтом (131), против кириллического (70).

Конфликт в Испании газетами рассматривался через несколько оптик. Первая — это война в Испании как часть международных отношений и своеобразная прелюдия к новой мировой войне. Вторая — это оптика определения характера данной войны: борьба демократии и фашизма, борьба христианства с безбожностью, борьба против коммунизма. Третья — это рассмотрение данной войны через призму освобождения испанских народов. Поскольку наибольшее количество материалов выходило в газетах христианско-демократической направленности, то важную роль в материалах играл также и вопрос взаимоотношений сторон конфликта с религией.

Международный характер войны

Так, вопрос международного характера этой войны поднимался с самых первых недель войны. Уже в июльско-августовском номере журнала «Шлях моладзі» автор заметки на 26 странице 7 номера газеты за 1936 г. указывает: «рэвалюцыя ў Гішпаніі трывожыць увесь свет. Усе баяцца, што можа яна выклікаць сусветную вайну, бо туды пачалі мяшацца іншыя дзяржавы» [13, с. 26]. В ноябре 1936 г. о возможности развязывания мировой войны из гражданской войны в Испании писала и газета «Беларускі фронт» [21]. В номере «Нашай волі» за 4 августа 1936 г. указывается, что от результатов зависит судьба не только Испании, но и всей Европы [24, с. 5]. В № 35 газеты «Bielaruskaja krynica» на первой полосе была помещена статья «Hišpanskaja rewaluцыя centram zasikauleńnia usiaje Eўропу» [4], в которой описывается помощь Италии и Германии мятежникам, а Коминтерна — правительственным силам. В дальнейшем иностранная помощь будет частой темой для материалов на тему войны. Кроме иностранной помощи, в печати освещалась работа Комитета по невмешательству и конфликты, которые в нем происходили между Германией и Италией, с одной стороны, и СССР — с другой.

В своем анализе международного положения газета белорусских нацистов «Новы шлях» в июне и ноябре 1937 г. рассматривала войну в Испании в контексте противостояния коммунизму.

В августе 1938 г. появляются сообщения, что государства начинают терять интерес к войне в Испании [6], и эта тема гражданской войны в Испании постепенно попадает в тень тем аншлюса Австрии и агрессивной политики Германии в отношении Чехословакии. С августа 1938 по январь 1939 г. газета «Chryścijańskaja Dumka» регулярно указывала на снижение интереса европейских государств к войне [5—7]. В январе 1939 г., описывая новости о войне в Испании, автор газеты отмечал, что «siaŕier palityčnaja Eŭropa spravaj Nišpanii mała cikavicca» [7].

В 1938—1939 гг. гражданская война в Испании в печати начинает фигурировать в качестве «грозных проявлений» международного положения, а также в терминах расстановки сил перед новой мировой войной. В январе 1939 г. «Беларускі фронт» писал: «трэба сказаць адкрыта: ад перамогі ген. Франко ў Гішпаніі і японцаў у Кітаі залежыць перамога г. зв. фашыстоўскага блёку ў будучым сусветным бою» [18]. «Беларускі фронт», «Chryścijańskaja Dumka» и «Шлях моладзі» в январе—апреле 1939 г. регулярно поднимали в заметках о ходе войны тему попыток Англии и Франции выйти на контакт и перетянуть Франко на свою сторону, принудить его не вступать в немецко-японско-итальянский союз.

Стороны конфликта и позиционирование войны

В белорусскоязычной легальной печати Западной Беларуси не было единой позиции по поводу характера данной войны и поддержки той или иной стороны в ней. Тем не менее, можно выделить позиции, которых придерживались редакции газет. Полностью и безоговорочно на стороне законного правительства Испании выступала газета «Наша воля». Уже в августе 1936 г. на ее страницах появляются материалы, где в качестве зачинщиков войны указываются монархистские и фашистские группы, которые не смирились с поражением на выборах. Газета перепечатала материал газеты «Tygodzień robotnika», в котором война названа борьбой всех рабочих, а Испания названа «высунутым авангардом дэмакратыі і вольнасьці, у каторую зацята бьцюць кулі міжнароднага фашызму» [19].

Поддержку Испанской республике выразила и газета «Bielaruskaja krylnica». Однако не сразу и не так безоговорочно, как газета «Наша воля». В августе 1936 г. в материале «Nišpanskaja rewalucyja centram zacikauleńnia usiaje Eŭрору» война представлялась борьбой двух миров — коммунистического с фашистским [4]. Однако тот факт, что баски и каталонцы стали на сторону правительства в войне, предопределил выбор христианско-демократической газеты. В самом начале войны газета писала о том, что обе стороны разрушают христианские святыни (№ 37, 1936), критиковала письмо ко всем католикам Польши, подписанное 52 епископами (№ 38, 1936), перепечатала из газе-

ты «Robotnik» проповедь ксендза Леокадио Лобио на мадридском радио, в конце которого он произносит «Niachaj żywie demakratyčnaja republika i niachaj żywie hispański narod!» (№ 41, 1936). Интересно, что эта статья, размещенная на первой полосе газеты, также снабжена редакторским комментарием: «zmiest hetaj pramowy, jak bačym, nia budzić nijakich sumniwaŭ i nie patrabuje nijakich wyjaśnieńniaŭ» [10]. В этом же номере критикуются программа повстанцев и слова архиепископа Хорку, который заявил, что националисты воюют в защиту христианства: «słowam, mora iłży nawakoł hispańskaha piekła. Samo piekła ludzi starajucca zasłańić wysokaj idejaj chryścijanstwa». В № 52 за декабрь 1936 г. утверждается, что «praŭstańnie fašystaŭ u Hispanii — heta fašystoŭskaja wajna z narodam» [17].

Позиция газеты «Шлях моладзі» также была сочувствующей республиканской стороне конфликта: газета стала рассматривать войну как противостояние демократии и фашизма. В декабре 1936 г. автор заметки в разделе «Усячына» задавался вопросом: «woś i zrazumiej, chto bliżej da praŭdy i chto bołš trymajecca chryścijanstva: 13,000 baskijskich ksiandzoŭ ci Kardynał Нoma i Tomas» [15]. В мае 1937 г. в № 5 газета опубликовала статью «Новыя пыльні ў палітычным жыцці», где повторила тезис из «Нашай волі» о том, что война показала истинное лицо фашистов, которые не смогли достигнуть победы на выборах. В № 11 за 1938 г. указывается, что героическая борьба в Испании против фашизма сражается с ярлыком слабости, который навешивают на демократов. В декабре 1938 г. газета даже разместила портрет республиканского генерала Миаха, назвав его одним из наилучших стратегов, который создал армию республиканцев [25].

«Chryścijajnskaja Dumka» в данной войне старалась придерживаться нейтральной позиции, без выраженных симпатий как стороне националистов, так и республиканцев. Газета регулярно писала о надругательствах над святынями, убийствах священников (№ 9, 1936; № 10, 1936; № 15, 1937; № 17, 1937 и др.). Однако и регулярно атаковала националистов за их политику в отношении национальных меньшинств и зависимость от нацистской Германии, так как Католическая церковь была в то время в конфликте с нацистской Германией. Например, в № 6 за 1938 г. была размещена заметка о выезде иезуитов из Испании после того, как Франко запретил читать в костелах папские антинемецкие энциклики: «hetak fašysty baroniač katalicтва i ahułam chryścijanstva!» [8]. Война в газете описывалась как противостояние «красных, республиканцев» и «фашистов» или «левых» с «правыми». Последнее особенно часто мелькало в публиковавшихся на страницах газеты стихах Лявона Ветрогона (Иосифа Германовича) о международном положении.

Нейтральной позиции старалась придерживаться и газета «Беларускі фронт», которая, однако, гораздо критичнее относилась к республиканцам, чем «Chryścijajnskaja Dumka», и иногда выражала симпатии националистам. Так, например, в № 6 за октябрь 1936 г. в газете отметили сопротивление

националистов в крепости Алькасар: «абарона Альказару паказала, што ёсць моцныя людзі пасярод гішпанскага народу» [22]. Кроме того, в газете критиковалась позиция «*Bielaruskaj krynicy*» и «*Шляха моладзі*», а, в частности, размещение речи Леокадио Лобю, в которой правительственные силы названы христианскими. Похожую позицию также заняла и газета «*Родны край*». Стоит сказать, что в № 15 за 1937 г. в заметке «*Ab etycy i kulturnaści ks. V. Hadleŭskaha*» «*Шлях моладзі*» резко ответил на эту критику, обвинив «*Беларускі фронт*» в том, что он поставил их в один ряд с коммунистами и тем самым подставил под полицейский удар [1].

Однозначно о поддержке националистов заявила газета белорусских национал-социалистов «*Новы шлях*». В № 3 за 1937 г. вышла статья «*Каму спачуваць*», где однозначно высказались в поддержку мятежников: «*У выніку змагання, якое ўжо пачалося ў Азіі, дзе Японія збройна выступіла проці збальшавізаванага Кітаю і ў Гішпаніі, дзе камуністычнай уладзе надыходзіць бяслаўны канец — хвіліны маскоўскага камінтэрну палічаны ... з гэтай прычыны ўсе нашыя сымпатыі зусім выразна і шчыра схіляюцца на бок процікамуністычнага блоку*» [9].

Вопрос Страны Басков и Каталонии

Общим местом христианско-демократической белорусскоязычной легальной печати в Западной Беларуси во время гражданской войны в Испании стала поддержка стремления Страны Басков и Каталонии к независимости. Материалы в поддержку Страны Басков и Каталонии выходили в газетах «*Bielaruskaja krynica*», «*Chryścijaŭskaja Dumka*», «*Шлях моладзі*». Даже газета «*Беларускі фронт*», настроенная крайне критично в отношении республиканцев, признавала, что если Франко будет штурмовать Каталонию, то симпатии всего цивилизованного мира будут на ее стороне [21].

Активнее всего материалы в поддержку басков и каталонцев публиковала газета «*Bielaruskaja krynica*». На эту тему вышли статьи и заметки «*Баскі і іх нацыянальныя імкненні*» (№ 36, 1936), «*Nutranaja wajna ў Hišpanii*» (№ 37, 1936), «*Крывавыя падзеі ў Гішпаніі і яе паняволеныя народы*» (№ 44, 1936), «*Ab прычынach і рацатках раżні ў Hišpanii*» (№ 45, 1936), «*Baski ў ahni hišpanskaj chatniaj wajny*» (№ 51, 1936), «*Hišpanskija fašysty nie pryznajuć niezaležnaści Katalonii*» (№ 51, 1936). Эта тема постоянно появлялась на страницах газеты от самого начала войны и до закрытия газеты польскими властями в 1937 г.

На протяжении всей войны вопрос стремления басков и каталонцев к независимости также находил отражение в материалах газет «*Chryścijaŭskaja Dumka*» и «*Шлях моладзі*». В № 11 за июнь 1937 г. газеты «*Chryścijaŭskaja Dumka*» вышла заметка «*Relihijnaść baskaj*» о делегации английских священников, посетивших Страну Басков и утверждавших, что все костелы там открыты, и баски молятся за спасение от нападения Франко [12]. Газета освещала занятие Страны Басков франкистами, резко критикуя жестокость

последних в отношении мирного населения, духовенства, бомбардировки мирных городов.

Интересно, что Каталонии и «Chryścijaŋskaja Dumka», и «Bielaruskaja krynica» уделяли гораздо меньше внимания. Однако в журнале «Шлях моладзі» в январе 1937 г. вышел крупный материал под названием «Katalonija» с подробным рассказом об истории Каталонии и ее современном положении. К материалу прилагалось фото Барселоны и отмечалось, что у каталонцев и белорусов много общего, а борьба каталонцев за независимость является хорошим примером для белорусов [3]. Также в журнале не обошли вниманием и басков: в № 4 за апрель 1937 г. вышла статья «Baski (z hispanskaha katła)», где речь шла уже об истории и положении басков. Статья заканчивалась словами «niarieramożnym ža abaroncam Baskii i niachaj budzie najvialikšaja čeść i ślava! Niachaj spouñiasca nacyjanalnuja imknieñni Baskaŋ jak najchutčej i najpramučniej!» [2]. Журнал также подробно освещал занятие Страны Басков и Каталонии франкистами и резко критиковал их.

Исходя из содержания статей христианско-демократических газет и журналов, можно сделать вывод, что редакции проводили прямые параллели между басками, каталонцами и белорусами в своем стремлении к независимости, и именно это определяло в основном их позицию в отношении конфликта.

Международная помощь и добровольцы

Ни одна из рассматриваемых газет не писала о кампаниях солидарности с Испанской Республикой, которые в это время проходили на территории Западной Беларуси. Представляется, что даже в случае симпатии к республиканцам размещение таких материалов могло трактоваться властями как коммунистическая пропаганда и тем самым подставлять редакции под удар польской полиции. Тем не менее, в материалах газет и журналов регулярно отмечались иностранная помощь и участие иностранных добровольцев.

С самого начала войны общим местом для всей легальной белорусскоязычной печати, которая писала о войне в Испании, стала констатация факта о помощи повстанцам со стороны Италии и Германии, а республиканцам со стороны Франции и СССР. В № 35 за 1936 г. «Bielaruskaja krynica» писала о поставках Италией мятежникам самолетов, немецких маневрах в море в поддержку повстанцев и о выделении Коминтерном нескольких миллиардов франков и добровольном налоге рабочих СССР в помощь Испании [4]. В газете «Наша воля» сообщалось о митинге в Сен Клод на 400 тысяч участников с требованием поддержки республиканцев, поставках самолетов Францией республиканскому правительству, а также о помощи Италии и Германии повстанцам еще до начала восстания [24].

«Наша воля» написала и об инциденте с катастрофой польских летчиков во Франции, которые, как предполагалось, перегоняли самолеты мятежникам [24]. В № 4 «Шляха моладзі» за 1937 г. даже указывалось число ино-

странных добровольцев: 20 тысяч на стороне республики и 70 тысяч немцев и 30 тысяч итальянцев на стороне франкистов [2].

Несмотря на то что на стороне республики воевало около 5 тысяч поляков [20], на страницах легальной белорусскоязычной печати Западной Беларуси сведения о добровольцах из Польши встречаются крайне редко. Тем не менее, сведения о белорусах, которые воевали в Испании или намеревались добровольцами отправиться в Испанию, периодически появлялись. В № 13 «Шляха моладзі» за 1937 г. упоминалось о том, что среди добровольцев в Испании есть и белорусы, и политкомиссаром одного из батальонов является белорус Томашевич [16]. Можно высказать предположение, что новость о Томашевиче могла попасть в журнал через Максима Танка, который регулярно публиковался в газете: из его дневников известно, что он, как минимум, один раз получил из Испании газету польских добровольцев «Dąbrowszczak», а в данной газете был напечатан материал о Томашевиче.

В № 21 «Chryścijnskaja Dumka» за 1938 г. вышла заметка «Na pomac̄ Źyгvонyм u Hіšпаніі», где со ссылкой на польские газеты сообщалось о полешуках, вооруженных ружьями и пробиравшихся в СССР, чтобы поехать в Испанию на помощь республиканцам [11].

Таким образом, белорусскоязычная легальная печать в Западной Беларуси живо освещала гражданскую войну в Испании, однако была ограничена репрессивной политикой польских властей и опасением быть обвиненной в коммунистической пропаганде. На страницах газет «Chryścijnskaja Dumka», «Шлях моладзі» и «Беларускі фронт» освещались все основные события войны от начала до самого конца. Газеты «Наша воля», «Biełaruskaja krynica» и «Родны край» также подробно освещали войну от начала и до закрытия этих газет в 1936 и 1937 гг. Эпизодически упоминала о войне газета «Новы шлях». Среди белорусскоязычной легальной печати Западной Беларуси не сформировалось единой позиции в отношении войны: «Наша воля», «Biełaruskaja krynica» освещали данную войну с позиции поддержки республиканского правительства. «Шлях моладзі», «Родны край», «Chryścijnskaja Dumka» и «Беларускі фронт» старались придерживаться нейтральной позиции, однако «Шлях моладзі» и «Chryścijnskaja Dumka» скорее склонялись к поддержке республиканцев, а «Беларускі фронт» и «Родны край» — франкистов. Единственной газетой, прямо заявившей о поддержке франкистов, стала газета белорусских национал-социалистов «Новы шлях». На страницах белорусскоязычной легальной печати указывался международный характер этой войны, в том числе один раз упоминались как белорусские добровольцы (Томашевич), так и попытки белорусов приехать в Испанию.

Літэратура і крыніцы

1. Ab etycy i kultumaści ks. V. Hadleŭskaha // Ślach moładzi. — 1937. — № 15. — С. 12.
2. Baski (z hišpanskaha katła) // Ślach moładzi. — 1937. — № 4. — С. 18.

3. Čanuk, B. Katalonija // Šlach moładzi. — 1937. — № 1. — С. 22.
4. Hišpanskaja revalucyja centram zasikaŭleńnia usiaje Eŭropy // Bielaruskaja krynica. — 1936. — № 35. — С. 3.
5. Hišpanskaja vajna / Palityka // Chryścijanskaja dumka. — 1938. — № 30. — С. 6.
6. Hišpanskaja vajna / Z usiaho švietu // Chryścijanskaja dumka. — 1938. — № 22. — С. 8.
7. Hišpanskaja vajna / Z zahranicy // Chryścijanskaja dumka. — 1939. — № 3. — С. 8.
8. Jezuity vyjeżdżajuć z fašystaŭskaj Hišpanii / Na relihijnym froncie // Chryścijanskaja dumka. — 1938. — № 6. — С. 7.
9. Kamu spačuvac // Новы шлях. — 1937. — № 3. — С. 2—3.
10. Katalicki ksiondz ab trahiedy Hišpanii // Bielaruskaja krynica. — 1936. — № 41. — С. 1.
11. Na pomać čyrvonym u Hišpanii / Z usiaho švietu // Chryścijanskaja dumka. — 1938. — № 21. — С. 7.
12. Relihijnašć baskaŭ / Z relihijna-hramadskaha žyćcia // Chryścijanskaja dumka. — 1937. — № 11. — С. 6.
13. Revalucyja ŭ Hišpanii tryvożyć uvieś šviet / Usiačyna // Šlach moładzi. — 1936. — № 7—8. — С. 26.
14. Śleszyński, Wojciech, i Justyna Owłasiuk, ред. Kontrolować czy likwidować: Komunistyczna Partia Zachodniej Białorusi = To control or eliminate?: the Communist Party of Western Belarus. Dokumenty do Dziejów Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej. — Białystok ; Kraków : Instytut Historii i Nauk Politycznych Uniwersytetu ; Avalon, 2015. — S. 353.
15. U Hišpanii dabra nie vidać / Usiačyna // Šlach moładzi. — 1936. — № 13. — С. 22.
16. U Hišpanii pa staranie ūradu, jak viedama, vajuje šmat achvotnikaŭ z roznych krain / Usiačyna // Šlach moładzi. — 1937. — № 13. — С. 15.
17. Z frontu hišpanskaj vajny // Bielaruskaja krynica. — 1936. — № 52. — С. 3.
18. Агульны агляд / На міжнародным грунце // Беларускі фронт. — 1939. — № 1. — С. 4.
19. Ахвярная барацьба гішпанскага народу // Наша воля. — 1936. — № 12. — С. 1.
20. Воронкова, И. Ю. Беларусь и война в Испании. 1936—1939 гг. / И. Ю. Воронкова. — Минск: Беларуская навука, 2009. — 157 с.
21. Гішпанская вайна / На міжнародным грунце (агляд міжнароднай палітыкі за месяц кастрычнік) // Беларускі фронт. — 1936. — № 7. — С. 4.
22. Гішпанская рэвалюцыя / На міжнародным грунце (агляд міжнароднай палітыкі за месяц верасень) // Беларускі фронт. — 1936. — № 6. — С. 4.
23. Слука, Н. М. Западнобелорусские журналы сатиры и юмора (из фондов отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси) / Н. М. Слука // Берковские чтения — 2015. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 26—27 мая 2015 г. — Минск : ЦНБ НАН Беларуси ; М. : ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, 2015. — С. 485—491.
24. У Гішпані / Міжнародны агляд // Наша воля. — 1936. — № 11. — С. 5—6.
25. У Гішпані / Што чуваць? // Шлях моладзі. — 1938. — № 25. — С. 14.

И. И. Баринов,

*старший научный сотрудник Отдела восточного славянства
Института славяноведения Российской академии наук,
кандидат исторических наук;
e-mail: barinovnoble@gmail.com*

БОЛЕСЛАВ БРЕЖГО: САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИК

Болеслав Ричардович Брежго (1887—1957) был, вероятно, самым «неформатным» историком из тех, что занимались белорусской проблематикой в первой половине XX в. Он не прижился в БССР времен Инбелкульта и белорусизации. У властей межвоенной Латвии Брежго из-за своих интересов и связей вызывал постоянные подозрения. Во время нацистской оккупации его сначала изолировали, а затем он сам предпочел исчезнуть из поля зрения. В сталинской Латвии, после короткого периода признания, Брежго столкнулся с отчуждением и фактическим бойкотом. Только с приходом «оттепели» пожилой историк получил возможность вновь свободно работать. Одна за другой выходили его новые публикации. В 1957 г. в «Известиях Академии наук Латвийской ССР» была опубликована его полная библиография [1]. К сожалению, следующей публикацией, связанной с именем Брежго, стал некролог о нем, подготовленный московским Институтом славяноведения. В нем он был назван «видным ученым-историком», который оставил после себя «большое научное наследство» [2].

Биография Брежго, как и многих представителей его поколения, противоречива и запутанна. Нередко он сам мифологизировал ее, подстраивая отдельные факты под нужную политическую ситуацию. Хотя личность Брежго уже становилась объектом внимания исследователей [3—6], зачастую они использовали одни и те же источники, а именно личные материалы историка, хранящиеся в архивах Латвийского университета и Академии наук Латвии. Наиболее взвешенной попыткой реконструировать жизненный путь Брежго представляется работа латвийского историка Эрика Екабсона [7]. Сопоставляя документы различных периодов жизни Брежго, Екабсон выявил заметные разночтения его официальной и фактической биографий.

Вместе с тем, ряд сюжетов, связанных с личностью Брежго, по-прежнему слабо изучен. Так, остается неясным его национальное самосознание. Дискуссионным является вопрос, считать ли Брежго латвийским или белорусским историком. Отношение к Беларуси со стороны Брежго было своеобразным. В научном смысле его интересовала скорее Витебская губерния в ее старых границах. Много лет занимаясь темами, связанными с Витебском и Полоцком, Брежго с не меньшим, а, возможно, и большим энтузиазмом изучал родную Латгалию [5, с. 217]. Вместе с тем, становление Брежго как ученого было связано с развитием исторической науки в БССР в первой половине 1920-х гг. Даже спустя десятилетия, уже получив место в Латвийском универ-

ситете, Брежго собирался «вернуться к исторической работе в Белоруссии» [8, с. 112]. В настоящем контексте, на основе имеющихся документов, будет предпринята очередная попытка реконструировать как жизненный путь Брежго, так и контекст его исследований, связанных с белорусской проблематикой. Не менее важным здесь является вопрос, можно ли считать его белорусским историком.

* * *

Согласно приходским записям, Б. Брежго родился 31 марта 1887 г. в деревне Айзупиши Дрицанской волости Режицкого уезда Витебской губернии. Эти земли принадлежали роду Мантейфель, один из представителей которого, Густав фон Мантейфель, был видным исследователем латгальской этнографии и фольклора. В тот же день ребенок был окрещен в Дрицанском костеле [9]. Отец Болеслава, местный крестьянин Ришард Брежго, 41-го года, сын Езепа и Анны, за год до этого (24 февраля 1886 г.) женился на уроженке соседней деревни Рамашки, 27-летней Веронике, дочери супругов Тонцлова и Агаты Пурмалов [10].

Несмотря на очевидно балтское (латгальское) происхождение родовых фамилий Брежго, в известных науке документах не содержится его однозначных высказываний на предмет собственного национального самоощущения. Латгальский активист Микель Букш, лично знавший историка, отмечал в своих мемуарах, что тот «всем сердцем и душой» был предан исследованиям Латгалии, однако занимался «публикацией фактов», а не «идеологической работой» [37, lpp. 193—195]. В межвоенном Даугавпилсе Брежго участвовал в работе местных польских организаций и избирался в горсовет по польским спискам. Жена Брежго, работавшая учительницей в Двинской белорусской гимназии, в анкете указывала, что ее муж «белорус», при том, что до войны он практически не поддерживал связей с белорусским сообществом в Латвии. Напротив, во время оккупации 1941—1944 гг. Брежго сотрудничал с Белорусским объединением (комитетом) в Риге и даже должен был возглавить местную белорусскую структуру в Латгалии [37, lpp. 32—33].

Вопрос о родном (вернее, первом) языке Брежго остается открытым. Несомненно, что он, как и все жители его родного пограничья, так или иначе владел несколькими языками. Будучи выходцем из деревни, Брежго, очевидно, рос в латгальском языковом окружении. По-латгальски же им написан ряд работ, в том числе крупных. Более того, в Даугавпилсе историк сотрудничал с издательством Владислава Лоциса (Лоча) — энтузиаста, издававшего литературу на латгальском языке. Скорее всего, Брежго владел как родным и русским языком, до сих пор широко распространенным в Латгалии. Даже в документах советского периода бросается в глаза его витиеватый стиль, характерный для «старого времени». По поводу своего латышского Брежго, уже работая в Латвии, получал нарекания за недостаточное владение языком [7, с. 27]. Польский исторически был в Латгалии языком костела, хотя в ту пору уже

вели свою деятельность активисты «латгализации» церкви — Франц Трасун и Никодем Ранцан. С белорусскими говорами Брежго мог сталкиваться как на родине, так и во время жизни в Витебске, однако данные контакты, скорее всего, были спорадическими.

Подобные метаморфозы, несомненно, были вызваны объективными причинами. Оказываясь вдалеке от родного края, Брежго, насколько можно судить, погружался в культуру большинства. Так, в годы армейской службы он находился в русском культурном пространстве, во время белорусизации иногда выступал с белорусских позиций. Положение несколько изменилось после того, как Брежго переехал в Латвию. Отношение местных властей к латгальским, белорусским и русским национально-культурным инициативам было весьма настороженным, а порой и враждебным. Польское самоопределение в этом плане было, вероятно, наименее проблемным (пусть и политически шатким для латгальца) выбором при нежелании полностью ассоциировать себя с латышским большинством. Во время нацистской оккупации Латгалии аналогичную роль приняла на себя белорусская идентичность, что, очевидно, также обусловило стратегию поведения Брежго в этот период времени. После возвращения советской власти во всех сферах жизни стала преобладать русско-советская культура — симптоматично, что почти все поздние работы Брежго написаны по-русски. В этом отношении можно говорить о наличии у Брежго «меняющейся идентичности», когда при сохранении неизменного «латгальского» компонента он переключался между знакомыми ему культурами (соответственно польской / белорусской / русской). Примечательно, что это всякий раз сказывалось и на тональности его публикаций.

По некоторым сведениям, в 1897 г. семья переехала в Режицу, где Болеслав учился в городском училище [4, с. 29]. Дальше варианты его биографии разнятся. По одной из них, до 1911 г. Брежго работал домашним учителем в Режице и Витебске. Одновременно с этим, по собственным словам, в 1910 г. он экстерном окончил Александровскую гимназию в Витебске. Именно эта версия стала канонической — ее Брежго воспроизводил на протяжении десятилетий [7, с. 25; 8, с. 112]. Между тем, известен лишь один документ, который связывает Брежго с этим учебным заведением, а именно свидетельство о сдаче испытаний по латыни в объеме 8 классов (отметка «удовлетворительно»), выданное из гимназии 29 мая 1918 г. [11]. Подобные свидетельства до революции получали те, кто не изучал древние языки, но намеревался поступать в университет. Вероятно, такая же идея была и у Брежго, однако по каким-то причинам она не была осуществлена.

Насколько можно судить, у Брежго с ранних лет возник интерес к истории и краеведению, вылившийся в первые попытки научных занятий. Много лет спустя он утверждал, что уже в 1910 г. составил латгальско-русский словарь, рукопись которого якобы погибла во время бомбардировки Даугавпилса в 1944 г. Согласно официальной биографии, в 1911 г. Брежго

поступил в Московский Археологический институт (МАИ), где учился до призыва в армию в 1914 г. Как справедливо указывает Э. Екабсонс, этот факт не соответствует действительности. В июле 1914 г. Брежго окончил полный курс Тифлисского военного училища по первому разряду. Это означало, что после завершения двухлетнего курса он получал чин подпоручика и право выбрать часть для распределения. Брежго отправился в 9-й Сибирский стрелковый полк, базировавшийся во Владивостоке. По замечанию Екабсонса, это было сделано из очевидных карьерных соображений, поскольку тогда (как и позже в советской армии) выслуга лет в подобной местности считалась по более высокому коэффициенту [7, с. 29]. Аналогичным образом младший брат Брежго, Станислав, после окончания землемерных курсов в Витебске служил в Амурском переселенческом районе в Благовещенске [12, стб. 1200].

Послужной список Б. Брежго не сохранился в Военно-историческом архиве, поэтому мы не знаем всех подробностей его службы. В любом случае, начавшаяся война перечеркнула ожидания спокойной гарнизонной жизни. Выдвинувшись из Владивостока 19 октября 1914 г., «сибиряки» прибыли в Варшаву 13 ноября. Через два дня полк занял позиции в районе Ловича, а утром 17 ноября начал наступление на занятую немцами деревню Хонсно [13]. В этом первом своем бою подпоручик Брежго был тяжело ранен, эвакуирован в тыл и больше на фронт не вернулся. В апреле 1915 г. за отвагу Брежго будет награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Впоследствии он получит еще два, уже небоевых ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. Переведенный на нестроевую должность Брежго был зачислен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа. К началу 1917 г. он занимал должность и. д. старшего адъютанта управления Двинской сводной запасной инженерной бригады, расквартированной в Витебске.

Именно в этот период, воспользовавшись относительно свободными условиями службы, Брежго решил продолжить образование. 24 сентября 1915 г. он подал прошение в местное отделение МАИ (а не в «головное» учебное заведение в Москве) с просьбой о принятии в число слушателей [14]. Примечательно, что в 1917 г. аналогичные прошения о приеме в институт подавали братья Брежго — Станислав (прапорщик пехоты) и Алоиз (частный поверенный, Дрисский уездный комиссар Временного правительства) [15, с. 39], однако об их обучении ничего неизвестно.

Как следует из материалов личного дела, 4 декабря 1917 г. Болеславу был выдан диплом об успешном завершении курса и защите диссертации по направлению «археология» [16]. В тот же день Брежго (на тот момент секретарь городского военкомата) был зачислен на отделение археографии и окончил его 27 июля 1918 г. без защиты диссертации [17]. Этого ему показалось мало, и буквально через месяц, 25 августа, Брежго просил принять его на отделение истории искусств, причем сразу на 4 курс, с зачетом имеющихся в

двух дипломах предметов. Примечательно, что он сам заверил свое заявление, поскольку с 6 февраля 1918 г. был заведующим витебским отделением института. Впоследствии Брежго будет утверждать, что за время учебы подготовил целых три диссертации: «Архивы Полоцко-Витебского края в их прошлом и настоящем» (1916, как археограф), «Материалы для археологической карты Витебской губернии» (1917, как археолог) и «Ян Матейко как представитель польской исторической живописи» (1918, как историк искусств), причем каждая из них была удостоена золотой медали [7, с. 26].

Хотя Брежго действительно учился на одни «пятерки», он сильно преувеличивает свои достижения. Так, из его дела следует, что диссертацию по археологии он защитил, но ее название неизвестно. Диссертацию по археографии он, напротив, не защищал ни в 1916 г., ни позже. О диссертации по истории искусств известна лишь ее заявленная тема — «Эстетические воззрения Винкельмана», при этом неясно, приступил ли Брежго вообще к прохождению этого курса. Скорее всего, этого не произошло по причине того, что историк собирался поступать в университет. Именно для этого он, согласно дореволюционной практике, сдал необходимый минимум по латыни и получил гимназическое свидетельство. О своем университетском образовании сам Брежго дает противоречивые сведения. В автобиографии, написанной в июле 1932 г., он одновременно указывал, что окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета, эвакуированного в Воронеж, и что выдержал там же «устные магистерские испытания по специальности теории и истории искусств» [18] (в оригинале «1923», очевидно, описка Брежго). В анкете, заполненной в декабре 1921 г. с целью получения академического пайка, историк указывал, что имел лишь специальности архивиста и археолога [19]. Учитывая, что до выезда в Латвию Брежго активно работал в Беларуси, факт получения им университетского образования представляется крайне сомнительным.

Очевидно, стремление обосноваться в университетской корпорации при отсутствии формального образования подтолкнуло Брежго к фактической «покупке» докторской степени в 1933 г. В этом году он получил ее от негосударственного «Брюссельского университета», который на самом деле являлся коммерческой фирмой по выдаче дипломов. Латвийской стороне этот факт был известен (о деятельности названного «университета» даже писали газеты) [7, с. 29]. Уже после войны, претендуя на профессию в обновленном Латвийском университете, Брежго обращался к В. И. Пичете, главному советскому слависту, с просьбой дать отзыв о его научных работах. Официально Брежго мотивировал это тем, что в Риге не было специалистов по истории Беларуси [20]. Лишь тогда эта докторская степень была окончательно легитимирована.

Начало научной карьеры Брежго было тесно связано с Витебском. Отрезанный от Латгалии войной и революцией, не имевший к тому моменту

профильного образования, Брежго довольно долгое время оставался в стороне от научно-исследовательской работы в родном крае. Тем временем, еще в марте 1917 г. в Режице инспектор (впоследствии директор) городской гимназии Павел Рыков основал историко-этнографическое общество и музей при нем. Аналогичную деятельность развернул в Люцине директор местной гимназии, будущий белорусский активист Сергей Сахаров, стоявший у истоков Витебского отделения МАИ. Пройдет еще не менее пятнадцати лет, прежде чем Сахаров, уже со своей стороны, будет благодарить Брежго за сведения, ценные для его краеведческой работы.

Стоит отметить, что Витебск стал местом притяжения гуманитариев сразу по двум причинам. С одной стороны, в первые годы советской власти ситуация там была относительно стабильной. Кроме того, в Витебске еще с дореволюционной поры было много культурных, научных и краеведческих инициатив. В ноябре 1918 г. Брежго становится ассистентом кафедры древностей Северо-Западного края Витебского отделения МАИ, а с января 1920 г. занимает должность профессора кафедры славяно-русской палеографии. Одновременно в марте 1919 г. он получает мандат уполномоченного Главархива РСФСР по Витебской губернии и становится заведующим губернским архивом [7, с. 26]. Таким образом, Брежго продолжал работу, начатую его учителем А. П. Сапуновым, знаковой фигурой в изучении полоцко-витебских и шире — белорусских древностей. В этот период административная работа (с 1921 г. — в качестве проректора института) отнимала у Брежго все время. Единственная его научная работа того времени — «Монастырь мариавиток в Витебске» (1923) — осталась в рукописи.

Тем временем в Минске, еще недавно бывшем ареной бесконечных боев, формировался новый научный центр — Белорусский госуниверситет, открытый осенью 1921 г. Витебское отделение МАИ было закрыто в 1922 г., вскоре после его слияния с Московским университетом. В изменившихся условиях Брежго, рассматривавший Витебское отделение и местный архив как свою вотчину, стремился сохранить свои позиции. Это вылилось в его конфликт с другим витебским архивистом — Александром Шлюбским. Последний называл Брежго «пришельцем загадочной национальности» и, помимо прочего, обвинял его в затягивании передачи имущества института в Минск. По некоторым данным, историк даже был арестован местным ГПУ [21, с. 132—133]. Уже после отъезда историка в Латвию бывший сотрудник Брежго по витебским учреждениям Михаил Мелешко, занявший ответственный пост в Центрархиве БССР, просил у новой заведующей Витебским окружным архивом Э. К. Лейланд подтверждения того, что Брежго выкрал часть архивных документов [22]*. Помимо этого, инициативу у кабинетного ученого Брежго в эпоху начавшейся белорусизации перехваты-

---

* Автор благодарит М. Ф. Шумейко за указание на источники.

вали более молодые коллеги, для которых научная деятельность была неотделима от национально-культурной работы.

В мае 1924 г. Брежго предпринял, по сути, последнюю попытку утвердиться в научном пространстве БССР, выступив с тремя докладами на 1-й Всебелорусской конференции архивных работников (в рукописи объединены под заголовком «Некоторые вопросы постановки архивного дела в Беларуси»)*. Основной идеей Брежго была организация при БГУ Археологического института с двумя отделениями (археологическим и археографическим), которые готовили бы специалистов непосредственно для работы в белорусских архивах. Среди прочего, докладчик подчеркивал важность широкого общенаучного, а не только специального образования будущих архивистов.

Оппонентом Брежго выступил ректор БГУ В. И. Пичета, который был хорошо осведомлен о дискуссиях в Центрархиве. Ведущую роль в них играл М. Н. Покровский, считавший, что главными качествами архивиста были его «классовая сознательность» и «партийная выдержанность», а соответствующую работу мог выполнить любой историк, обладавший хоть какими-то специальными навыками. Дипломатичный Пичета попытался учесть текущую политическую конъюнктуру. Так, он предложил создать краткосрочные курсы архивистов, как того хотел Покровский, но одновременно сохранить фундаментальную подготовку в области источниковедения, в частности, путем создания на педагогическом факультете БГУ кафедры архивоведения. На прениях по докладам Пичеты и Брежго позицию ректора приняли заведующий Центрархивом БССР Д. Ф. Жилунович (поэт Тишка Гартный), его заместитель Мелешко, а также заведующий Могилевским губернским архивом Д. И. Довгялло. Впрочем, данные инициативы так и не были полностью реализованы. В основном дело ограничилось проведением на социально-историческом отделении педфака семинаров по архивному делу, организованных Довгялло и М. В. Довнар-Запольским, и чтением спецкурса по источниковедению [24]. Попытки создать упомянутую кафедру были предприняты в начале 1930-х гг., но не в БГУ, а в Минском пединституте. С появлением в 1930 г. Историко-архивного института в Москве подготовка архивистов для союзных республик переместилась туда. Программы преподавания разрабатывались в центре и не всегда учитывали национальную специфику.

Вероятно, в этот момент Брежго осознал, что в БССР его больше ничего не держит. В январе 1925 г. он вернулся на родину (на тот момент это была территория независимой Латвийской республики). Однако здесь его ждал холодный прием. Отношение к выходцу из Советского Союза было настороженным. Не получив места на государственной службе, Брежго начал преподавать археологию на Русских университетских курсах (с 1930 г. — Русский институт университетских знаний) [25, с. 124—125]. Это было част-

---

* Доклады Брежго опубликованы в сборнике [23].

ное образовательное учреждение русского меньшинства, работавшее по дореволюционным программам с добавлением изучения местного языка и истории страны. Аналогичным образом функционировали учебные заведения русской эмиграции в других европейских странах. С марта 1925 г. Брежго одновременно был сотрудником (с 1931 г. — инспектором) Управления по охране памятников старины, то есть занимался примерно тем же, чем и в Витебске.

Оказавшись в Латвии, Брежго решает закрепить за собой звание специалиста по Витебско-Полоцкой земле. В период с 1925 по 1938 г. он опубликовал более дюжины работ, связанных с данной тематикой. Стоит заметить, что почти все они носили компилятивный характер. Вероятно, это было связано с тем, что Брежго не имел возможности работать с архивными материалами на месте, а пользовался лишь старыми наработками. Фактически речь шла о небольших зарисовках краеведческого или прикладного (генеалогического, археографического, архивно-библиотечного) характера. Так, применительно к указанному региону Брежго мог описать отдельную рукопись [26], монастырь [27] или местечко [28]. Наиболее крупной его работой стал очерк «Замки Витебщины» [29], опубликованный в 1933 г. Белорусским научным обществом в Вильне. Тем не менее, и он носил сугубо описательный характер, а специалисты выявляют в нем многочисленные ошибки [30, с. 73]. Напротив, публикации, созданные Брежго на местном материале и посвященные, в частности, событиям восстаний 1830—1831 и 1863 гг. на севере Витебской губернии [31; 32], до сих пор остаются непревзойденными. Среди других открытий Брежго — привилей Стефана Батория городу Динабург 1582 г., опубликованный историком в 1932 г.

Любопытно, что научная деятельность Брежго напрямую коррелировала с его разносторонней общественно-политической ориентацией. Будучи польским депутатом в Даугавпилсе, историк посещал научные мероприятия во Львове, Кракове и Варшаве, постоянно печатался в польских изданиях и поддерживал контакты с профильными учреждениями. При этом Брежго особо подчеркивал роль поляков «в создании культурных и научных площадок в Белоруссии» [33], несмотря на то что совсем недавно рассуждал о ней в парадигме «белорусско-литовского государства» [34, с. 52]. Работа в рижском Русском институте также отражалась на деятельности Брежго. В марте 1928 г. он стал агентом Русского заграничного исторического архива в Праге — крупнейшей в своем роде организации в Европе. Примечательно, что Брежго снабжал архив как русскими, так и белорусскими материалами [35]. При этом, как уже говорилось, долгое время мало контактировал с белорусской диаспорой Латвии, учитывая, что в попечительский совет Русских университетских курсов входили ее лидеры — К. Езовитов и С. Сахаров [25, с. 19].

Стоит ли говорить, что вкупе с активностью Брежго это делало его тем более сомнительной фигурой для латвийских властей. Вероятно, здесь

сыграл свою роль его особый интерес к Латгалии — проблемной для латвийско-польских отношений области*. В 1933 г. Брежго потерял свое место в Управлении по охране памятников, а в 1937 г., с закрытием Русского института, остался без работы. Следующие три года он числился инструктором по организации Латгальского центрального музея. К концу 1930-х гг. Брежго прекратил печататься по-польски и по-русски, полностью погрузившись в латгальскую тематику.

Новый период его жизни начался с приходом в Латвию советской власти. В декабре 1940 г. Брежго как «старый специалист», к тому же пострадавший от прежних «буржуазных» властей, был назначен директором Даугавпилсского госархива. В это время определился круг тем, которыми историк будет заниматься в поздние годы, — аграрная история Латгалии, местные крестьяне до и после отмены крепостного права. На должности директора Брежго, однако, пробыл меньше года. С началом нацистской оккупации он, уже как бывший советский функционер, в сентябре 1941 г. был смещен со своего поста и некоторое время провел в заключении. С марта 1942 по апрель 1943 г. Брежго трудился рядовым архивариусом Государственного архива в Риге, после чего вернулся в Даугавпилс. До конца оккупации он работал в качестве научного редактора в издательстве своего земляка Владислава Лоциса. После возвращения советской власти осенью 1944 г. Брежго вновь переезжает в Ригу, где становится начальником отдела в Центральном государственном историческом архиве Латвии. В апреле 1945 г. он получает место профессора кафедры славянской филологии на филфаке Латвийского университета. Одновременно до 1948 г. Брежго являлся заведующим кафедрой и заместителем декана.

Положение Брежго в сталинской Латвии было весьма противоречивым. С одной стороны, первые послевоенные годы стали для него пиком академической карьеры. В новых условиях Брежго, как это часто бывало, пришлось полностью переписать свою биографию. Так, например, в советской анкете он указывал, что был участником социал-демократического движения в Режице чуть ли не с момента его возникновения [7, с. 25]. Помимо этого, новый заведующий утаил, что был кадровым офицером царской армии. Тогда же появилась версия о трех диссертациях и золотых медалях. Применительно к латгальской тематике пришлось изменить и тональность публикаций: теперь акцент делался на межклассовых взаимоотношениях и «борьбе крестьян в феодально-крепостное время».

Вместе с тем, как можно заметить, Брежго работал по смежной, «неисторической» специальности. Уже в августе 1948 г. он был уволен из университета (формально в связи с «реорганизацией штатного расписания»). Очевидно, это произошло в ходе очередного «укрепления» кадров. Несмотря на

---

* Подробнее см. [36].

то что у Брежго был солидный список заслуг перед советской властью, он, как выразились в те времена, давно «утратил связь» с «советской родиной». Не применяя к историку прямых репрессий, власти стремились изолировать его. После потери места в университете Брежго сохранил лишь ставку старшего научного сотрудника в Институте истории и материальной культуры АН Латвийской ССР. В это время Брежго мало публиковался (в основном это были главы для официозной «Истории Латвийской ССР») и писал «в стол». С началом кампании против «безродных космополитов» в 1949 г. предпринимались попытки уволить Брежго из института, что в конце концов удалось (в 1953 г.). Неслучайно, что к этому периоду относятся попытки Брежго вернуться в БССР и обращение к прежним научным интересам — сохранилась его рукопись, посвященная средневековому Полоцку, и наброски латышско-польского и польско-латышского словаря.

Исключение Брежго из научной жизни совпало со смертью Сталина. Временная либерализация режима, впоследствии получившая название «оттепели», вдохнула в него новые силы. С 1954 по 1956 гг. ученый опубликовал сразу две монографии — по истории латгальских крестьян в период между 1861 и 1914 гг. (на латышском) и истории крестьянских движений в Латгалии с XVI по начало XX в. (на русском). Еще одна книга — «Крестьяне Латгалии в XVI—XVIII столетиях» — осталась в рукописи. Последняя статья Брежго вышла в сентябре 1957 г. В том же месяце его не стало.

*
*
*

Болеслав Брежго прошел в науке большой путь от краеведа-любителя до крупного специалиста. В широком научном контексте Брежго занимался малоизученными сюжетами из истории Инфлянт, касался ряда тем, связанных с Полоцком и Витебском на временном отрезке от Средневековья до середины XIX в. Особый интерес историка был связан с его латгальской «малой родиной». Множество документов было обнаружено им в ходе изысканий в архивах Витебска, Вильно, Даугавпилса, Риги. После себя Брежго оставил обширный личный архив. Его неопубликованные работы ждут изучения и оценки.

Вопрос о том, был ли Брежго белорусским историком, является, возможно, наиболее сложным для ответа. Как уже говорилось, витебско-полоцкий регион интересовал его скорее в локальном измерении, чем в рамках более широкой, национально-белорусской проблематики. По сути, Брежго не являлся представителем собственно белорусской науки — напротив, интеллектуально и институционально он скорее был выходцем из «старой» русской школы. Недаром во время его первого советского периода (1918—1924) Витебщина даже административно относилась к РСФСР. Насколько можно судить, отношение Брежго к белорусским инициативам колебалось от благожелательно-нейтрального до скептического. В этом отношении неудивительно, что, находясь в эпицентре белорусского движения в Латвии, он не стре-

мился поддерживать с ним контакты. Символично, что в Даугавпилсе Брежго жил на одной улице с К. Езовитовым — политическим лидером латвийских белорусов, однако неизвестно, пересекались ли они. Вместе с тем, нельзя забывать о деятельности Брежго по сохранению и изучению материалов витебских архивов, а также организации работы Витебского отделения МАИ в переломное время Гражданской войны и первых лет советской власти. Таким образом, вопрос о том, можно ли относить Брежго к представителям белорусской исторической науки, остается открытым.

Литература и источники

1. Ģermanis, A., Šakare, Z. Vēstumieka Boleslava Brežgo darbu bibliografija / A. Ģermanis, Z. Šakare // Известия Академии наук Латвийской ССР. — 1957. — № 5. — С. 151—157.
2. Королук, В. Д. Болеслав Ричардович Брежго / В. Д. Королук // Краткие сообщения Института славяноведения. — М., 1958. — Вып. 24. — С. 3—4.
3. Karule, A. V. Brežgo pētījumi — nozīmīgs Latgales skolu vēstures avots / A. Karule // Latvijas skolu vēstures avoti. — Rīga, 1974. — S. 70—85.
4. Strods, H. Życie i twórczość naukowa Bolesława Breżgo, historyka wschodniej Łotwy (Łatgalii — Inflant Polskich) (1887—1957) / H. Strods // Zapiski Historyczne. — 1993. — Nr 2—3. — S. 27—46.
5. Дорошенко, В. В. Уроки историка Б. Р. Брежго / В. В. Дорошенко // Археографический ежегодник за 1993 г. — М., 1995. — С. 215—221.
6. Лисов, А. Болеслав Брежго — историк латгальского крестьянства / А. Лисов // VI Starptautiskā Zinātniski Praktiskā Konference «Māksla un Mūzika Kultūras Diskursā». — Rezekne, 2018. — С. 28—35.
7. Екабсонс, Э. Историк Болеслав Брежго (1887—1957): неизвестное в биографии / Э. Екабсонс // Латыши и белорусы: вместе сквозь века. — Минск, 2019. — Вып. 8. — С. 24—34.
8. Крэнт, Д. А. Матэрыялы да біяграфіі Баляслава Рычардавіча Брэжгі з фондаў Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі / Д. А. Крэнт // Латыши и белорусы: вместе сквозь века. — Минск, 2021. — Вып. 10. — С. 110—117.
9. Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). — Ф. 7085. Оп. 3. Д. 170. Л. 41 об.
10. LVVA. — Ф. 7085. Оп. 3. Д. 166. Л. 12.
11. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). — Ф. 376. Оп. 1. Д. 475. Л. 21.
12. Список личного состава Главного управления землеустройства и земледелия. — Пг., 1915. — 1676 стб.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 3343. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.—38 об.
14. ЦГА Москвы. — Ф. 376. Оп. 1. Д. 475. Л. 2.
15. Назарова, Е. Л. Латыши в Витебском отделении Московского археологического института / Е. Л. Назарова // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». — Витебск, 2012. — Т. 13. — С. 34—43.
16. ЦГА Москвы. — Ф. 376. Оп. 1. Д. 475. Л. 4—4 об.
17. ЦГА Москвы. — Ф. 376. Оп. 1. Д. 475. Л. 1, 23.

18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р7030. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.
19. ГАРФ. — Ф. Р2328. Оп. 1. Д. 205. Л. 2.
20. Архив Российской академии наук (РАН). — Ф. 1548. Оп. 2. Д. 37. Л. 3—4.
21. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг.—1960 г.): документы и материалы / сост.: С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 437 с.
22. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 249. Оп. 4. Д. 1. Л. 158, 161.
23. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г.: документы и материалы / сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 1999. — 147 с.
24. Шумейко, М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты (к 130-летию со дня рождения) / М. Ф. Шумейко // Российские и славянские исследования. — Минск, 2009. — Вып. 4. — С. 238—242.
25. Цоя, С. А. Русский институт университетских знаний: страницы истории / С. А. Цоя. — Рига, 2016. — 179 с.
26. Breżgo, B. Do genealogii rodzin włościańskich w Witebszczyźnie / B. Breżgo // Zemla. — 1927. — Nr 13—14. — S. 225—226.
27. Breżgo, B. Klasztor Taduiliński na Witebszczyźnie / B. Breżgo // Zemla. — 1929. — Nr 13. — S. 218—220.
28. Брэжга, Б. Мясцэчка Глазочыцы або Янавічы ў Віцебшчыне ў XVIII стагоддзі / Б. Брэжга // Запісы Беларускага Навуковага Таварыства. — Вільня, 1938. — Сп. 1. — С. 50—53.
29. Брэжго, Б. Замкі Віцебшчыны / Б. Брэжго // Гадавік Беларускага Навуковага Таварыства. — Вільня, 1933. — Кн. 1. — С. 74—109.
30. Филошкин, А. И., Кузьмин, А. В. Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563—1579 гг. / А. И. Филошкин, А. В. Кузьмин. — М., 2017. — 175 с.
31. Breżgo, B. Z dziejów powstania 1863 r. na Inflantach / B. Breżgo // Pamiętnik IV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. — Lwów, 1925. — Cz. 1. — S. 1—10.
32. Breżgo, B. Odgłosy powstania 1830—1831 roku na Witebszczyźnie i w Inflantach / B. Breżgo // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. — Lwów, 1930. — Cz. 1. — S. 369—385.
33. Breżgo, B. Muzea Witebskie / B. Breżgo // Zemla. — 1926. — Nr 15—16. — S. 240.
34. Брэжго, Б. Архівы і архіўная праца ў Віцебшчыне / Б. Брэжго // Віцебшчына. — Віцебск, 1925. — Т. 1.
35. Slovanská knihovna v Praze. — T-RZIA-5-0026 (Breżgo). Л. 1, 12.
36. Jankowiak, M. Latgalia i mniejszość polska w Latgalii jako element kształtujący stosunki polsko-łotewskie w okresie międzywojennym / M. Jankowiak // Восточная Европа: феномен Батнии. — СПб., 2004. — С. 212—218.
37. Bukšs, M. Atmiņas un atziņas / M. Bukšs. — München, 1964. — 544 lpp.

Ю. Н. Петух,
*ведущий архивист отдела публикаций
государственного учреждения
«Национальный архив Республики Беларусь»;*
e-mail: petuchurij@tut.by

**ДОКУМЕНТЫ ФОНДА 249
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ
В 1918—1938 гг.**

В 2022 г. исполнилось ровно сто лет со дня создания первого на территории Беларуси специализированного учреждения, отвечавшего за управление архивной системой страны, — Центрархива ССРБ, который выполнял одновременно две функции: главного республиканского архива и органа, контролировавшего и координировавшего работу местных архивов. Именно от даты его основания ведет отсчет своего существования архивная отрасль Беларуси в целом и Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции в частности.

Целью настоящей работы является изучение процесса становления и развития архивной системы Беларуси через призму материалов фонда 249 Национального архива Республики Беларусь (Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь) в период с 1918 г. по 1938 г. Выбранные хронологические рамки ограничены, с одной стороны, Октябрьской революцией 1917 г., кардинально изменившей как государственное, так и общественное устройство бывшей Российской империи, частью которой являлись белорусские губернии, и, с другой — передачей архивов в 1938 г. под управление НКВД. Последовавшие за этим события (воссоединение БССР и Западной Беларуси, Великая Отечественная война, в ходе которой большая часть белорусских архивов оказалась на оккупированной противником территории и т. д.) значительно изменили как структуру, так и направление развития архивной системы республики, а потому этот период требует отдельного рассмотрения.

Первым основополагающим документом, регламентирующим работу архивной отрасли после Октябрьской революции 1917 г., стал Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г. [7, л. 31—33], действие которого распространялось также на Могилевскую и Витебскую губернии, входившие в первые послереволюционные годы в состав РСФСР. Как отмечает в своей работе М. Ф. Шумейко, в основу декрета легли идеи, высказанные еще в XIX в. выдающимся российским архивистом Н. В. Калачевым [27, с. 117].

Вышеупомянутый декрет отменял существовавшую в то время практику ведомственного хранения документов, провозглашал упразднение всех

архивов правительственных учреждений, все их дела, за исключением тех, которые сохраняли значение для его текущей деятельности, включались в Единый государственный архивный фонд, переходивший в ведение Главного управления архивным делом (ГУАД) при Наркомате просвещения РСФСР. Декрет также налагал запрет на уничтожение любых архивных дел или документов без согласования с ГУАД РСФСР.

1918—1920 гг. были весьма непростыми для белорусских архивов: около половины современной территории Беларуси было оккупировано сначала германскими, а затем и польскими войсками, материалы архивов многих местных учреждений были эвакуированы на восток, а оставшиеся были фактически брошены на произвол судьбы. В то же время в Витебске продолжала действовать созданная еще в 1908—1909 гг. ученая архивная комиссия, пытавшаяся по мере возможности проводить работы по сохранению архивов Витебской губернии [27, с. 119]. В августе 1919 г. в Витебской и Могилевской губерниях, входивших до 1924 г. в состав РСФСР, были созданы губернские архивные управления с губернскими архивами при них [5, с. 121].

В 1920 г. в Минске был создан отдел искусств Комиссариата просвещения, в состав которого вошел подотдел охраны памятников искусства и старины, включавший в себя две секции: архитектурную и архивную. Главной задачей архивной секции была охрана и упорядочение архивов на территории республики.

В июле 1921 г. при Наркомате просвещения ССРБ вместо отдела искусств был организован Академический центр, в состав которого вошла Минская архивная комиссия. Председателем комиссии 17 августа 1921 г. был назначен ставший уже к этому времени ректором БГУ В. И. Пичета, а его заместителем — доцент, впоследствии профессор университета, историк А. А. Савич, членом — ученый архивист Минского музея Н. П. Шкляев и научным секретарем — Н. М. Гутковский [2, с. 43; 26, с. 11].

24 ноября 1921 г. было принято постановление ВЦИК о передаче из ведения Наркомпроса в его непосредственное подчинение ГУАД РСФСР, с преобразованием его в Центрархив РСФСР. Это не могло не отразиться на структуре архивной отрасли в Беларуси.

Уже в 1921 г. появляются проекты создания центрального архива республики, что нашло отражение, в частности, в двух докладных записках заведующего охраной архивов г. Минска Н. П. Шкляева, направленных в адрес Наркомпроса ССРБ. В них не только излагается план создания подобного учреждения, именуемого автором документов Главархивом, но и приводится примерная смета расходов на его организацию, а также выражается просьба о предоставлении под архив помещений и средств на разбор и перевозку архивных материалов [9, л. 13—14, 43—44 об.].

Несмотря на то что проект Н. П. Шкляева не был реализован, многие его идеи легли в основу Постановления СНК БССР от 23 января 1921 г. «Об

учете и сохранении архивных материалов» [2, с. 42], согласно которому все учреждения, в ведении которых имелись архивные материалы любого происхождения, были обязаны принять все необходимые меры к их сохранению, зарегистрировав архивы в местных отделах народного образования [1, с. 16].

С 1 февраля 1922 г. в структуре Академического центра Наркомпроса был создан Белорусский государственный архив (Белархив), который возглавил сначала А. А. Савич, а с августа 1922 г. — М. А. Вахаев.

16 февраля 1922 г. на заседании ЦИК ССРБ было принято решение о создании центрального архива республики, которое нашло свое дальнейшее развитие в издании 12 сентября 1922 г. соответствующего положения. Первая его статья, подобно российскому декрету 1918 г., провозглашала упразднение всех архивов правительственных учреждений и вхождение их документов в единый государственный архивный фонд, находящийся в ведении Центрархива ССРБ. Последний, согласно положению, имел двойную подчиненность: в административно-хозяйственном отношении он подчинялся ЦИК ССРБ, а в сфере научной работы — распоряжениям Инспекции научных учреждений Наркомпроса. В вопросах технического управления архивами Центрархив ССРБ руководствовался инструкциями и указаниями Главного управления Центрархива РСФСР. Управление Центрархива контролировало работу всех архивных учреждений республики, а также разрабатывало инструкции по архивному делу. Для работы на местах создавались уездные отделы [11, л. 7—7 об.; 15, л. 1—2].

13 декабря 1922 г. Президиумом ЦИК ССРБ была утверждена инструкция о порядке передачи в Центральный государственный архивный фонд республики и его уездные отделы архивных дел и бумаг и о порядке уничтожения их. Она определяла порядок сдачи и приема архивного материала от учреждений, организаций, предприятий и частных лиц в Центрархив ССРБ, очерчивался круг документов, подлежащих обязательной передаче на государственное хранение. Отдельная глава инструкции была посвящена приведению в порядок дел перед их сдачей. Третья глава регламентировала порядок уничтожения без включения в государственный архивный фонд документов, не имеющих значения для изучения истории, дипломатических отношений, политической, экономической, общественной жизни. Для определения дел, подлежащих уничтожению, должна была создаваться комиссия из представителей Инспекции научных учреждений и учреждения, которому принадлежат дела. Решение комиссии утверждалось поверочной комиссией при Центрархиве ССРБ. Инструкцией особо оговаривался перечень документов, которые должны были выделяться из уничтожаемых дел с последующей передачей их на государственное хранение. К ним относились подлинники протоколов, определений, решений, планов и чертежей, акты состояния и службы, образцы печатей, гербовой бумаги, печатных бланков и пр. [8, л. 322—323 об.; 10, л. 33—34 об.].

Как уже было сказано выше, именно создание Центрархива считается отправной точкой, от которой ведет отсчет своего существования система государственных архивов Беларуси. Для изучения ее истории наиболее значимым является фонд 249 Национального архива Республики Беларусь (Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь). Среди его материалов отложились такие виды документов, как докладные записки, инструкции, циркуляры, планы и отчеты Центрархива ССРБ (с 1927 г. — Центральное архивное управление БССР), его региональных отделений и отдельных архивов, постановления, распоряжения и циркуляры вышестоящих организаций, переписка с различными учреждениями БССР и СССР, акты обследований архивов и т. д.

Особо стоит упомянуть такой вид документов, как постановления Президиума ЦИК БССР по докладам ЦАУ БССР. В этих документах, издаваемых по результатам ознакомления с отчетами архивного управления республики, перечисляются конкретные меры, которые необходимо предпринять для улучшения работы как архивной отрасли в целом, так и конкретных архивов. В фонде отложилось не менее трех подобных постановлений за 1931, 1932 и 1935 гг. [17, л. 17—17 об.; 20, л. 1—11; 21, л. 7—9].

Проведем теперь анализ наиболее важных документов фонда, повествующих о становлении и развитии архивной отрасли республики в рассматриваемый период.

Так, одним из первых распорядительных документов, изданных Центрархивом ССРБ вскоре после своего учреждения, стал циркуляр о создании его уездных отделений, который был разослан всем уездным исполкомам республики. В циркуляре исполкомам предлагалось приступить к созданию местных филиалов Центрархива, назначив на должность заведующих ими лиц, знакомых с архивным делом. Основной задачей, стоявшей перед создаваемыми отделениями, было выявление и концентрация документов действующих и упраздненных государственных учреждений, а также частных лиц [12, л. 1].

Говоря об архивной отрасли Беларуси 1920-х гг., нельзя не упомянуть I Всебелорусскую конференцию архивных работников 1924 г. и II совещание архивных работников Беларуси 1927 г. Это были крупные республиканские научно-практические форумы, на которых обсуждались важнейшие вопросы архивоведения, археографии, подготовки архивных кадров, а также заслушивались отчеты о деятельности местных отделений Центрархива. Протоколы заседаний конференции и совещания, а также тексты зачитанных на них докладов отложились в ф. 249, сформировав в нем отдельные дела [13; 14].

В 1927 г. была проведена реорганизация архивной системы БССР, главным итогом которой стало разделение функций управления архивами, которую взяло на себя созданное в том же году Центральное архивное управление республики, и хранения документов, осуществляемое специализированными архивными учреждениями. Кроме того, в этот же период утвержда-

ется принцип раздельного хранения материалов дореволюционных и советских учреждений. В первые годы существования Центрархива БССР этот принцип выдерживался не всегда, так как, с одной стороны, многие учреждения передавали на хранение вместе со своими документами отложившиеся у них бумаги дореволюционного периода, с другой стороны, сказывалась острая нехватка места в архивохранилищах, большинство из которых представляли собой бывшие церкви и костелы. Данное разделение было реализовано путем взаимобмена фондами только после создания Центрального архива Октябрьской революции (ЦАОР) БССР и исторических архивов в Минске, Могилеве и Витебске [4, с. 106—107].

28 мая 1927 г. ЦИК и СНК БССР утвердили положение о Едином государственном архивном фонде республики. Согласно нему, названный фонд включал в себя завершённые дела действующих и упразднённых учреждений, предприятий и организаций, в том числе частных дореволюционных, архивы дореволюционных политических и общественных организаций, церкви, монастырей и бывших помещиков, существовавших в границах БССР. Согласно положению, в фонд включались также и те документы, которые были созданы на территории Беларуси, но временно находились за ее пределами. Заведывание Единым государственным архивным фондом возлагалось на ЦАУ БССР. Местами постоянного хранения документов фонда определялись Центральный архив Октябрьской революции БССР, Минский, Витебский и Могилевский исторические, а также окружные архивы [15, л. 10—10 об.].

Наиболее важными документами начала 1930-х гг., определявшими структуру и функции системы государственных архивов республики, стали положения о ЦАУ БССР и о его отделениях. Постановление «Об архивном управлении БССР» принято ЦИК БССР 15 октября 1930 г. Положением были определены задачи и функции ЦАУ БССР и совета при его управляющем, а также подчиненных управлению архивных учреждений: ЦАОР БССР, Центрального исторического архива и региональных отделений ЦАУ БССР. Кроме того, были внесены дополнения в перечень документов, включаемых в состав Государственного архивного фонда. Так, с одной стороны, в него были добавлены негативы фотоснимков и кинофильмов, снятых на территории БССР, и имеющие историко-революционную ценность агитационно-пропагандистские материалы (листовки, плакаты, прокламации и т. д.), с другой стороны, в него более не включались документы белорусского происхождения, находящиеся за пределами республики [19, л. 48—51].

Работа местных архивных органов регламентировалась Положением об отделениях ЦАУ БССР, принятым в развитие предыдущего документа. В нем более конкретно прописаны сфера ответственности и функции отделений, а также оговаривались полномочия их заведующих [18, л. 8—12]. Необходимость создания отделений ЦАУ была продиктована изменением административно-территориального деления БССР, предусматривавшим упразд-

нение округов, и, как следствие, окружных архивов. В связи с этим возникла необходимость создания промежуточного звена между ЦАУ БССР и создаваемыми районными архивами. В общей сложности было создано три отделения: Южно-Белорусское в Гомеле, Восточно-Белорусское в Могилеве и Северно-Белорусское в Витебске. Территорию бывшей Минской губернии обслуживало непосредственно ЦАУ БССР.

Следует отметить, что практические работы по созданию районных архивов были начаты только в 1935 г. в соответствии с совместным циркуляром ЦИК и ЦАУ БССР райисполкомам республики и циркуляром архивного управления президиумам последних о создании районных архивов [21, л. 3—3 об.; 23, л. 64—66]. Согласно этим документам, местные власти были обязаны организовать районные архивы не позднее января 1936 г., подобрав для них подходящие и должным образом оборудованные помещения, а также назначить на должность заведующего архивом проверенное лицо с образованием не ниже семи классов. На районные архивы возлагались задачи по учету архивных материалов всех учреждений, предприятий, МТС, совхозов и колхозов на территории района, концентрации в архиве документов начиная с 1928 г., а также по обследованию и инструктированию ведомственных архивов. Все материалы до 1928 г. передавались в отделение ЦАУ БССР, обслуживающее соответствующий район [23, л. 64]. 26 февраля 1936 г. было утверждено положение, регламентирующее работу районных архивов, согласно которому районные архивы рассматривались как места не постоянного, а временного хранения документов. По истечении 5 лет с момента передачи в них архивных материалов, последние поступали на хранение в соответствующее отделение ЦАУ БССР [22, л. 10—10 об.].

Одним из последних распорядительных документов, направленных на упорядочение системы государственных архивов республики до передачи ее в ведение Наркомата внутренних дел, стало постановление Президиума ЦИК БССР от 28 февраля 1938 г. «О мероприятиях по улучшению постановки архивного дела в БССР». Оно вносило в работу архивной отрасли изменения, назревшие в связи с введением областей как новой административно-территориальной единицы республики. В частности, определялись сроки хранения документов в районных архивах, а также в архивах организаций и учреждений до передачи их в центральные или областные архивы, разрабатывались меры для восполнения кадрового дефицита в архивах республики и т. д. Кроме того, документ обязывал ЦАУ БССР разработать правила постановки архивного дела в республике, а также подготовить новые положения о Центральном архивном управлении, областных управлениях и районных архивах [24, л. 1—4].

Таким образом, в 1920—1930 гг. было положено начало формированию централизованной системы государственных архивов в БССР. Сложилась трехуровневая структура отрасли, представленная ЦАУ БССР с подчиненными ему напрямую Центральным архивом Октябрьской революции

(ЦАОР) и Центральным историческим архивом республики, областными архивными управлениями и районными архивами.

В 1938 г. государственные архивы республики были переданы в ведение Наркомата внутренних дел, что ознаменовало собой новый этап их развития, продлившийся вплоть до 1960 г., когда Архивное управление БССР перешло в прямое подчинение Совету Министров республики.

Литература и источники

1. Архивное дело в БССР (1918—1968). Сборник законодательных и руководящих документов. — Минск, 1972. — 142 с.
2. Гернович, Т. Д. Первые нормативные акты об архивах БССР (начало 1920-х гг.) // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: набыткі і страты. — Мінск, 2019. — С. 37—48.
3. Гернович, Т. Д. Становление государственных архивов Беларуси (1919— 1922) // Журнал БГУ. История. — 2019. — № 3. — С. 46—56.
4. Калесник, Н. Е. Из истории Центрального архива Октябрьской революции БССР (ЦАОР БССР) // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археографіі: матэрыялы навук.-практ. канф., прысвечанай 85-годдзю архіўнай службы і 80-годдзю Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Мінск, 12 красавіка 2007 г. — Мінск, 2007. — С. 101—110.
5. Коханко, В. П. Государственный архив Витебской области: от истории к современности // Архивное дело на Витебщине: история и современность : материалы архивных чтений, посвященных 100-летию государственного архивного строительства на Витебщине и 80-летию Государственного архива Витебской области, 19 декабря 2018 г. — Минск, 2019. — С. 120—127.
6. Мясоедова, С. Н. К вопросу обеспечения сохранности документов учреждений и организаций Витебской губернии в первые послереволюционные годы // Архивное дело на Витебщине: история и современность : материалы архивных чтений, посвященных 100-летию государственного архивного строительства на Витебщине и 80-летию Государственного архива Витебской области, 19 декабря 2018 г. — Минск, 2019. — С. 144—150.
7. НАРБ. — Ф. 42. Оп. 1. Д. 527.
8. НАРБ. — Ф. 101. Оп. 1. Д. 1424.
9. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1.
10. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 6.
11. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 8.
12. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 9.
13. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 63.
14. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 230.
15. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 231.
16. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 291.
17. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 349.
18. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 353.
19. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 362.
20. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 420.
21. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 637.
22. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 716.

-
23. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 724.
  24. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1026.
  25. Рудовіч, С. Стварэнне дзяржаўнай архіўнай службы БССР у святле новых дакументальных знаходак // Беларускі гістарычны часопіс. — 2023. — № 1. — С. 41—51.
  26. Шумейко, М. Ф. Влияние декрета СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела на становление и развитие сети архивных учреждений Беларуси (к 100-летию принятия) // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск : БелНДЦДАС, 2018. — Вып. 19. — С. 5—14.
  27. Шумейко, М. Ф. «...Далеко не все знают об этом декрете...» // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 3. — С. 117—125.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 04.09.2023

И. В. Лютаревич,

*младший научный сотрудник отдела архивоведения
учреждения «Белорусский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»,
магистр исторических наук,
аспирант кафедры источниковедения
Белорусского государственного университета;
e-mail: ilyuhanster@gmail.com*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ США В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ И АРХИВНЫМ ДЕЛОМ

Национальный архив и управление документацией США (National Archives and Records Administration — NARA) (далее — Национальный архив) является хранилищем значительного количества исторических документов, отражающих историю развития государства и общества. Кроме того, он является ведущим разработчиком нормативного правового и методического обеспечения в области управления документацией и архивным делом, а также инициатором внедрения инноваций в вопросах создания электронных архивов, рассекречивания правительственных документов, оцифровки документов на бумажных носителях, развертывания сети цифровых баз данных и виртуальных читальных залов.

Важно отметить, что необходимость тщательного изучения истории развития и современной деятельности Национального архива в том числе вызвана отсутствием работ по данной тематике в белорусской историографии, что является большим упущением ввиду активно налаживающихся связей между архивистами Республики Беларусь и международным архивным сообществом в последние два десятилетия. Кроме того, актуальность данному исследованию придает влияние Национального архива на процесс создания крупнейшей системы управления документацией и архивным делом, являющейся социально и экономически успешной, согласно оценкам Международного совета архивов. Выявление и тщательное изучение наиболее эффективных методик работы с документами, использующимися в Национальном архиве, позволит внедрять их в архивную систему Республики Беларусь с учетом национальной специфики.

К началу XIX в. в США еще не сложилась централизованная система управления государственными архивами. Правительственные документы хранились в различных учреждениях, разбросанных по разным штатам. Начиная со второй половины XIX в. в Конгресс стали поступать предложения о создании единого хранилища для правительственной документации на федеральном уровне. Большую роль в сборе и обеспечении сохранности архивных документов в тот период сыграла Американская историческая ассоциация (American Historical Association — АНА), основанная в 1884 г. [8].

В 1890 г. на заседании Конгресса было решено создать орган управления архивным делом, который смог бы сконцентрировать управление архивной службой США в одном месте. В 1913 г. по инициативе Конгресса было предложено разработать проект по созданию Национального архива США, однако начавшаяся Первая мировая война внесла свои коррективы, и проектирование Национального архива было заморожено [16].

Здание Национального архива было спроектировано архитектором Джоном Расселом и занимало уникальное местоположение в Вашингтоне — между Белым домом и Капитолием. Договор на строительные работы был заключен с компанией «Jarboe and Houghton», являющейся одной из крупнейших строительных фирм штата Мэриленд. Им дали 60 дней для выемки грунта, а 5 сентября 1933 г. состоялась церемония закладки фундамента. Постройка здания для Национального архива входила в пятилетний план обновления инфраструктуры Вашингтона, а его финансирование превышало 1 млрд долл. [6].

19 июня 1934 г. президент Ф. Рузвельт подписал закон о создании Национального архива. С этого момента функции приема, учета и обеспечения сохранности правительственных документов передавались в ведение Национального архива. Начиная с 1935 г. Национальный архив стал нести ответственность за учет и хранение документов правительственных органов. В этом же году произошло торжественное открытие здания Национального архива в Вашингтоне. Здание состояло из 21 этажа с оборудованными архивохранилищами и 7 этажей, предназначенных для административных помещений [4].

В соответствии с законодательством было создано Управление архивами США во главе с главным архивистом, назначаемым президентом. В компетенцию главного архивиста входил контроль за передачей всех документов правительства на постоянное хранение, а также их учет и обеспечение сохранности. 10 октября 1934 г. президент Ф. Д. Рузвельт назначил Роберта Коннора первым главным архивистом США [11].

В начале 1936 г. Национальный архив получил первую партию документов для постоянного хранения — это были отчеты Федерального управления по продовольствию США, а также документы Американской зерновой корпорации. Это были агентства времен Первой мировой войны, которые регулировали поставки, распределение и сохранение продуктов питания. Поскольку это была первая передача документов, сотрудники Национального архива использовали этот опыт для разработки методик учета, классификации и обеспечения сохранности правительственной документации.

Комплектование Национального архива осуществлялось в соответствии со списками источников комплектования и перечнями документов правительственных учреждений. Документы правительства, созданные до 1895 г., в обязательном порядке поступали на хранение в Национальный архив. Процесс комплектования Национального архива нашел отражение в ежегодных

отчетах главного архивиста США, в которых публиковались сведения о документах, поступивших в архив в течение года. В первые годы работы Национального архива большая часть документов федерального правительства продолжала оставаться при учреждениях. Некоторые из них имели свои архивы, поэтому не было нужды в передаче документов на хранение в Национальный архив [4].

В американской архивной практике 1930-х — 1940-х гг. использовались различные виды описания документов. Изначально архивисты подробно описывали каждую серию документов, но впоследствии перешли к краткому описанию с целью сокращения комплекса научно-справочного аппарата и ускорения процессов комплектования и учета документов, поступающих в Национальный архив.

В 1940-е гг. началось формирование сети федеральных центров документации США. К началу 1950-х гг. в США функционировала система из десяти федеральных центров: в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Сан-Франциско, Сиэтле, Остине и других крупных американских городах. Кроме того, промежуточные хранилища стали создаваться и при некоторых министерствах. Например, в городе Сент-Луис, куда поступали документы, связанные с личным составом военных и гражданских федеральных служб.

Благодаря созданию федеральных центров документации был решен ряд острых проблем, с которыми сталкивались архивы государственных органов, что явилось значимым достижением в области реорганизации системы управления документацией и архивным делом. Впоследствии на базе Национального архива был образован отдел федеральных центров документации, реорганизованный в 1964 г. в Управление федеральных центров документации [7].

В 1947 г. создана правительственная комиссия Гувера, которой были делегированы полномочия проверки деятельности государственной архивной службы. После тщательных проверок Национального архива членами комиссии было принято решение о необходимости его реорганизации с целью унификации и оптимизации административной деятельности архивной системы США.

30 июня 1949 г. был принят акт «О федеральной собственности и административных службах», согласно которому Национальный архив утратил независимый статус и был реорганизован в Национальную службу управления архивами и документацией (National Archives and Records Service — NARS). В ней был создан специальный отдел по управлению документацией, целью которого стало усовершенствование процесса работы с документами. Общее руководство архивной службой было закреплено за Администрацией общих служб (General Services Administration — GSA). Помимо Национального архива и отдела управления документацией в состав GSA вошли депар-

таменты президентских библиотек, федеральных центров документации и федерального регистра [15].

1950-е — 1960-е гг. для Национального архива стали периодом активной нормотворческой деятельности. В 1950 г. подписан акт «О федеральной документации», позволивший Национальному архиву принимать на постоянное хранение документы из федеральных центров документации.

13 декабря 1952 г. состоялась официальная передача наиболее важных для США документов (Декларация независимости, первая редакция Конституции, Билль о правах) из Библиотеки Конгресса в Национальный архив. Акт 1955 г. «О президентских библиотеках» официально закрепил статус президентских библиотек и возложил полномочия по их комплектованию на Национальный архив. В 1969 г. Национальный архив начал издавать журнал «Prologue» — периодическое издание, призванное освещать события, происходящие в архивной отрасли [8].

Полноценное становление системы управления документацией и архивным делом США состоялось в 1970 — 1980-е гг. Данный период рассматривается как начало нового этапа в организации работы с документами, где документация выступает важнейшим ресурсом управления. В эти годы обозначилась характерная черта управления документацией в американской системе, а именно — организация эффективного использования и хранения документов в архивах, организациях и учреждениях различных форм собственности и масштабов деятельности с учетом принципов экономической целесообразности.

Начало 1980-х гг. для Национального архива США ознаменовалось сменой руководства. 24 июля 1980 г. на должность главного архивиста был назначен Роберт Уорнер. С момента своего назначения главным архивистом он неустанно работал над обретением Национальным архивом самостоятельности и его отделением от Управления общих служб (GSA), в составе которого Национальный архив находился с 1949 г. [13].

В 1980 г. был принят федеральный закон «О сокращении объемов работы с документами», обязавший федеральные ведомства снизить объем документной информации в первый год на 15%, а в последующий — на 10%, что привело к серьезному сокращению объемов документооборота и последующей оптимизации состава документов в государственных органах США.

19 октября 1984 г. президент Р. Рейган подписал публичный закон, который с 1 апреля 1985 г. придавал Национальному архиву статус независимого федерального агентства. Этот статус дал возможность Национальному архиву получить правительственный грант для строительства новых зданий в Колледж-парке Вашингтона (округ Колумбия), Сьютлэнде (штат Мэриленд) и Александрии (штат Вирджиния), а также увеличить бюджет на реконструкцию старого здания [8].

Модернізація Національного архіва почалася в 1990 г. і була обумовлена процесом всеобщей комп'ютеризації американської системи управління документацією і архівним делом. Адміністрація президента Б. Клінтона активно содействовала в реалізації програми комп'ютеризації державних органів. На волі повсеместного впровадження комп'ютерних технологій розширилися можливості Національного архіва в області управління документацією: збільшився парк комп'ютерної техніки, активно стали впроваджуватися сучасні технології оцифровки документів, з'явилася можливість виходу в глобальну мережу Інтернет. В грудні 1997 г. почав працювати офіційний сайт Національного архіва, і на його базі почалася реалізація Інтернет-каталогу документів Національного архіва (Archival Research Catalog — ARC), запуск якого відбувся 16 вересня 2002 г. [10].

В середині 1990-х гг. адміністрація Національного архіва приступила до розробки і поетапної реалізації проекту «Архів електронних документів» (Electronic Records Archive — ERA), в основі якого лежало створення цифрової системи, що дозволяє ефективно управляти електронними документами в архівних установах. Впровадження архіва електронних документів дозволило оптимізувати доступ до них і уніфікувати процес їх обробки.

До повноцінного запуску архіва електронних документів матеріали різних відомств присилалися в архів на різних носіях — від перфокарт до жорстких дисків. В цілях контролю за їх станом Національному архіву приходилося проводити щорічний аудит і складати статистичну вибірку на предмет технічного стану документів. Запуск архіва електронних документів дозволив передавати документи напряму шляхом відправки їх по захищеному каналу на сервери Національного архіва [17].

Розробка системи ERA здійснювалася з 2000 по 2008 г. Тестова версія системи була запущена в 2003 г., однак до 2008 г. вона була доступна тільки для обмеженої кількості користувачів. В ході розробки системи з'являлися питання, пов'язані з високими витратами на розробку програмного забезпечення. Ввиду комплексності проекту Національному архіву довелося запросити більше 35 фахівців в області програмування для прискорення розробки. Крім цього, певні складності у адміністрації Національного архіва викликали питання забезпечення безпеки системи і знаходження коштів на підготовку персоналу, які будуть взаємодіяти з нею.

Виходячи з статистики, опублікованої в 2021 г., на серверах архіва електронних документів зберігається більше 800 млн унікальних файлів, які представляють документи більше ніж 100 державних установ. Загальне число фондів становить більше 10 000, а їх обсяг перевищує 500 терабайт. Проект ERA містить документи в електронному форматі всіх конгресменів і президентів, починаючи з Ф. Рузвельта. Документи членів правительств

ва с начала XX в. и до периода президентства Ф. Рузвельта уже оцифрованы и готовятся к включению в состав архива электронных документов.

В конце 2010 г. на базе Национального архива создан Центр перспективных систем и технологий (National Archives Center for Advanced Systems and Technologies — NCAST). Данная структура стала ведущим научно-исследовательским центром в области управления документацией и архивным делом. В компетенции NCAST попадают такие вопросы, как внедрение передовых технологий и методов работы в деятельность архивной службы по всей стране, унификация и оптимизация процесса управления документацией, разработка и внедрение методического и нормативно-правового обеспечения для американских архивных учреждений [15].

Среди направлений деятельности Национального архива в области управления документами можно выделить работу в обеспечении свободного и равноправного доступа к архивным документам. В начале 2011 г. начал функционировать Национальный центр по рассекречиванию, входящий в структуру Национального архива (National Declassification Center — NDS). При нем действует специальная лаборатория, занимающаяся рассекречиванием документов на электронных носителях. В начале 2013 г. администрацией Национального архива принято решение о реализации проекта по созданию цифровой онлайн-библиотеки США (Digital Public Library of America — DPLA). Ее запуск позволил создать условия, обеспечивающие свободный доступ к архивным документам по культурной, научной и политической истории США.

С 2015 г. внедрение облачных вычислений стало приоритетным направлением в сфере развития системы управления документацией. Особый вклад в разработку данного направления совместно с Национальным архивом вносит Национальный институт стандартов и технологий (National Institute of Standards and Technology). Главная цель данного партнерства — совместное содействие обеспечению широкого доступа к документационным и архивным ресурсам посредством использования информационно-коммуникационных технологий [20].

Несмотря на то что Национальный архив был основан только в 1934 г., за относительно короткий период он занял лидирующие позиции в области управления документацией и архивным делом среди архивных учреждений других стран. На сегодняшний день в его компетенцию входят вопросы разработки нормативного правового и методического обеспечения сферы архивного дела и делопроизводства, внедрения информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих широкомасштабный доступ к американскому документальному наследию, учета и комплектования архивных учреждений правительственной документацией, обеспечения сохранности документов, рассекречивания документов и обеспечения конфиденциальности секретных материалов, хранящихся в архивах, профессиональной подготовки архивистов, прове-

дения научно-практических конференций по актуальным проблемам отрасли, реализации проектов по созданию электронных баз данных.

Подводя итог, стоит выделить наиболее приоритетные направления развития Национального архива на современном этапе. Это разработка нормативно-правового и методического обеспечения системы управления документацией и архивным делом, перманентная актуализация методик эффективного комплектования, учета, использования и обеспечения сохранности документов американского правительства; организация широкого доступа к архивным материалам посредством использования информационно-коммуникационных технологий; создание электронных архивов, баз данных и виртуальных читальных залов; усовершенствование работы персонала документационной и архивной службы; уточнение терминологического аппарата системы управления документацией и архивным делом.

Вклад Национального архива в развитие системы управления документацией и архивным делом позволил переосмыслить классическую западноевропейскую модель архивного дела и адаптировать традиционные методики работы с документами к реалиям XXI в. с учетом наиболее релевантных критериев, свойственных западной модели архивного дела. Национальный архив активно содействует внедрению информационно-коммуникационных технологий в сферу управления документами и архивным делом, а также актуализации технического и программного обеспечения в государственных архивах, архивах государственных органов, иных организаций.

На сегодняшний день видится необходимость более глубокого изучения современного состояния Национального архива и его влияния на развитие системы управления документацией и архивным делом с целью внедрения наиболее релевантных методик работы с документами в архивную систему Республики Беларусь с учетом национальной специфики.

Литература и источники

1. Леонтьева, О. Г. Организация доступа к архивным документам в США / О. Г. Леонтьева // Отечественные архивы. — 1998. — № 6. — С. 102—109.
2. Волкова, Т. С. Из истории формирования системы правового регулирования доступности правительственной информации в США в первой половине 1970-х гг. / Т. С. Волкова // Вестник архивиста. — 1998. — № 4. — С. 113—126.
3. Волкова, Т. С. Правовой режим хранения и использования президентской документации в США (президентские бумаги) / Т. С. Волкова // Отечественные архивы. — 2005. — № 2. — С. 66—81.
4. Гармаш, В. Н. Архивное дело в Соединенных Штатах Америки: реф. обзор / В. Н. Гармаш. — М.: ВНИИДАД, 1976. — 57 с.
5. Гармаш, В. Н. Создание страхового фонда архивных документов в США / В. Н. Гармаш, Н. И. Химина // Отечественные архивы. — 2005. — № 5. — С. 85—91.
6. Кабочкина, Т. С. Координация архивной деятельности в США в послевоенный период / Т. С. Кабочкина, С. Д. Акулиничева // Отечественные архивы. — 1994. — № 1. — С. 100—108.

7. Кабочкина, Т. С. Федеральные центры документации США. История. Современный опыт / Т. С. Кабочкина // Отечественные архивы. — 1992. — № 6. — С. 92—100.
8. Левченко, Л. Л. Архивы и архивное дело Соединенных Штатов Америки: история и организация: монография / Л. Л. Левченко. — Николаев : Илюн, 2013. — 1204 с.
9. Левченко, Л. Л. К истории создания Национального архива Соединенных Штатов Америки / Л. Л. Левченко // Архивы Украины. — 2009. — № 6. — С. 227—250.
10. Михайлов, О. А. Стратегический план Национального архива США на 1997—2007 гг. / О. А. Михайлов // Вестник архивиста. — 2001. — № 6. — С. 239—243.
11. Национальный архив США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archives.gov/index.html>. — Дата доступа: 15.06.23.
12. Плетнева, М. В. История становления и развития системы управления документацией в США / М. В. Плетнева // Документ. Архив. История. Современность. — 2020. — № 20. — С. 218—223.
13. Плетнева, М. В. Национальный архив и управление документацией США (NARA): история становления и современный опыт / М. В. Плетнева // Документ. Архив. История. Современность. — 2016. — № 16. — С. 275—280.
14. Тишков, В. А. К вопросу о доступности архивных документов США / В. А. Тишков // Отечественные архивы. — 1983. — № 4. — С. 71—80.
15. Формирование архивной сети США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov/files/about/history/sources/ross.pdf>. — Дата доступа: 15.06.2023.
16. About the ERA [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov/era/about>. — Дата доступа: 10.06.2023.
17. Accessioning Electronic Records [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov/records-mgmt/accessioning>. — Дата доступа: 10.06.2023.
18. John Franklin Jameson [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov/nhprc/projects/catalog/john-franklin-jameson>. — Дата доступа: 15.06.2023.
19. Lederle, J. W. The Hoover Commission Reports on Federal Reorganization / J. W. Lederle // American Archivist. — 1949. — Vol. 33. — № 2. — P. 89—98.
20. NARA Strategic plan [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov/about/plans-reports/strategic-plan>. — Дата доступа: 10.06.2023.
21. US National Archives [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.archives.gov>. — Дата доступа: 10.06.2023.

Артикул надруковано у редакцію 21.09.2023

В. С. Іванова,

дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com

А. М. Латушкін,

дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: andrei.latushkin1@gmail.com

МЕТАД АРХІЎНАЙ РЭКАНСТРУКЦЫІ Ў АРХІЎНАЙ СПРАВЕ І НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ

Пяняцце рэканструкцыі выкарыстоўваецца ў шэрагу тэхнічных (архітэктуры, інжынерыі, крыміналістыцы) і гуманітарных (гісторыі, археалогіі, мастацтвазнаўстве, лінгвістыцы, філасофіі) дысцыплін. Яно можа разглядацца як працэс, метады ці сукупнасць метадаў. Працэс рэканструкцыі — гэта ўзнаўленне таго, што было страчана ці разбурана. У залежнасці ад дысцыпліны гэта могуць быць розныя аб'екты, пачынаючы ад будынкаў і заканчваючы гістарычнымі працэсамі, моўнымі формамі ці філасофскімі ідэямі. У расійскім акадэмічным тэрміналагічным слоўніку даецца вызначэнне паняцця «гістарычная рэканструкцыя» як працэсу ўзнаўлення мінулага, яго адлюстравання ці стварэння яго навукова-абгрунтаванага вобраза. Метад рэканструкцыі, на думку аўтараў слоўніка, — універсальны метады гістарычнага даследавання, які выкарыстоўваецца ў дапаможных гістарычных дысцыплінах для ўзнаўлення канкрэтных аб'ектаў матэрыяльнай ці духоўнай культуры, карціны, фактаў і з'яў мінулага і іншага, абапіраючыся на фрагментарныя звесткі. Вылучаюцца некалькі відаў гістарычнай рэканструкцыі: эмпірычная і тэарэтычная, рэальная і ідэальная, злучальная і дабудоўваючая, поўная і частковая [19, с. 432—435].

У найбольш шырокім значэнні архіўная рэканструкцыя — гэта працэс аднаўлення даных, дакументаў ці комплексаў дакументаў, якія мелі месца ў мінулым. Калі разглядаць архівазнаўства як дапаможную гістарычную дысцыпліну, можна казаць пра гістарычную рэканструкцыю на падставе часткова захаваўшыхся архіўных дакументаў. Аднак ужо з канца XIX ст. архівазнаўства набыло самастойнае значэнне. Былі сфармуляваны яе асноўныя прынцыпы і метады*. Не адмаўляючы магчымасцей разгляду архіўнай рэканструкцыі як працэсу ці сукупнасці метадаў, у межах дадзенага артыкула будзе разглядацца

* Метады у дадзеным значэнні, паводле вядомага крыніцазнаўцы І. Д. Кавальчанкі, — гэта тэарэтычна абгрунтаваны нарматыўны пазнавальны сродак, што ўключае ў сябе сукупнасць шляхоў, прынцыпаў, патрабаванняў, нормаў, правілаў, працэдур і інструментаў, якія забяспечваюць узаемадзеянне суб'екта з вывучаемым аб'ектам з мэтай рашэння пастаўленай даследчай задачы [8, с. 39—40].

ца метад архіўнай рэканструкцыі як асноваўтваральны ў архівазнаўстве, што афармляе ў адзінае цэлае яго асноўныя тэарэтычныя палажэнні.

Архіўная рэканструкцыя па сваёй тэарэтычнай прыродзе грунтуецца на класічным прынцыпе правененцыі (паходжання), сфармуляваным нідэрландскімі архівістамі ў канцы XIX ст. і атрымаўшым усеагульнае прызнанне на Міжнародным кангрэсе бібліятэкараў і архівістаў у Бруселі ў 1910 г. Тады Самозэль Мюлер вызначыў прынцып правененцыі як «архіўнае правіла, згодна з якім кожны дакумент уключаецца ў архіўны фонд і ў тую частку фонду, да якой ён належаў падчас дзейнасці арганізацыі» [23]. Было сказана аб захоўванні дакументаў у той інфармацыйнай сукупнасці, у якой яны былі створаны (фонд), і ў тым парадку, які адлюстроўваў бы дзейнасць, структуру альбо біяграфію яго стваральніка. Па першым пункце ў архівістаў не было істотных разыходжанняў з часоў Наталіса дэ Вайі і нарматыўнага ўвядзення прынцыпу «павагі да фонду» для абавязковага выканання ў французскіх архівах у 1841 г. У першай палове XX ст. гэты аспект быў дапрацаваны савецкімі архівістамі, якія сфармулявалі правіла «непадзельнасці фонду», якое азначала, што комплекс дакументаў адной арганізацыі або асобы павінен захоўвацца ў адным фондзе і адным архіве. Другі аспект — унутранай структуры або ўнутранага парадку фонду, і дапушчальныя межы ўплыву архівістаў на яго — выклікаў шэраг дыскусій, спектр якіх вар’іраваўся ад неабходнасці захавання жорсткага ўнутранага парадку, створанага ў самой арганізацыі, да неўмяшання архівістаў у працэсы ўнутранай сістэматызацыі (павага да фонду, прынцып вольнай правененцыі). Класічным заставаўся і застаецца падыход, пры якім для эфектыўнай сістэматызацыі неабходна аднаўленне гістарычнай структуры фондаўтваральніка праз правядзенне асобнага архівазнаўчага даследавання (С. Мюлер).

Пазней для вырашэння актуальных для канкрэтнага перыяду задач з’яўляліся разнавіднасці прынцыпу правененцыі. Напрыклад, прынцып павагі да гістарычна склаўшыхся збораў, які звяртаў увагу на неабходнасць захавання ў адзіным комплексе не толькі дакументаў як арганічнага выніку дзейнасці адной арганізацыі або асобы, але і іншых збораў, сфарміраваных у адпаведнасці з іншымі мэтамі і па іншых асновах. Варта адзначыць і прынцып тэрытарыяльнай прыналежнасці, які ў міжваенны час стаў пэўным базісам для фарміравання нацыянальнага архіўнага фонду новаўтвораных дзяржаў [31, s. 40—43; 32, s. 52—55, 83; 35], а таксама найноўшы падыход, што атрымаў назву мультыправененцыя, які звязвае канкрэтны дакумент не толькі з яго стваральнікам, але і з лобымі іншымі аспектамі яго захоўвання або выкарыстання. У апошні час канцэпцыя паходжання стала шырока распаўсюджвацца і выкарыстоўвацца ў многіх дысцыплінах (права, бібліятэказнаўства, інфарматыка і інш.) і напрамках (аблакавых тэхналогіях, захоўванні лічбавых дакументаў, адкрытых даных, навуцы аб даных), а таксама як асаблівы прынцып міжнароднай арганізацыі ведаў [6]. Нягледзячы на тое што гэтыя дысцыпліны маюць розныя пункты гледжання на канцэпцыю паходжання, сярод іх была вызначана агульная рыса —

роля паходжання ў вызначэнні арыгінальнасці аб'екта (дакумента, прадмета) пры ўзрастаючай ролі інфармацыйных тэхналогій.

Архіўная рэканструкцыя (рэканструкцыя архіўнага фонду, рэканструктыўны метада, метада рэстаўрацыі, метада рэканструкцыі архіўнага фонду) з'яўляецца лагічным працягам прынцыпу правеніенцыі і звяртае ўвагу на спосабы і механізмы аднаўлення розных дакументальных комплексаў (пераважна фонду ці архіва ўжо неіснуючай арганізацыі) у іх самым шырокім значэнні. Як і сам прынцып правеніенцыі, падыходы да архіўнай рэканструкцыі зведалі пэўную эвалюцыю, пачынаючы з канца XIX ст. Напрыклад, у Польшчы паняцце абмяркоўвалася на IV Усеагульным з'ездзе гісторыкаў у Познані ў 1925 г. Тады пад рэканструкцыяй найперш разумелася ўзнаўленне ўнутранага парадку працы канцэлярыі, згодна з якім павінна адбывацца сістэматызацыя дакументаў фонду. Юзэф Сяменьскі вылучыў 4 аб'екты рэканструкцыі: рэканструкцыя парадку кіравання напачатку працы ўстановы ці парадку кіравання напрыканцы працы ўстановы, рэканструкцыя першапачатковай архіўнай сістэматызацыі ці актуальнай архіўнай сістэматызацыі. Адным з вынікаў вывучэння і рэканструкцыі архіўных фондаў, на думку польскіх архівістаў, магло быць вяртанне дакументаў польскага паходжання з-за мяжы ці іх збіранне ў прыватных асоб [27; 29, s. 145]. Па меркаванні Рычарда Пшэласкоўскага, архіўная рэканструкцыя зводзілася да двух дзеянняў: вызначэння, да якога фонду адносіцца дадзены дакумент, і вызначэння, у якім месцы фонду ён павінен знаходзіцца, што цалкам адпавядала прынцыпу правеніенцыі. Рэканструкцыйныя працы ён падзяляў на два этапы: вывучэнне гісторыі арганізацыі і функцый установы і вывучэнне структуры канцэлярыі. А таксама вылучаў два асноўныя віды рэканструкцыі: рэальную і ідэальную [31].

У савецкай гістарыяграфіі гэтае пытанне было ўпершыню ўжыта ў працы В. Маякоўскага «Аб рэканструкцыі архіўных фондаў» у канцы 1920-х гг., дзе рэканструкцыя разумелася як «ўзнаўленне правільнай структуры і складу архіўнага фонду праз уз'яднанне выпадкова падзеленых частак аднаго арганічнага цэлага ці раз'яднання няправільна злучаных частак розных фондаў, якія пазбаўлены арганічнай сувязі» [цыт. па: 11, с. 5]. Паняцце тлумачылася і ў падручніках Г. А. Князева, Н. Ф. Бельчыкава, К. Г. Міцьева, пазней у працах С. О. Шміта і сучасных абагульняючых працах І. А. Курыяндскага, А. В. Молахава, Т. Н. Лапцевай і іншых.

У 1930-я гг. Г. М. Чаброў, які разглядаў архіўную рэканструкцыю як метада сістэматызацыі фонду, прапанаваў два асноўныя падыходы: метада рэстаўрацыі — для ўзнаўлення раней існуючага парадку ўнутры фонду, і метада рэканструкцыі, які прапаноўваў новую ўнутраную структуру фонду замест ранейшай неэфектыўнай. Гэтыя метады (метада), на думку аўтара, давалі магчымасці больш эфектыўнага выкарыстання дакументаў для патрэб краіны, вывучэння архіўнага дакумента як гістарычнай крыніцы, а таксама даведачна-інфармацыйнага забеспячэння карыстальнікаў [22, с. 67]. Ва ўкраінскім

падручніку па архівазнаўстве 1932 г. таксама пазначаліся два метады сістэматызацыі: метады правеніенцыі (для ўзнаўлення сістэматызацыі дакументаў, нададзенай ім ва ўстанове) і прынцып зместу (упарадкаванне дакументаў па тэмах, калі магчымасці для ўзнаўлення фондавай структуры адсутнічаюць) [4]. Н. А. Фамін бачыў асноўную «задачу архівазнаўства ў тым, каб не толькі прыняць сістэму пабудовы фонду, якая ўстаноўлена ва ўстанове, але і ў тым, каб праз аналіз дакументальных даных устанавіць натуральную ўзаема-сувязь дакументаў» [21, с. 84].

У 1960—1970-х гг. У. М. Аўтакратаў упершыню прапанаваў магчымасць гіпатэтычнага ўзнаўлення сукупнасці справаводных дакументаў, якія адклаліся ў выніку дзейнасці ўстановы фондаўтваральніка. Пры гэтым ён падкрэсліваў, што фізічнае ўзнаўленне страчаных дакументаў для вяртання цэласнасці Дзяржаўнага архіўнага фонду пасля вайны — гэта іншая, але не менш актуальная задача [2]. Пры апісанні метадаў архівазнаўства У. М. Аўтакратаў прапанаваў так званы актуалістычны метады (як разнавіднасць метаду гістарычнага), заснаваны на вывучэнні сучаснага стану прадмета і яго папярэдняй структуры. Гэты метады, на думку аўтара, даваў магчымасці для гіпатэтычнай рэканструкцыі былых дакументальных сістэм, вызначэння іх папярэдніх аб'ёмаў і генетычных сувязяў, а таксама для ўдасканалення навукова-даведачнага апарату, вызначэння характару страт, пошуку раскіданых ці страчаных дакументаў і інш. [1, с. 24].

У 1970-я гг. польскі архівазнаўца Станіслаў Наўроцкі ўпершыню ў польскай гістарыяграфіі прапанаваў разглядаць архіўную рэканструкцыю як метады надання парадку дакументам праз ўзнаўленне ўнутранай структуры арганізацыі-фондаўтваральніка на падставе захаваных звестак (інвентароў, апісанняў і інш.) ці стварэння іншай сістэмы на падставе існуючых дакументаў ці фрагментарнай інфармацыі (так званы прынцып вольнай правеніенцыі). С. Наўроцкі лічыў метады рэканструкцыі «найбольш рэпрэзентатыўным для метадаў, што выкарыстоўваюцца ў архівах» і метадам, які «адрознівае архівазнаўства ад іншых навук» [28, s. 32—33].

Паняцце «рэканструкцыя архіўнага фонду» было замацавана ў шэрагу архіўных слоўнікаў у двух асноўных значэннях: аднаўлення асноўнага зместу часткова або цалкам страчанага архіўнага фонду ў яго першапачатковым або бліжэй да першапачатковага выглядзе з дапамогай ідэальнага вопісу, а таксама ўзнаўлення ў адным архіве разрозненых частак раздробненага архіўнага фонду і стварэнне яго рэальнага вопісу [18, с. 143].

Галіна Рабутка на пачатку 2000-х гг. разглядала архіўную рэканструкцыю як адзін з асноўных метадаў архівазнаўства, які можа мець розную канфігурацыю, аб'ект і этапы ажыццяўлення. Яна вылучае рэканструкцыю архіватворчых працэсаў, якая можа адбывацца праз ўзнаўленне працэсаў дакументаварэння і сувязяў паміж дакументамі, працы структурных адзінак установы, арганізацыі справаводнай службы, экспертызы каштоўнасці і адбо-

ру, навукова-тэхнічнай апрацоўкі. Акрамя таго — рэканструкцыю першаснай структуры фондаў існуючых ці неіснуючых устаноў, што можа ўключыць вывучэнне гісторыі арганізацыі, рэканструкцыю падзелу на адзінкі захоўвання, адбору, выбару прынцыпу сістэматызацыі, уласна сістэматызацыі, а таксама складання вопісу (уклічаючы прадмову) і іншых даведнікаў. Г. Рабутка падкрэслівала, што на кожным з этапаў рэканструкцыі могуць выкарыстоўвацца ўласныя метады і тэхнікі: метады сістэмнага аналізу (пры вывучэнні структуры дакументацыі і сувязяў паміж дакументамі), метады назірання, гісторыка-генетычны метады і інш. [32, s. 52—55].

Такім чынам, у гістарыяграфіі архіўная рэканструкцыя часта разглядаецца як метады, які выконвае практычныя (сістэматызацыі, удасканалення навукова-даведчага апарату і інш.) і тэарэтычныя (выяўленне страт, пошук страчаных дакументаў) задачы. Метады архіўнай рэканструкцыі паўстае як асноватворны ў архівазнаўстве і дазваляе вырашаць цэлы шэраг задач. Ён з'яўляецца *комплексным*: можа выкарыстоўвацца для розных мэт, аб'ектаў, у розных канфігурацыях і праз выкарыстанне шэрагу агульнанавуковых (сістэмна-функцыянальнага аналізу, метады гістарычнай рэтраспекцыі, мадэлявання і інш.) і прыватнавуковых (экспертызы каштоўнасці, навуковага апісання і інш.) метадаў. Два асноўныя шляхі выкарыстання метады архіўнай рэканструкцыі ў даваенных і пасляваенных даследаваннях фармуляваліся праз паняцце ідэальнай (гіпатэтычнай) ці рэальнай (фізічнай) рэканструкцыі. Засноўваючыся на грунтоўнай гістарыяграфіі, можна казаць аб сучасных мэтах метады архіўнай рэканструкцыі для беларускіх архівістаў і навукоўцаў, а таксама даць характарыстыку яго магчымых аб'ектаў, відаў і этапаў.

Нацыянальны архіўны фонд Рэспублікі Беларусь на працягу сваёй гісторыі перажыў вялікую колькасць страт і рэарганізацый, таму немагчыма казаць аб яго паўнаце і цэласнасці без сувязі з іншымі дакументальнымі комплексамі і шырокага спектру прац па іх узнаўленні і рэканструкцыі. Найбольш значныя зборы, такія як Метрыка Вялікага Княства Літоўскага ці Беларускаму музею імя І. Луцкевіча ў Вільні [5], уяўляюць сабой асобны гістарычны і культурны феномен, рэканструкцыя якіх дасць моцны штуршок для шэрагу навуковых даследаванняў у розных галінах, уключэння грунтоўнага комплексу дакументаў у навуковы зварот і пашырэння магчымасцей знешняй крытыкі на падставе ўзноўленых інфармацыйных сувязяў. Не выключаяцца і практычная мэта ўдасканалення і павышэння інфарматыўнасці навукова-даведчага апарату (вопісаў, шляхаводнікаў, аглядаў), у якіх сёння фактычна адсутнічаюць апісанні інфармацыйных узаемасувязяў сумежных комплексаў дакументаў, абавязковых, напрыклад, для міжнародных стандартаў архіўнага апісання. Разгляд архіўнай рэканструкцыі як асноватворнага метады ў складзе архівазнаўства можа надаць штуршок для правядзення тэарэтычных і гістарычных навуковых архівазнаўчых даследаванняў (у тым ліку ў межах студэнцкіх прац), а таксама ўдасканаліць веды і навыкі архівістаў-практыкаў.

Выбар аб'екта рэканструкцыі — адна з першасных задач. Аб'ект рэканструкцыі, як правіла, мае навуковую, сацыяльна-культурную, мемарыяльную альбо палітыка-ідэалагічную значнасць, паколькі сам працэс рэканструкцыі досыць працаёмкі і патрабуе істотных матэрыяльных і чалавечых рэсурсаў, хоць асобныя яго віды або элементы шырока выкарыстоўваюцца пры выкананні вузкапрактычных архіўных задач. Аб'ект рэканструкцыі можа быць як *рэальным* — які існаваў у пэўны перыяд часу і неіснуючы цяпер, так і *ідэальным* — які не існаваў у рэальнасці і які будзецца на стварэнні ідэальнага вобраза, на аснове пэўнай ідэі або мадэлі. Напрыклад, пасля паўстання 1863—1864 г. быў створаны так званы Музей графа М. М. Мураўёва ў Вільні, у якім збіраліся ўсе дакументы, якія адлюстроўваюць тую падзею. Таксама ў савецкі перыяд збіраліся архівы У. Леніна і І. Сталіна, дзе адкладалася кожнае дакументальнае сведчанне дзейнасці гэтых асоб. Да шэрагу ідэальных аб'ектаў рэканструкцыі адносяцца таксама і асабістыя архівы [7, с. 11—16, 121—128]. Рэканструкцыі могуць падлягаць фонд, архіў, сістэма архіваў, калекцыі, зборы або іншыя дакументальныя і змешаныя (уключаючы кнігі, прадметы і інш.) комплексы, якія маюць інфармацыйныя, функцыянальныя, тэрытарыяльныя, арганізацыйныя і іншыя ўзаемасувязі паміж іх унутранымі элементамі. У савецкай і расійскай архівазнаўчай школе базавым комплексам для рэканструкцыі лічыўся архіўны фонд. У іншых падыходах, асабліва ў апошнія дзесяцігоддзі, спектр аб'ектаў рэканструкцыі значна пашырыўся, і казаць аб архіўнай рэканструкцыі толькі як аб «рэканструкцыі архіўнага фонду» — значыць звужаць сферу яго выкарыстання, ігнаруючы актуальныя міждyscyплінарныя працэсы.

Рэканструкцыя можа быць некалькіх відаў. *Фізічная рэканструкцыя* азначае перамяшчэнне частак аднаго раней раздробненага ідэальнага комплексу дакументаў у адно сховішча. Актуальнасць такога падыходу ўзрастала пасля істотных пераўтварэнняў палітычнай ці дзяржаўнай структуры (падзелы Рэчы Паспалітай, рэвалюцыя 1917 г. і інш.), а таксама войнаў, звязаных з перамяшчэннем дакументаў. Напрыклад, у 1920-х гг. гаворка ішла аб вяртанні Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага, часткі якой з канца XVIII ст. знаходзіліся ў розных сховішчах, і неабходнасці яе фізічнага перамяшчэння і захоўвання ў адным месцы для выпраўлення гістарычнай памылкі па яе драбненні. У падручніку па архіўнай справе 1946 г. К. Міцыеў паставіў пытанне аб фізічным узнёўленні дакументальных комплексаў, пацярпелых у выніку вайны [16, с. 138—141].

Адным з варыянтаў фізічнай рэканструкцыі з'яўляецца аднаўленне ўнутранай структуры дакументальнага комплексу (фонду) з дапамогай архіўнага апісання. Афармленне (ці выпраўленне) структуры фонду адбываецца тут метадамі апісання, сістэматызацыі, перапрацоўкі вопісаў, таму такі падыход можна назваць *апісальнай рэканструкцыяй*. Прабелы ў некаторых фондах могуць папаўняцца і з дапамогай вырабу копіі — *капііная рэканструкцыя*.

Паколькі фізічная рэканструкцыя — самы складаны і дарагі працэс, які закранае ў тым ліку цэлы шэраг прававых аспектаў у міжнародных адносінах, а

апісальная рэканструкцыя магчыма пры ўмове знаходжання фонду (фондаў) у адным архіве, найбольшую папулярнасць набыла *навуковая рэканструкцыя* (ідэальная — Р. Пішэласкоўскі, гіпатэтычная рэканструкцыя — М. А. Фамін, У. Н. Аўтакратаў, апісальная рэінтэграцыя — Т. М. Лапцева) [12]. Яна пачынаецца з вывучэння структуры арганізацыі-фондаўтваральніка, характарыстыкі комплексу створаных і захаваных дакументаў, іх апісання і ацэнкі як гістарычнай крыніцы. У залежнасці ад мэт і аб'екта рэканструкцыі могуць закрэпацца розныя аспекты і выкарыстоўвацца розныя метадыкі. Навуковая рэканструкцыя асабістага архіва, напрыклад, грунтуецца на вывучэнні біяграфіі, асноўных напрамкаў дзейнасці асобы, гісторыі асабістага архіва і аднаўленні яго першапачатковага складу на падставе захаваных звестак, вызначэнні складу, паўнаты, каштоўнасці і ўліку ўсіх вядомых частак, што захаваліся.

Віртуальная рэканструкцыя за апошнія дзесяцігоддзі паказала сваю эфектыўнасць, паколькі яна цалкам здымае праблему фізічнага перамяшчэння, можа акумуляваць у сабе станоўчыя якасці ўсіх апісаных вышэй падыходаў, спрыяе папулярызаванню, шырокаму выкарыстанню вынікаў, стварае дадатковыя пошукавыя магчымасці, патрабуе менш рэсурсаў. Віртуальная рэканструкцыя можа ўключаць у сябе цэлы спектр метадык, пачынаючы ад стварэння баз даных да 3D-рэканструкцыі.

Сярод найбольш актуальных этапаў архіўнай рэканструкцыі можна назваць наступныя: 1) рэканструкцыя дзейнасці арганізацыі або асобы; 2) рэканструкцыя структуры і функцый арганізацыі; 3) рэканструкцыя справаводства (уключаючы сістэму дакументавання, паўнату дакументавання, дакументазварот, арганізацыю працы справаводных службаў); 4) рэканструкцыя працэсу архіўнага захоўвання (складу дакументаў, паўнаты захаваных дакументаў, гісторыі захоўвання і драбнення, прынцыпаў экспертызы каштоўнасці, умоў захоўвання, напрамкаў выкарыстання); 5) апісанне дакументаў (у форме навуковага артыкула, агляду, вопісу, базы даных, адкрытай пошукавай сістэмы або інш.); 6) афармленне і прэзентацыя вынікаў рэканструкцыі для далейшага выкарыстання.

У якасці прыкладаў вырашэння задач архіўнай рэканструкцыі ў гістарычных і архівазнаўчых даследаваннях разгледзім працы, дзе ў якасці аб'екта рэканструкцыі выступілі архівы або дакументальныя зборы органаў улады і ўстановаў розных дзяржаўных утварэнняў Еўропы перыяду Сярэднявечча і Новага часу. У 1988 г. расійскі даследчык, медыявіст, спецыяліст па гісторыі Францыі перыяду Сярэднявечча Ігар Філіпаў прадпрыняў спробу рэканструкцыі раннесярэднявечнага архіва абацтва Сэн-Віктор дэ Марсель [20]. Гістарычны комплекс будынкаў абацтва размешчаны ў Марсэлі (Францыя), у сучаснай правінцыі Праванс-Альпы-Лазурны Бераг дэпартаменту Буш-дзю-Рон на паўднёвым усходзе краіны, на яе міжземнаморскім узбярэжжы. Абацтва было заснавана ў V ст. і з'яўлялася адным з першых манастыроў Галіі. Пры Меравінгах яно стала адным з буйнейшых у краіне. Кляштар дзейнічаў да

1790 г., неаднаразова за сваго гісторыю перажыў перыяды заняпаду і росквіту, пакінуў значны след у гісторыі як рэгіёна, так і самой дзяржавы, усяго міжземнамор'я. У цяперашні час яго дакументы захоўваюцца ў архіве дэпартаменту Буш-дзю-Рон у складзе фонду абацтва Сэн-Віктор дэ Марсель і налічваюць акрамя так званых рэгістраў 3140 дакументаў на пергаміне, у тым ліку 18 адзінак — старэйшых за 1000 г. і 340 адзінак — XI ст.

Аўтар грунтаваўся на ўяўленні, што лобы, нават добра захаваны архіў, які сфарміраваўся ў далёкім мінулым, нельга разглядаць зараз як поўны ці такі, якім ён быў на момант завяршэння свайго камплектавання. У сувязі з гэтым адным з элементаў (этапаў рэалізацыі, задачай) метаду рэканструкцыі архіва ў І. Філіпава выступае *ацэнка ступені дэфармацыі архіва шляхам вывучэння гісторыі збору* [20, с. 202]. Шлях узнаўлення складу раннесярэднявечнага архіва, які быў абраны І. Філіпавым, *аналіз адной з яго частак і вызначэнне ступені яе рэпрэзэнтатывнасці адносна рэзультатаў збору*. Такой гіпатэтычна рэпрэзэнтатывнай часткай выступілі *картулярыі* (лац. — cartulae) — зборнікі дакументаў у форме кніг, у якія ўпісваліся тэксты актаў маёмасна-прававога характару, што меліся ў арыгінале. Згодна з азначэннем, дадзеным у працы, — «кнігі-копіі сапраўдных граматаў» і пры гэтым — надзвычай дакладныя адносна арыгінала [20, с. 202, 214]. Па прычыне значна меншай ступені захаванасці ўласна арыгіналаў актаў, як і саміх сярэднявечных архіваў, падобныя зборнікі ўяўляюць сабой адну з галоўных форм пісьмовых крыніц па гісторыі Францыі за азначаны перыяд. Іх агульная колькасць даволі вялікая. Па стане на канец перыяду Сярэднявечча ў некаторых буйных архівахсховішчах структур касцёла Заходняй Еўропы іх колькасць даходзіла да 50 адзінак. Пытанне, якое дазваляе вырашыць такое даследаванне для архівазнаўства — у якой ступені картулярыі па сваёй паўнаце і дакладнасці могуць адлюстроўваць склад архіваў падобных сабе ўстаноў Заходняй Еўропы перыяду Сярэднявечча і быць падставай для іх рэканструкцыі? Аб'ект даследавання — архіў абацтва Сэн-Віктор дэ Марсель — быў абраны як найбольш прыдатная база ў святле апісаных патрабаванняў даследавання. У прыватнасці: 1) у ім захоўваюцца два кляшторныя картулярыі, створаныя адпаведна каля 1100 г. — так званы «Вялікі картулярыі», і ў сярэдзіне XIII ст. — так званы «Малы картулярыі»; 2) сам архіў — адзін з тых, што захаваліся найлепш у тым ліку ў частцы арыгіналаў граматаў перыяду VIII — XI стст.; 3) захаваліся вопіс архіва па яго стане на 1569 г.; 4) існуе працяглая традыцыя выкарыстання дакументаў архіва даследчыкамі ўжо з XVII ст., назіраецца высокая ступень уключэння іх у навуковы зварот у якасці базы крыніц даследавання асновы археографічных публікацый; 5) гісторыя самога архіва мае да пэўнай ступені распрацаваную гісторыю.

У выніку непасрэднага *вывучэння складу і структуры картулярыяў* была ўстаноўлена колькасць унесеных у іх актаў (першапачаткова было ўключана 736 дакументаў, да сярэдзіны XIII ст. колькасць складала 816 адзінак) і прынцып упарадкавання. Было ўстаноўлена, што дакументы, размеркаваныя

па дзвюх групах, падпарадкаваны наступным прыкметам: 1) аўтарская — акты аўтарства вышэйшых свецкіх і духоўных асоб у феадальнай іерархіі, што заклалі аснову манастырскай вотчыны (першая і меншая па аб'ёме частка картулярнага); 2) геаграфічная — акты, што фіксавалі факт перадачы абацтваў правоў на маёмасць у канкрэтнай дыяцэзіі і парафіі.

Чарговы элемент метаду рэканструкцыі — *ацэнка ступені рэпрэзентатывнасці «Вялікага картулярнага»*, а менавіта высвятленне прыкметы адбору арыгіналаў актаў для ўключэння ў яго, пошук адказу на пытанне, што з арыгіналаў не ўвайшло ў яго склад, але захоўвалася ў архіве на момант яго стварэння — 1100 г.? Гэта задача вырашалася шляхам *вывучэння альтэрнатыўных крыніц інфармацыі, што раскрываюць склад архіва*. Для гэтага было неабходна: 1) выявіць у архіве захаваныя на момант правядзення даследавання арыгіналы актаў, якія былі аформлены раней за час стварэння картулярнага і сапраўды на той час уваходзілі ў склад архіва абацтва; 2) выявіць звесткі аб існаванні тых з арыгіналаў актаў, што раней захоўваліся ў архіве абацтва, але не дайшлі да нашага часу. Для вырашэння гэтай задачы таксама вывучаліся: 1) склад актаў, унесеныя ў «Вялікі картулярны» пазней за 1100 г.; 2) склад актаў «Малага картулярнага» сярэдзіны XIII ст. на прадмет актаў ранейшых за 1100 г.; 3) акты, вядомыя па археаграфічных выданнях і даследаваннях гісторыкаў; 4) уліковая дакументацыя архіва ці акты на знішчэнне дакументаў; 5) справаздачы біскупскіх інспекцый; 6) кнігі натарыяў, што пацвярджалі аўтэнтычнасць актаў, арыгіналы якіх трапілі ў архіў. У выніку ўдалося выявіць 307 адзінак такіх дакументаў, былі ўстаноўлены верагодныя прычыны ігнаравання складальнікамі «Вялікага картулярнага» выяўленых дакументаў: картулярны грунтаваўся пераважна на розных відах дакументаў, што афармлялі факт атрымання абацтвам зямельнай ці іншай уласнасці ў Правансе за перыяд канца X — XI ст. — так званыя *traditiones*; пры капіраванні ім аддавалася перавага ў параўнанні з актамі, якія пацвярджалі правы саміх традэнтаў на гэтыя ўладанні і адлюстроўвалі гісторыю здзелак іх ранейшых уладальнікаў («акты трэціх асоб»), пераважна — парафіяна.

Вынікі даследавання Ігара Філіпава — важныя для высвятлення праблемы лёсу арыгіналаў актаў касцельных архіваў пасля іх капіравання ў картулярны. Яны сведчаць, што тэндэнцыя да страты або знішчэння арыгіналаў была агульнай, але не абсалютнай*. Яна дэманструе залежнасць ад рэгіёна Еўропы — Германія і Англія або касцельныя архівы Іспаніі, Паўднёвай Францыі і

* «Буллы, дипломы, дарственные прелатов церкви и светских магнатов составляли важную часть архивных собраний Италии, Испании, Южной Франции, но не они, а скромные грамоты простолодинов определяли их облик. Правда, и здесь появление картулярной копии резко ухудшало шансы подлинника на “выживание”» [20, с. 219]. «... Тот факт, что, помимо *traditiones*, до нас дошло крайне мало раннесредневековых южнофранцузских грамот, никак не опровергает этот тезис, поскольку речь идет о документах, уцелевших не просто случайно, а вопреки логике событий, обрекавшей их как не занесенных в картулярный на уход в небытие» [20, с. 217].

Паўночнай Італіі, дзе арыгіналаў актаў, з шэрагу занесеных у картулярый, захавалася болей і дзе картулярый разглядаўся як спосаб больш зручнага доступу і выкарыстання арыгіналаў, не адмяняючы пры гэтым вартасці апошніх. Усплёск страты арыгіналаў адбыўся тут параўнальна позна ці нядаўна і быў звязаны з войнамі, сацыяльнымі катаклізмамі на тэрыторыі гэтых дзяржаў.

Азначаны аспект у гісторыі сярэднявечных картулярый мае непасрэднае дачыненне да айчыннага архівазнаўства ў кантэксце гісторыі комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва вялікіх князёў літоўскіх і праблемы суіснавання дзвюх частак архіва дзяржавы — Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага і комплексу актаў у арыгінале. Па меркаванні некаторых вучоных (Эгідзіюс Баніёніс), менавіта факт наяўнасці копіі дакумента ў Метрыцы ВКЛ стаў прычынай дрэннай захаванасці арыгіналаў. Разам з тым, выдавочна, што ўзнятая І. Філіпавым тэма картулярый у сярэднявечнай традыцыі архіўнай справы і справаводства, як, натуральна, і сама праблема рэканструкцыі заходнеэўрапейскіх архіваў той эпохі, датычыцца і Метрыкі ВКЛ. Некаторыя яе структурныя элементы сапраўды дэманструюць падабенства з картулярыймі. Гэта датычыцца толькі тых відаў кніг або іх частак, што былі падпарадкаваны такім жа прынцыпам і мэтам складання: дасягненне большай зручнасці доступу да дакумента пры частым выкарыстанні; дадатковая абарона арыгінала; канцэнтрацыя ў адным месцы дакументаў, што адпавядаюць канкрэтнай тэме або віду, і інш. Прымяненне такога паняцця, як «картулярый», у дачыненні да Метрыкі ВКЛ, можна сустрэць і ў айчыннай гістарыяграфіі [17, с. 152].

Прыкладам спробы аднаўлення складу сярэднявечных дакументальных збораў у маштабе цэлага дзяржаўнага ўтварэння выступаюць працы ўкраінскага даследчыка Алега Купчынскага. Яго аўтарству належаць манаграфія пад назвай «Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти» (2004), а таксама доктарская дысертацыя па спецыяльнасці «07.00.10 — Дакументазнаўства, архівазнаўства» (2006) [9; 10]. У параўнанні з разгледжаным вышэй даследаваннем у іх зроблена спроба максімальна поўнага аднаўлення складу дакументаў, што выйшлі з канцэлярыі галіцка-валынскіх князёў, іншых органаў і ўстаноў названага рэгіёна Усходняй Еўропы, якія характарызуюцца надзвычай нізкай ступенню іх захаванасці. Падрабязны аналіз працы А. Купчынскага, у тым ліку з пункту гледжання падыходаў да рэканструкцыі збору, быў здзейснены намі раней [14, с. 10—14]. Тут жа ў кантэксце ўзнятай у нашым артыкуле тэмы дазволім сабе падкрэсліць, што, нягледзячы на хутчэй крыніцазнаўчыя, археаграфічныя мэты даследавання, украінскі вучоны так або інакш рухаецца ў рэчышчы архіўнай рэканструкцыі, хоць і з пэўнай спецыфікай у навуковым інструментарый. Ва ўмовах, калі ўласна архіў Галіцка-Валынскага княства і іншыя зборы рэгіёна як самастойныя комплексы не захаваліся, амаль адсутнічаюць крыніцы даследавання іх падакументаўнага складу накіпталг вопісаў архіва, аўтару давляюся ўключыць у базу крыніц надзвычай разнастайныя, не характэрныя для архіўнай рэканструкцыі іх віды. У

працэсе фарміравання спісу «актаў і дакументаў» XIII — XIV стст.*, выяўлення звестак, што падвярджаюць факт існавання таго або іншага дакумента, аднаўлення саміх тэкстаў дакументаў вучоны абавіраўся на 8 груп крыніц. Іх ён падзяліў у залежнасці ад прыкмет дакладнасці, паўнаты і верагоднасці на першасныя і другасныя формы: 1) першасныя формы: 1.1) арыгіналы; 1.2) спісы-копіі з арыгіналаў; 2) другасныя формы: 2.1) тэксты ў складзе пазнейшых падвярджалых грамац; 2.2) запісы ў кнігах адміністрацыйна-судовых устаноў; 2.3) разнастайныя паводле зместу і формы даступныя на цяперашні час урыўкі, цытаты актаў і дакументаў з названай сукупнасці ў іншых гістарычных крыніцах, да якіх даследчык адносіць летапісы, летапісцы, палемічныя творы, богаслужэбную літаратуру, «дакументы розных дзяржаўных, царкоўных і царкоўна-карпаратыўных інстытуцый, а таксама прыватных асоб, якія згадваюць і цытуюць акты і дакументы Галіцка-Валынскага княства», даследчыцкія працы XV—XIX стст. па гісторыі дзяржавы, асобных яе інстытуцый, гісторыі царквы, гісторыі асобных населеных пунктаў; публікацыі дакументаў і інш.; 2.4) згадкі актаў і дакументаў з названай сукупнасці ў тагачасных або пазнейшых гістарычных крыніцах; 2.5) канцэлярскія запісы і рэгесты актаў і дакументаў; 2.6) часовыя, пратакольныя запісы — «дыктаты» або «мінуты» [23, с. 5, 6, 35—36; 14, с. 12—14]. Такім чынам, даследаванне А. Купчынскага ўзбагачае арсенал сродкаў для рэканструкцыі складу дакументальных збораў, якія не захаваліся або поўнасцю страцілі сваю цэласнасць. Яно павінна разглядацца як значны навуковы ўнёсак не толькі ў крыніцазнаўства і археаграфію, але і ў тэму архіўнай рэканструкцыі ў дачыненні да аб'ектаў з тэрыторыі дзяржаўных утварэнняў Усходняй Еўропы найбольш старажытных перыядаў, у прыватнасці — да раняга і высокага Сярэднявечча. Вопыт даследавання ўкраінскага вучонага можа быць карысным пры вывучэнні айчынных архіваў у храналагічных межах яго працы, гэта значыць у XIII—XIV стст., а магчыма і ў дачыненні да ранейшага перыяду, які ў гісторыі беларускай архіўнай справы разглядаецца як перыяд старажытнабеларускіх княстваў і пакуль знаходзіцца на мінімальным узроўні навуковай распрацоўкі.

Важнае месца ў гісторыі спроб архіўнай рэканструкцыі, звязаных непасрэдна з Нацыянальным архіўным фондам нашай краіны, займае праект па ўзнаўленні дакументальнай спадчыны вялікага князя літоўскага Вітаўта. Яна ахоплівае перыяд крыху больш позні за той, што вывучаўся А. Купчынскім, — пераважна апошняя чвэрць XIV — першая трэць XV ст., аднак стан аб'екта даследавання, падыход да яго вывучэння ў пэўнай ступені падобныя. На гэты вопыт спасыліся і сам украінскі даследчык [36]. Ён канцэнтравіўся вакол усяго адной гістарычнай асобы як аўтара дакументаў. Аднак гэта таксама не быў праект, непасрэдна накіраваны на рэканструкцыю ўласна архіва дзеяча або дзяржавы, што ім узначальвалася. Галоўнай прыкметай адбору дакументаў

* У доктарскай дысертацыі верхняя храналагічная мяжа пашырана на ўсё XIV ст. [10].

выступала іх аўтарства, але, відавочна, што ў рэальнасці склад дакументаў, якія падлягалі б сталаму захаванню і фарміравалі б архіў манарха дадзеным параметрам не абмяжоўваўся. Ён увогуле з’яўляецца маркерам так званай выходнай дакументацыі, якая не заставалася ў надаўцы, і копія якой магла не адкладацца ў канцэлярыі на гэтым этапе яе гісторыі. У такім сэнсе абраны аб’ект дэманструе штучны, умоўны характар. Ён быў, як і ў папярэднім прыкладзе, у значнай, хоць і не ў поўнай сваёй меры, ідэальнай канструкцыяй, гэта значыць, як самастойны цэласны збор у такім складзе ў гісторыі ён не існаваў. Тым не менш, у выніку даследаванняў непазбежна закраналася і пытанне архіва князя, што натуральна. Рэалізацыя ідэі адбывалася ў XIX — пачатку ХХІ ст. калектывнымі намаганнямі некалькіх пакаленняў вучоных, выбітных спецыялістаў у сваёй тэме (гл. працы Антонія Прахаскі, Уладыслава Сямковіча, Канстанціна Яблонскага, Ежы Ахманьскага, Алега Ліцкевіча і інш.). У аснове метаду адбору дакументаў выступалі як самі дакументы, захаваныя ў арыгіналах і копіях з фондаў розных устаноў, так і іх фрагменты, згадкі аб іх у крыніцах розных відаў. У выніку чаго ўдалося выявіць значны, багаты па сваёй разнастайнасці пісьмовы матэрыял за 1376—1430 гг., пераважна — эпістальрыі, прывіліі гэтага ж надаўцы, міждзяржаўныя дагаворы і інш.

Азначаныя даследаванні «вітальдыянь» маюць непасрэднае дачыненне да тэмы рэканструкцыі архіва вялікіх князёў літоўскіх. Глыбокае разуменне архіватворчых працэсаў, уласна архівазнаўчы погляд на праблему архіўнай рэканструкцыі дэманструюць даследаванні польскай і амерыканскай вучоных Ірэны Сулкоўска-Курасевай і Патрысіі Кенэдзі Грымстэд, прысвечаныя рэканструкцыі складу Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага [25—27; 33; 34]. З пункту гледжання метадалогіі, кола крыніц, афармлення вынікаў іх можна назваць узорам навуковай архіўнай рэканструкцыі. Разглядаючы асновы рэканструкцыі, яе сыходныя параметры, вучоныя дэкларавалі важнасць такіх характарыстык архіваўтваральніка — вялікіх князёў літоўскіх і іх канцэлярыі, — як функцыі манарха і канцэлярыі ў дзяржаве; віды і формы дакументацыі, якія імі генерваліся; дзейнасць канцэлярыі і справаводчыя працэсы ў ёй; склад і структура комплексу; архіўны ўлік і захоўванне і інш. Ключавой крыніцай тут выступаюць гістарычныя формы архіўнай уліковай дакументацыі, якія фіксуюць склад кнігі Метрыкі ВКЛ у розных перыяды, і даныя аб іх. Шляхам паслядоўнага супастаўлення іх даных адсочваецца кожная пазіцыя архіва, яе ўліковыя даныя і іншыя прыкметы, устанавліваецца сувязь з кнігамі Метрыкі, што дайшлі да нас і зберагаюцца ў адпаведных фондах ці калекцыях сучасных устаноў, чым даказваецца або абвяргаецца іх паходжанне са складу Метрыкі ВКЛ. У асобных выпадках напрамак можа змяняцца ў адваротны бок — выяўленне даных пра вядомыя існуючыя кнігі ў старых іх апісаннях і вызначэнне сапраўднага паходжання. У аснове даследавання — глыбокі аналіз гісторыі фарміравання, захавання і працэсаў перамяшчэння масіву кнігі Метрыкі ВКЛ. Вынікі даследавання афармляюцца ў спісы або табліцы, што

адлюстроўваюць склад кніг Метрыкі ВКЛ, інфармацыя аб існаванні якіх пацвярджаецца крыніцамі; уліковыя нумары, якія ім былі нададзены на розных этапах гісторыі захоўвання і зафіксаваны ў рээстрах ці іншых гістарычных апісаннях Метрыкі ВКЛ (так званы канкарданс); месцы сучаснага захоўвання і актуальныя архіўныя шыфры. Гэтыя працы добра асветлены ў гістарыяграфіі. Погляды іх аўтараў на склад архіва ВКЛ, тэрміналагічны апарат, падыходы да рэканструкцыі збору больш поўна адлюстроўваюць артыкулы аднаго з аўтараў [13; 15].

Такім чынам, разглядаючы архіўную рэканструкцыю як метад, мы паўнавартасна ўключаем яе ў структуру архівазнаўства разам з аб'ектам, прадметам, прынцыпамі і агульнанавуковымі метадамі. Паняцце метаду як сукупнасці правілаў і працэдур дазваляе выкарыстоўваць розныя яго канфігурацыі, выбіраючы аб'ект, від рэканструкцыі, колькасць этапаў і працэдур на кожным з іх згодна пастаўленай даследчыцкай ці практычнай задачы. Архіўная рэканструкцыя непадзельна звязана з прынцыпам правеніенцыі. Яна выступае вельмі актуальным метадам для беларускіх архівазнаўцаў і архівістаў і павінна стаць больш пазнавальным канцэптам для архіўнай супольнасці, а таксама для гісторыкаў, археографіаў, крыніцазнаўцаў, музеязнаўцаў, культуролагаў. Бясспрэчнай з'яўляецца яе каштоўнасць для ўжо існуючых архіўных фондаў беларускіх дзяржаўных архіўных устаноў з пункту гледжання ўзнаўлення страт, удасканалення іх унутранай структуры і інш. Яшчэ больш актуальным і перспектывным сродкам яна выступае ў святле вяртання і аднаўлення цэласнасці архіўнай спадчыны беларускага народа, забеспячэння паўнаты Нацыянальнага архіўнага фонду Беларусі.

Літаратура і крыніцы

1. Автократов, В. Н. К вопросу о методологии архивоведения / В. Н. Автократов // Археографический ежегодник за 1969 год. — М., 1971. — С. 22—35.
2. Автократов, В. Н. О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов (на примере фонда Военного приказа) / В. Н. Автократов // Исторический архив. — 1961. — № 6. — С. 150—165.
3. Архівістыка: Тэрміналогічны слоўнік / авт.-упорядн.: К. Е. Новохатскі, К. Т. Селіверстова [та ін.]. — Кіев, 1998. — 106 с.
4. Архівазнаўства: Элементарны падручнік. Ч. 1.: Пасіб. для самоасвіты і для ўчбовых закладаў / авт.: В. Барвінскі [та ін.]. — Харків : Рад. школа, 1932. — 22 с.
5. Запартыка, Г. В. Перспектывы навуковай рэканструкцыі музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні / Г. В. Запартыка // Рэстаўцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрдычныя, навуковыя і маральныя аспекты): матэрыялы Міжнар. навук. канф., якая адбылася ў Мінску пад эгідай UNESCO, 19—20 чэрв. 1997 г. — Мінск, 1997. — С. 178—184.
6. Іванова, О. С. Эволюция архивного принципа провениенции в западноевропейской и североамериканской историографии во второй половине XX — начале XXI века / О. С. Иванова // Архив в социуме — социум в архиве: материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2021. — С. 130—134.

7. Іванова, В. С. Асабістыя архівы Беларусі канца XVIII — пач. XXI ст. / В. С. Іванова. — Мінск, 2014. — 404 с.
8. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 2003. — 486 с.
9. Купчинський, О. А. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти / О. А. Купчинський. — Львів: Простір-М, 2004. — 1285 с.
10. Купчинський, О. А. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII—XIV століть. Дослідження. Тексти: автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.10 / О. А. Купчинський. — Київ, 2006. — 35 с.
11. Курляндский, И. А. Проблемы реконструкции архивных фондов: (В работах сов. исследователей 1917—1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / И. А. Курляндский. — М., 1994. — 28 с.
12. Лагтева, Т. Н. Значение термина «реконструкция архивного фонда» в отечественной историографии / Т. Н. Лагтева // Вестник архивиста. — 2018. — № 1. — С. 155—168.
13. Латушкін, А. М. Даследаванне комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага ў працах амерыканскай даследчыцы Патрысіі Кенэдзі Грымстэд / А. М. Латушкін // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Мінск: НГАБ, 2020. — Вып. 18. — С. 5—17.
14. Латушкін, А. М. Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага ў гістарыяграфіі краін постсавецкай прасторы 1991—2020 гг.: тэрміналагічны аспект / А. М. Латушкін // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Мінск: НГАБ, 2021. — Вып. 19. — С. 5—27.
15. Латушкін, А. М. Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага ў польскай навуковай літаратуры 2-й пал. XX — пач. XXI ст. / А. М. Латушкін // Бібліягэчны веснік. — 2019. — Вып. 11. — С. 42—52.
16. Митяев, К. Г. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие. / К. Г. Митяев. — М., 1946. — 249 с.
17. Радаман, А. А. Віленскі земскі прывілей 1565 г. вялікага князя Жыгімонта Аўгуста / А. А. Радаман // Беларускі гістарычны агляд. — 2005. — Т. 12. — Сш. 1—2. — С. 132—161.
18. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. II. — М., 1988. — 320 с.
19. Теория и методология науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
20. Филиппов, И. С. Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: опыт реконструкции / И. С. Филиппов // Средние века. — Вып. 51. — М.: Наука, 1988. — С. 201—221.
21. Фомин, Н. А. Систематизация архивных материалов / Н. А. Фомин // Архивное дело. — 1937. — № 2 (43). — С. 73—101.
22. Чабров, Г. Н. К вопросу о систематизации архивных материалов / Г. Н. Чабров // Ленинградский архивист. — Л., 1933. — Вып. 1. — С. 64—83.
23. Horsman, P. New Respect of the Old Order: the context of the Dutch Manual / P. Horsman, F. Ketelaar, T. Thomassen // American Archivist. — Vol. 66. — 2003. — S. 249—270.
24. Kennedy Grimsted, P. Czym jest i czym była Metryka Litewska? (Stan obecny i perspektywy odtworzenia zawartości archiwum kancelaryjnego Wielkiego Księstwa Litewskiego-

- go) / P. Kennedy Grimsted // Kwartalnik Historyczny. — 1985. — R. 92. — T. 1. — S. 55—83.
25. Kennedy Grimsted, P. The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including an annotated edition of the 1887 inventory compiled by Stanislaw Ptaszycki / P. Kennedy Grimsted, with the collabor. of Irena Sułkowska-Kurasiowa. — Cambridge, Mass.: Oriental Research Partners, 1984. — XVI, 279, 109 p.
26. Kennedy-Grimsted, P. Układ i zawartość Metryki Litewskiej / P. Kennedy Grimsted // Archeion. — 1986. — T. 80. — S. 121—182.
27. Mamczak-Gadkowska, I. Zasada przynależności zespołowej w praktyce polskich archiwów państwowych. Wprowadzenie do problematyki / I. Mamczak-Gadkowska // Zasada zespołowości w praktyce archiwów państwowych: studia i materiały / pod red. E. Rosowskiej. — Warszawa, 2017. — S. 11—27.
28. Nawrocki, S. Zagadnienie metod badawczych i metodologii w archiwistyce / S. Nawrocki // Archeion. — T. 69. — 1979. — S. 21—38.
29. Pamiętnik IV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Poznaniu 6—8 grudnia 1925. Cz. 2: Protokoły / wydał Kazimierz Tyszkowski. — 1927. — 252 s.
30. Polski słownik archiwalny / oprac. A. Bahulski, K. Kanarski, A. Wolf. — Warszawa, 1952. — 131 c.
31. Przelaskowski, R. Program prac wewnętrznych w archiwach nowożytnych / Wydawnictwa kursów archiwalnych. — Warszawa, 1935. — 55 s.
32. Robótka, H. Wprowadzenie do archiwistyki / H. Robótka. — Toruń, 2003. — 259 s.
33. Sułkowska-Kurasiowa, I. Metryka Litewska — charakterystyka i dzieje / I. Sułkowska-Kurasiowa // Archeion. — T. 65. — 1977. — S. 91—118.
34. Sułkowska-Kurasiowa, I. Nieznane egzemplarze ksiąg Metryki Litewskiej z lat 1440—1518 / I. Sułkowska-Kurasiowa // Kwartalnik Historyczny. — 1983. — R. 90. — № 1. — S. 119—126.
35. Tomczak, A. Archiwalna zasada pertynencji terytorialnej a rozmieszczenie zasobu w archiwach polskich / A. Tomczak // Archeion. — T. 67. — 1978. — S. 7—23.
36. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1386—1430 / zebrał i wydał J. Ochmański. — Warszawa; Poznań: PWN, 1986. — 256 s.

Артикул наступіть у редакцію 26.07.2023

С. С. Злобин,

*научный сотрудник центра всемирной истории,
международных отношений и геополитики
Института истории Национальной академии наук Беларуси;
e-mail: ZlobinSSSS@mail.ru*

РАМКИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ИСТОРИОГРАФИИ

Постколониальный поворот в историографии — это приложение достижений постколониальной теории к историческим исследованиям. Постколониальная теория (постколониализм, постколониальные исследования) — междисциплинарное направление, изучающее возможности самоидентификации колонизированного в условиях монополии колонизатора на основные средства самовыражения (наука, повседневный дискурс, политический дискурс и т. д.). Постколониализм берет свое начало с выходом в 1979 г. книги американского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». Представителями постколониализма являются Хоми Бхабха, Гаятри Спивак, Дипеш Чакрабарти, Роберт Янг, Ашиль Мбембе и т. д. Основным направлением развития идей Э. Саида было рассмотрение взаимоотношений колонизатора и колонизированного как запутанного и противоречивого, а не определяемого лишь стратегией доминирования одного над другим. Однако при этом не следует отказываться от главного пункта постколониализма: признания неравной, властной связи между колонизатором и колонизированным. Стоит исследовать некое третье пространство, в котором колонизатор и колонизированный, каждый раз оказываясь в новой ситуации, снова и снова находят себя в отношении колониальной власти.

Поиски такого третьего пространства вызвали дополнение исследований дискурса колониальной власти достижениями других теоретических направлений, таких как марксизм, аналитическая философия, психоанализ, культурология и другие области гуманитарного знания. Выдающийся теоретик Роберт Янг склонен рассматривать постколониализм в качестве генеалогического феномена, проявившегося в различных моментах антиколониальной и антиимпериалистической борьбы [1, р. 2—11]. Возросла кооперация с психоанализом. Здесь, конечно же, стоит вспомнить Х. Бхабха и его множественные ссылки на Ф. Фанона [2]. Правнучка Махатмы Ганди Л. Ганди также прилагает усилия для того, чтобы внести разнообразие в рассмотрение отношений колонизатора и колонизированного [3]. В этом плане Л. Ганди говорит о культуре, и, конечно же, постколониальные исследования органично находят общую основу с культурологией, которая ставит перед собой задачу изучать широкий, плохо определяемый мир культуры при помощи самых разнообразных способов и методов.

Исторические исследования состоят в противоречивых отношениях с постколониализмом. Работа с таким количеством теорий, сколько имеет постколониализм, требует большого труда со стороны как историков, так и пред-

ставителей других дисциплин. Часто возможность заимствования достижений постколониальной теории в историографии вообще отрицается. Постколониализм очень абстрактный, очень сосредоточен на мире культуры, наполнен литературным творчеством. Историография же требует более точных и детальных исследований, соотнесенных с конкретными временными периодами и событиями. Подобную критику применяют академик РАН Л. Б. Алаев, профессор Университета Нью-Йорка Фредерик Купер, специалист по истории колониализма, истории Африки и Индии Дэйв Кеннеди и многие другие. Однако в то же время нельзя не отметить наличие интереса со стороны историков к постколониализму. Для Индии, например, не редкость такие исследовательские материалы, как статья «Колониальная историография vs постколониальная историография: история, миф и аллегория в произведении Шаши Тарура «Великий индийский роман» Рама Бхавана Ядава из Университета Сиккима [4].

То есть при непростых отношениях постколониализма и историографии один факт все же стоит признать — это наличие связи между историческими исследованиями и постколониализмом. Вследствие этого вполне возможно употреблять такое выражение, как постколониальный поворот в историографии. Именно поворот, так как о постколониальной историографии говорить сложно из-за обозначенных противоречий, а о повороте, то есть о чем-то абстрактном, о каких-то принципах и методах, вполне приемлемо. К тому же такие выражения, как лингвистический поворот, антропологический поворот, визуальный поворот давно вошли в лексикон исторической науки. Однако если речь идет о чем-то абстрактном, о каком-то повороте, принципах, возникает ряд проблем, самой главной из которых является установление рамок этого поворота: какие произведения, каких исследователей можно включать в рамки этого поворота, какие вопросы с ним связаны. Безусловно, следует внести больше конкретики в решение данной проблемы.

Изучение колониальной власти, колониализма играет большую роль в мировой историографии. Колониальная власть — это обширная тема для профессиональных историков. Например, в историографии Индии, вся современная история которой плотно связана с колониальным периодом. Какое место в этом массиве мысли занимает постколониальный поворот?

Яркой иллюстрацией постколониальной критики истории Индии, например, является произведение профессора Кентского университета Ричарда Кинга «Ориентализм и религия: постколониальная теория, Индия и «мистический Восток». Р. Кинг говорит, что его интерес в данной работе — соединение постколониальной теории и сравнительного религиоведения. Конкретный же анализ сосредоточен на идее «мистического Востока» как преобладающей теме в рамках западного понимания Индии как Другого, особенно относительно учебного подхода к религиоведению и мистицизму [5, р. 1—2]. Р. Кинг указывает во введении, что исходит из того, что категория «мистичес-

кое», которая часто воспринимается как небесная, личная и аполитическая, на самом деле вовлечена в сеть властных отношений в контекстах, в которых она применяется [5, р. 2]. В своем исследовании Р. Кинг развивает эту идею в изучении роли западных ориенталистов и индийских интеллектуалов в конструировании образа индуизма как типа мистицизма, сосредоточенного на философии Веданты [5, р. 3]. Здесь речь идет напрямую о постколониализме и следовании Э. Саиду в деле критики эпистемологии ориентализма.

Б. Кон в книге «Колониализм и его формы знания», касающейся британской колониальной власти в Индии, обрисовывает пеструю картину тех структур, которые оказались под влиянием этой власти. Интересно описание так называемого языка команд. Британцами были составлены специальные рекомендации, как надо говорить с туземцами. Например, знаменитый исследователь языка хиндустани Джон Гилкрист предоставляет молодому англичанину в Индии специфические правила, как говорить с индийцами, которые у Дж. Гилкрита все оказываются слугами. Европейец должен начать с освоения умения уловить внимание туземца, что должно завершаться командой «Слушай!». Команда должна быть как можно более простой. Не говори «Дай мне тарелку!», просто произнеси команду «Тарелку!» [6, р. 39]. Г. Вишванатан исследует британскую колониальную власть через призму образовательной политики в колониальной Индии. Например, британская колониальная власть была ответственной за расширение традиционных рамок, в которых литература обычно обсуждается, и включение других уровней Индии, представленных ее правом, религией, управлением и социальными институтами. Так появился исторический подход к традиционной индийской литературе, в рамках которого требовалось в некоторой степени перейти от ее литературной ценности к акценту на системе общества, с которой британцы веками были рассоединены [7, р. 120—121], то есть как бы немного принизить индийскую традиционную литературу, лишить ее пусть не всей, но значительной доли эстетичности.

Признание необходимости изучать властные взаимоотношения колонизатора и колонизированного — это обязательное условие для того, чтобы отнести того или иного исследователя или произведение к постколониальному повороту. На основе этого, например, можно с определенной уверенностью отнести к постколониальному повороту школу «Исследования угнетения», которая развивалась в 1980—2000-е гг. в индийской историографии. Данная школа ставила своей целью применить новейшие методы исторической науки для изучения доминирования колонизатора-угнетателя над колонизированным-угнетенным. Но, например, к постколониальному повороту нельзя отнести целиком такое исследовательское направление, как Новая имперская история, которая концентрируется на исследовании особенностей взаимосвязей внутри Британской империи. Колониальная власть в рамках этого направления все же не главный объект, хотя, конечно же, часто вспоминаемый.

Однако если брать за основу постколониального поворота всего лишь тезис о всераспространенности колониальной власти, не будут ли в этом случае упущены разнообразие и глубина методологии постколониальной теории? Приведенные выше Х. Бхабха, Л. Ганди, Р. Янг открывают широкие возможности по применению психоанализа, культурологии, марксизма в исследованиях колониальной власти. Следовательно, стоит предположить, что такую же глубину методологии необходимо ожидать в рамках историографического постколониального поворота, и на основе этого причислять к нему те произведения и тех или иных исследователей.

Перенесение методологической глубины в историографию нельзя ограничивать механическим заимствованием методологии дискурс-анализа, психоанализа, марксизма из общей постколониальной теории в постколониальные исторические исследования. Методологическая глубина в постколониальной теории служит для более широкого рассмотрения механизма колониальной власти, и именно такое, более широкое, рассмотрение связи колониальной власти и историографии, исторических знаний должно быть императивом построения постколониального поворота в историографии. И такое видение представлено в современной историографии истории. Авторами, которые стремятся отразить в своем творчестве данный императив, являются исследователи, которых безоговорочно можно назвать постколониальными, — Гаятри Спивак, Дипеш Чакрабарти. Эти авторы критикуют обусловленность колониальной властью *основ* исторических знаний. Они критикуют понятие исторического источника, исторического времени, исторической реальности.

Г. Спивак не является историком, однако ее творчество — неотъемлемая часть современной историографии. Она сделала очень много для изучения идентичности женщины, угнетенного, туземца, для выделения этой идентичности в рамках больших нарративов колонизатора, нарративов о человеке, обществе, государстве, Боге, истории. Творчество Г. Спивак особенно активно развивалось с середины 1980-х, и, конечно же, тема женщины была и есть в центре ее работы. Г. Спивак соединила эту тему с темой о туземце в знаменитом эссе «Могут ли угнетенные говорить?» [8], и таким образом родилась ее концепция угнетения, которая повлияла на все направление источниковедения. Концепция угнетения, выдвинутая Г. Спивак, говорит о том, что туземец настолько угнетен колониальной властью, что не имеет никакой возможности как-либо выразить себя. Колонизатор-угнетатель обладает монополией на репрезентационные средства, такие как наука, политика, повседневный дискурс, он задает параметры того, что и где можно говорить. Вследствие этого в рамках составляемых таким образом рассказов природа угнетенного оказывается постоянно искаженной. Нет возможности ответить на вопрос, что *на самом деле* является сутью туземца, какой он есть в *реальности*. В этом смысле в особенно угнетенном положении находится туземная женщина, которая замкнута как в авторитарном маскулинном, так и в еще более

авторитарном колониальном дискурсе. Г. Спивак — очевидный представитель постколониального поворота. Она достаточно радикально исследует колониальную власть, критикует обусловленность колониальной властью основ гуманитарного и исторического знания, обращается за методологией к таким непростым исследователям, как Ж. Деррида и З. Фрейд.

Дипеш Чакрабарти является другим очевидным представителем постколониального поворота [9]. Д. Чакрабарти указывает, что историки до сегодняшнего дня пишут историю, основываясь на европоцентричных принципах, и эти принципы очень глубоко укоренились в историческое письмо, в связи с чем представляется практически невозможным определить их, а тем более изменить. Д. Чакрабарти следует постколониальной линии на самое радикальное рассмотрение колониальной власти как предопределившей большинство, если не все наши представления о современном мире, в том числе и об истории как процессе и как о научной дисциплине. Для критики таких представлений Д. Чакрабарти обращается к Ж. Деррида, постмодернистскому философу, известному своей непримиримостью с любыми авторитарными стереотипами, а также М. Хайдеггеру, также ставившему вопросы об основах наших знаний о мире, но с позиций философского направления экзистенциализма.

Д. Чакрабарти видит проявление колониальной структуры исторического знания в понятиях историцизма, исторического времени. Для него это понятия, которые устанавливают императив рассмотрения мира Запада и мира Востока как находящиеся на одной прямой линии, идущей от точки неразвития до точки развития. Все общества движутся по линии, и европоцентричная историческая наука постоянно описывает это движение таким образом, что западные общества находятся впереди, а восточные отстают. Например, Д. Чакрабарти уделяет много внимания религии. По его мнению, современная историческая наука трактует в качестве передовых те общества, которые живут только секулярной логикой. Это западные общества. В качестве развивающихся обществ рассматриваются те, которые живут большим количеством религиозных пережитков. Это восточные общества (Д. Чакрабарти конкретно говорит об индийском, а еще конкретнее — о бенгальском обществе). Они догоняют передовые общества. В силу таких причин историки, когда описывают, например, крестьянские восстания в эпоху колониализма, говорят об особенностях общественного сознания их участников, в котором большую роль играла религия, и относят эти особенности к пережиткам предыдущих, например, феодальной, эпох.

Очевидно, что такие исследователи, как Д. Чакрабарти и Г. Спивак, входят в рамки постколониального поворота. Но в их стиле изложения, в применяемой ими методологии существует вполне очевидное различие со стилем Б. Кона, Г. Вишванатан, Р. Кинга. Нельзя, конечно, это различие обозначить таким образом, что Д. Чакрабарти и Г. Спивак более смелые или наглые, или менее стандартные, чем другие исследователи, — это будет не научно, но

различие это ощущается. И все же таких ученых, как Б. Кон, Г. Вишванатан, Р. Кинг также не стоит выносить за рамки постколониального поворота. Ведь в мировой историографии, в той же историографии истории Индии, все те термины и выражения, которые могут быть отнесены к постколониальному повороту, занимают значительное место. Однако если идти таким путем, то в рамки постколониального поворота можно включить и критику этого поворота. Абстрактность, пренебрежение деталями в изучении колониальной власти — основные моменты, на которые обращают внимание оппоненты постколониализма. В то же время можно заметить, что в такой критике и в том, чтобы это же самое произведение было причислено к постколониальному повороту, нет никакого противоречия. Те же самые авторы-критики так или иначе признают репрессивную природу колониальной власти, негативные последствия колониализма, неравные взаимоотношения колонизатора и колонизируемого. Следовательно, постколониальный поворот можно рассматривать еще шире, занося в его рамки даже его критиков? Как видим, следует к принципу признания всераспространенности колониальной власти добавить еще какую-либо установку, чтобы придать постколониальному повороту больше концептуальной четкости.

Можно оценивать рамки постколониального поворота по более литературным критериям. Например, для этого можно использовать ненаучный термин «резкость». Именно резкость постколониальной теории часто отвергается историками. Здесь дело не столько в абстрактности постколониальных формулировок или пренебрежении деталями, сколько в нарушении той тишины работы, к которой привыкли профессиональные историки. Тишина работы историка — это работа в архиве, это кропотливое выискивание таких материалов, которые никто ранее не видел. Это вдумчивое чтение большого количества книг. Постколониализм бросает вызов такой тишине. Складывается такое ощущение, что постколониализм хочет только кричать о какой-то колониальной власти и не хочет спокойно и вдумчиво работать с источниками. Постколониализм резок. Но резкость постколониализма может быть принята в той мере, в которой принимается резкость исторического рассказа женщин. Освобождение угнетенной женщины, завоевание нею своего места в истории сегодня не подлежит сомнению. В такой же мере должна не подлежать сомнению освободительная стратегия бывших колоний, пусть даже она будет где-то в чем-то излишне крикливая. И те работы, и исследователи, которые соотносятся с такой резкостью, могут быть причислены к постколониальному повороту.

Также можно причислять работы и исследователей к постколониальному повороту на основе их связи с творчеством общепризнанных постколониальных авторов, таких как Э. Саид, Г. Спивак, Х. Бхабха, Д. Чакрабарти. Если автор изучает дискурсы идентичности в колониальной и современной Индии, концентрируется на политике идентичности, говорит о конструировании субъективности, но не говорит открыто о противостоянии своей работы, своих идей

колониальной власти. В какой мере его творчество является постколониальным? В той мере, в которой ее можно вписать в рассказ о постколониальной деконструкции колониальной власти. В той мере, в которой Д. Чакрабарти продолжает работать в контексте расширения своего интереса к проблеме провинциализации Европы. Например, на сегодняшний день он активно занимается проблемой изменения климата. Одна из предстоящих его работ будет называться «Провинциализация Европы в теплеющем мире» [10].

И все же постколониальный поворот имеет тенденцию быть неопределенным. Какого-то четкого дополнительного принципа к установке на отрицательное отношение к колониальной власти нет. И ссылки на крупных исследователей, и наличие размытой резкости в произведении, — это как-то слишком не необходимо, как-то слишком, как это ни странно звучит, узко. Поиск набора более-менее стабильных принципов для определения рамок постколониального поворота не приводит к успеху. Следует сделать вывод, что кроме общего указания на необходимость наличия острой критики колониальной власти, устоявшегося критерия отнесения той или иной работы к постколониальному повороту нет. Причиной этому является установка общей постколониальной теории на работу с неопределенными категориями в неопределенном теоретическом поле. Постколониальный поворот в историографии унаследовал эту установку, в связи с чем заимствование достижений постколониализма в историографии можно обозначать только размытым термином — поворот. Такие понятия как постколониальная историография, постколониальные исторические исследования хоть и встречаются, но не характерны для современной исторической науки. Неопределенность постколониального поворота практически не оставляет критериев для выделения его рамок. Единственным критерием остается признание негативной природы колониальной власти, признание столкновения властного колонизатора с подвластным колонизированным в эпоху колониализма.

Таким образом, можно сказать, что в рамки постколониального поворота может быть отнесен широкий круг произведений и авторов, непротиворечащих в очевидной форме основному постколониальному утверждению об осуществлении колониальной власти колонизатором над колонизированным. Обозначение данных рамок может принимать самую разную форму, что зависит от выбранного направления описания историографического материала. Основные постколониальные тезисы и те или иные конкретные исследования могут быть связаны в одно целое как посредством ссылок на авторов, безусловно признаваемых как постколониальные, так и посредством, например, общего указания на разделяемый ими стиль критики негативной природы колониализма.

Л и т е р а т у р а

1. Young, R. Postcolonialism: an historical introduction / R. Young. — Malden; Oxford : Wiley-Blackwell, 2001. — XI, 498 p.

2. Bhabha, H. K. Introduction: narrating the nation / H. K. Bhabha // Nation and narration / ed. H. K. Bhabha. — London, 1990. — P. 1—8.
3. Gandhi, L. Postcolonial theory: a crit. introd. / L. Gandhi. — New York : Columbia Univ. Press, 1998. — X, 200 p.
4. Yadav, R. B. Colonial historiography vs postcolonial historiography: history, myth and allegory in Shashi Tharoor's «The Great Indian Novel» [Electronic resource] / R. B. Yadav // Lapis Lazuli. — 2012. — Vol. 2, № 2. — Mode of access: <http://pintersociety.com/wp-content/uploads/2012/11/Ram-Bhawan-Yadav-7.pdf>. — Date of access: 24.10.2021.
5. King, R. Orientalism and religion: Postcolonial theory, India and «the mystic East» / R. King. — London; New York : Routledge, 1999. — X, 286 p.
6. Cohn, B. Colonialism and its forms of knowledge: the British in India / B. Cohn. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1996. — XVII, 189 p.
7. Viswanathan, G. Masks of conquest: literary studies and British rule in India / G. Viswanathan. — Calcutta : Oxford Univ. Press, 1989. — X, 206 p.
8. Spivak, G. Ch. Can the subaltern speak? / G. Ch. Spivak // Colonial discourse and postcolonial theory: a reader / ed.: L. Chrisman, P. Williams. — New York; London, 1993. — P. 66—111.
9. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference / D. Chakrabarty. — Princeton; Oxford : Princeton Univ. Press, 2000. — XII, 301 p.
10. Dipesh Chakrabarty: Lawrence A. Kimpton Distinguished Service Professor; Faculty Director, University of Chicago Center in Dehli [Electronic resource] // The University of Chicago. — Mode of access: <https://salc.uchicago.edu/dipesh-chakrabarty>. — Date of access: 07.04.2022.

Артикул наступіть у редакцію 01.08.2022

Ю. В. Нестерович,*старший научный сотрудник**Центра исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,**кандидат исторических наук;*

e-mail: nesterca.com@yandex.by

К ОПТИМИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ И ЭЛЕКТРОННОЙ ПУБЛИКАЦИИ (КРИТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСТ Р 7.0.96-2015)

Понятийный аппарат и определения терминов, используемых в *области практической деятельности*, фиксируемые в СТБ, ГОСТ и т. д., ориентированы на выполнение практических задач. При этом эффективность практической деятельности возрастает при осуществлении на основе теоретических разработок, последние в свою очередь неразрывно связаны с развитием мета- и общетеоретических знаний. Понятийный аппарат и термины *области практической деятельности* необходимы для отражения понятий и терминосистемы научной дисциплины, в рамках которой эта деятельность изучается (документоведение изучает ДООУ и т. п.). В этих обстоятельствах существенную значимость приобретают научно-практические комментарии к инструктивной литературе, статьи с анализом определений стандартизированных терминов в связи с терминосистемой дисциплины. А. Е. Рыбаковым применительно к ДООУ их опубликовано около полутора сотен [1] и пр. Аппарат и терминосистема *научной дисциплины* отражает развитие ее системы теоретических знаний [2]. Уникальным примером *координации* аппарата и терминов области практической деятельности и теории служат аппарат и термины ГОСТ Р 52292-2004, координируемые с ТЭОИ (теорией обмена электронной информацией), представленной в трудах В. А. Гадасина и В. А. Конявского. Сложней обстоит дело с анализом ГОСТ Р 7.0.95-2015 [3], поскольку его аппарат и термины координируются не с отдельной теорией и даже не областью знаний (электронным документоведением), а с рядом теорий и областей знаний (в том числе с научной информатикой, библиотковедением). Документологический его анализ показывает на наличие «неумеренного» документоцентризма; к выделяемым в нем инфоединицам — ЭД (электронному документу), ЭИ (электронному изданию), опубликованному ЭД и другим применяется общий термин «*документ*», а термин «электронная публикация» из терминосистем наук о документальной информации элиминируется (между тем, он и производные от него термины, напр., «электронная публикация архивных документов», приняты в научном дискурсе СНГ, напр., в трудах И. В. Сабенниковой). Это удобно в практическом плане, но при переходе к формированию общетеоретических знаний выявляются несообразности таксономического и терминологического характера. Выявленные несо-

размерности и противоречия данного ГОСТ (представлены ниже) и рекомендации по их устранению послужат оптимизации этих терминов при формировании аппарата и терминосистем археографии, архивоведения, документоведения и смежных с ними дисциплин.

В ГОСТ Р 7.0.95 излагается о распространении ЭД с принятием во внимание материальной конструкции изделия (п. 6.3.1) и без принятия ее во внимание (п. 3.13). Анализируя в аспекте структуры и состава инфопродукта, изъясном дефиниции представляется то, что в соответствии с ней объектом распространения выступает не произведение, ряд их, исторический документ, приложения и прочее, обобщая документологически (принимая во внимание многозначность термина «произведение», отсутствие оптимальной корреляции его с иными многозначными терминами «текст», «документ» и другие, наличие в практической деятельности, в том числе в ДООУ, инфопродуктов, возникающих не на основе творчества) — основной ДИП (документаризованный интеллектуальный продукт), а также пояснительный аппарат к нему, а ЭД. Между тем, ЭД при принятии во внимание семантического аспекта описания явлений ДИОД (документационной и информационно-обеспечивающей деятельности) включает компонентами наряду с данными (знаками, следами сигналов), технологическими метаданными, запоминающим устройством или частью объекта хранения данных и представляемое данными семантическое содержание (такая структура ЭД согласуется с трактовкой метаданных ЭД в документоведении [17]). Выделение в ГОСТ Р 7.06-2002 компонентами издания произведения, аппарата к нему, выходных сведений соответствует *синтаксическо-семантическому уровню* организации элементов издания. В техническом ракурсе объектом распространения приемлемо выделять письменную, аудио- и иную запись, в том числе трансформированную, а в социально-практическом аспекте таким объектом выступает произведение и иной ДИП.

Для *элиминации противоречий* при различении издательских продуктов, включающих и не включающих произведение и аппарат к нему, востребована дифференциация термина «издательский продукт»: обозначение первым термином «ИИП (издательский информационный продукт)», а вторым — «акцидентный издательский продукт». Н. Н. Кушнарченко отмечает синонимию терминов «печатный документ», «произведение печати», «издание». Она исходит из «широкого значения» термина «печатный документ», обозначая им понятие, которое Г. Н. Швецова-Водка терминологически определяет как «напечатанный документ». Поясняет, что «к произведениям печати, кроме книг, брошюр, журналов, газет и плакатов, относят также малые печатные формы: буклеты, листовки, программы, билеты, открытки, этикетки, бланки» [4]. Заметим, что в ГОСТ 7.60-2003 «буклет» — один из видов печатных изданий, выделяемый по критерию «материальной конструкции». Понятие издательского продукта, в отличие от понятия ИИП (издательского инфопродукта), не включает в себя признак наличия произведения (т. е. ДИП, возникшего в

результате творчества) существенным признаком. Он для него случайный признак. Полиграфический продукт не является результатом вложения семантического содержания, редактирования, продуктом интеллектуального производства. Г. Н. Швецова-Водка, исходя из ДСТУ 3017-95 и ДСТУ 3018-95, относит к изданиям наряду с печатными грампластинками, аудио- и видеокассеты и издания в виде машиночитаемого документа (выходные сведения помещаются в них на коробках и т. п.) [5]. Хотя такая характеристика не согласуется с понятием издательского продукта.

Для устранения противоречий при построении общей интертеории ДИОД продуктивно различать инфопродукт (медийный, ИИП и др.), издание и документ, обходясь без редукции понятий. Выпущенный ИИП приобретает статус *документа* после регистрации книжной палатой и иным уполномоченным на регистрацию учреждением. Экземпляр издания становится документом библиотечного фонда после включения в него. Электронные (компакт-диск), аудио- (аудиокассета), видео- (видеокассета) и полиграфические (книжка, альбом) изделия тиражируются. Образуя в ракурсе введения ИИП в публичный оборот, издание — совокупность выпущенных ИИП, исчисляемых в экземплярах. Количество *выпуска* ИИП, реализуемых через изделие (печатное, электронное, аудио- и пр.), — тираж. Количество *выпуска* сетевых ИИП исчисляется в репликациях, а *распространения* их — в просмотрах. Корреляция понятий ЭД и ЭИ применительно к ГОСТ Р 7.0.95 затруднена не только полисемией термина «ЭД», а и его усеченным либо нечетким употреблением. С одной стороны, в стандарте имеет место «широкая» трактовка документа и *редукция понятия ЭИ к понятию ЭД*. С другой, в п. 7.4 перечисляются выходные сведения ЭД применительно *только к документам библиотечного фонда*, которые охватывают и аппарат ЭИ, и метаданные ЭД. Выходные сведения принято выделять по отношению именно к *изданию* (ГОСТ Р 7.0.4, ГОСТ Р 7.06-2002 и др.), *ЭИ* (ГОСТ Р 7.0.83-2013 [6], п. 7.5 ГОСТ Р 7.0.95). Исходя из терминологии п. 3.15 ГОСТ Р 7.0.95, в п. 7.4 перечисляются выходные сведения *опубликованного ЭД*. Несмотря на стандартизацию в п. 3.15 термина «опубликованный ЭД», изложение в стандарте ведется об *ЭД*. Хотя в большинстве пунктов точнее излагать об опубликованных ЭД, выступающих элементами библиотечного фонда. Едва ли не единственный пункт, в котором выделение видов ЭИ и видов ЭД в стандартах совпадает — «по технологии распространения»: в п. 6.3.1 ГОСТ Р 7.0.95 выделение видами *ЭД* локальных ЭД, ЭД сетевого и комплексного распространения заимствовано из выделения в ГОСТ Р 7.0.83 таких видов *ЭИ*. Однако сама по себе классификация представляется нерелевантной. В определении локального ЭИ «ЭИ, предназначенным для использования в режиме локального доступа и распространяемого в виде: идентичных экземпляров (тиража) на съемных машиночитаемых носителях» объединены признаки понятия сетевого ЭИ локального доступа и понятия переносного ЭИ. А в определении ЭИ комплексного распростране-

ния «ЭИ, часть элементов которого предназначена для локального использования и распространения, другая часть элементов предназначена для распространения через информационно-телекоммуникационные сети» смещена таксономия. Каким образом мыслить соединение этих частей? Получается, напр., что экземпляр переносного ЭИ, хранящегося в подсобном фонде библиотеки, и элемент лицензионного ЭИР (электронного информационного ресурса) — удаленного сетевого ЭИР, получаемого библиотекой во временное пользование на условиях договора (контракта, лицензионного соглашения с генераторами ЭИР), составляют одно ЭИ. Формирование понятия ЭИ комплексного распространения (стилистически адекватно: комбинированного распространения) на основе процедуры объединения множеств — переносных ЭИ локального доступа и сетевых ЭИ, различающихся кардинально способами и параметрами функционирования (выпуск первого производится в экземплярах изделия, выпуск вторых означает создание БД, части которой в сети выступают объектом реплицирования) едва ли логически допустим. Гомологичным будет формировать понятие комбинированной геометрической фигуры на основе объединения множеств треугольников и ромбов. Вразрез с дефиницией локального ЭИ, в п. 6.2.3.1 и п. 6.2.3.6 ГОСТ Р 7.0.83 излагается о «*локальных ЭИ на съемных носителях*». Из этого вытекает, что «локальное ЭИ» — не обозначение собирательного понятия, а гипероним, охватывающий разряды переносных (пакетных) и локальных ЭИ. Семантическое различие слов «распространение» и «использование» в стандартах четко не прослеживается. Неясным остается, есть ли различие между «использованием в режиме локального доступа» и «локальным использованием» ЭД. Заимствуемое в ГОСТ Р 7.0.95 из ГОСТ Р 7.0.83 выделение видов ЭИ, модернизируемое в виды ЭД, деформировано не только несовпадением трактовки ЭИ в стандартах, но и рассогласованным изложением в них об ЭИ и ЭД. В п. 3.15 ГОСТ Р 7.0.95 ЭИ трактуется *опубликованным ЭД*, а в п. 7.4 ЭИ — один из *видов ЭД*, наряду с электронным письмом, рекламой, сообщением в социальных сетях. Термин «локальный ЭД» в значении, внесенном в ГОСТ Р 7.0.95, сравнительно со значением его, имеющим место в научной литературе (Г. Н. Швецова-Водка определяет его «физически находящимся в месте доступа» к ЭД), напоминает образование энантиосемии. При построении общей теории непротиворечивым представляется иное деление ЭИ, уточняя — ЭИИП, выступающих документами фонда: «ИИП открытого доступа», находящиеся в подсобном фонде библиотеки; «сетевые ИИП локального доступа» — ИИП, продуцированные на жестком диске компьютера в ней, в том числе входящие в электронную библиотеку, и «сетевые ИИП удаленного доступа» — ИИП, получаемые библиотекой из внешних источников, размещенных на удаленных технических средствах. В [7] подобное деление производится по отношению к ЭД.

Термин «ЭД» в ГОСТ Р 7.0.95 вслед за ИСО 2108-2005, ГОСТ Р 7.0.53-2007, ГОСТ Р 7.0.83 определен *технологически* «документом в цифровой форме, для использования которого необходимы средства вычислительной техники или иные специализированные устройства для воспроизведения текста, звука, изображения». Представленное в дефиниенсе понятие в плане научной онтологии охватывает лишь слой сущности объекта, в отличие от ГОСТ Р 52292, ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007, без включения признаков социального аспекта функционирования документа. Терминоэлемент дефиниендума «электронный» немотивирован, исходя из неотражения признака понятия, представленного в дефиниенсе (наличие применения средств вычислительной техники соответствует наличию ЭВМ; спецустройством в соответствии с его описанием в дефиниенсе может выступать, в частности, магнитофон). Он не отражает существенный отличительный признак для понятия ЭД: функционирования (придерживаясь терминологии ГОСТ Р 7.0.95) цифровых данных, цифровой информации *в программно-аппаратной среде и среде бытования*. Конструкт «документа в цифровой форме» придает сформированному в дефиниенсе понятию расплывчатость. Его приемлемо раскрыть составляющими ЭД в техническом аспекте, передающими вложенное в него семантическое содержание данными, записанными в цифровом коде, имеющими форму записанного файла (исходя при этом из того, что ЭД в содержательном аспекте составляют и нетехнологические метаданные, а также из конституирования информации *основной* частью семантического содержания). Подчеркнем, если оставлять данный конструкт нераскрытым, то дальнейший полновесный анализ представленной в стандарте концептуализации недостижим (анализ будет бесполезен вследствие невозможности сделать точный логический вывод). Противоречивость представленной в ГОСТ Р 7.0.95 дефиниции ЭД выявляется уже исходя из корреляционного анализа с понятием форм представления ЭД (п. 4.3). Внутреннее представление ЭД в стандарте трактуется «кодированной записью информации, создаваемой и воспринимаемой программно-технологическими средствами». А внешнее представление ЭД — «воспроизведением ЭД в пригодной для восприятия человеком форме» (без указания на среду и средства воспроизведения). Поскольку внешнее представление ЭД на экране дисплея адекватно характеризовать документом *в электронной, но не в цифровой форме*. «Изображение ЭД на экране монитора» — динамический процесс, реализующий пригодное для восприятия человеком представление цифровых продуктов и форм их структурирования и упорядочения, изготавливаемых программным обеспечением. Без демонстрации — предъявления отображения образующих ЭД данных файла — на экране социальная функция ЭД не обеспечивается. В любом случае, электронными являются среда функционирования, физическая природа носителя данных и форма внешнего представления ЭД. Цифровая форма отображения информации присуща «файлу на диске памяти»; «не

совсем корректно является утверждение, что на экране монитора компьютера воспроизводится записанный на диске документ». Высказывание, что внешнее представление ЭД — воспроизведение ЭД нерелевантно ТЭОИ и семантически не согласовано с дефиницией ЭД в ГОСТ Р 7.0.95 (согласование п. 3.27 и 4.3 и прочих сем в нем предполагает изложение о воспроизведении образующих «документ в цифровой форме» данных в доступную пользователям «электронную форму», образующую ЭД). Отталкиваясь от аппарата ТЭОИ, пользователю актуально доступно декодированное и продуцируемое программным обеспечением состояние поименованных наборов данных, представляемых в цифровой форме (двоичном коде). Данные не просто воспроизводятся, а многократно преобразуются, формируются при его поддержке в ЭД в процессе демонстрации изображения на экране видеоустройства в электронной форме динамического процесса [8, с. 28, 125, 159—160]. Из корреляции дефиниции ЭД и пояснения внешнего представления ЭД в п. 4.3 ГОСТ Р 7.0.95 логически не выводится отнесение машинограмм к внешнему представлению ЭД. Поскольку для использования машинограммы ЭД специализированные устройства не нужны.

В ГОСТ Р 7.0.95 представлены виды ЭД, выделяемые в связи с их опубликованием, но критерии их выделения не приводятся. Уже одно это затрудняет анализ общезначимости формирования понятий, а принятие во внимание аудитории, на которую рассчитан стандарт («организации, осуществляющие библиотечно-информационную деятельность, органы НТИ, организации, официально выпускающие в публичное обращение ЭД с целью их массового использования»), делает бесполезной терминоведческую нормализацию их обозначений. Поскольку при выходе за пределы предметной области стандарта возникают противоречия, связанные с полисемией термина «ЭД», которым в документоведении и документационном менеджменте обозначают главным образом служебные документы. В такой ситуации для избежания противоречий в междисциплинарном поле *взамен термина «ЭД»* востребован *термин «электронный инфопродукт»* в значении продукта инфодеятельности отмеченных в «области применения» стандарта организаций, представляющего собой именно элемент ЭИР. И гипонимы к нему «электронный медийный инфопродукт, электронный издательский инфопродукт» и т. д. ЭИИП (электронный ИИП) не просто массово распространяемая запись звука, текст, изображение, а прошедший РИО (редакционно-издательскую обработку) инфопродукт. Объем понятия ЭИИП не охватывает ИИП, представленные экземплярами переносного ЭИ. Поскольку реализуемые через изделие ИИП кардинально отличаются механизмы по способу выпуска и распространения от ИИП, реализуемых через автоматизированную инфосистему с подключением к сети. Совокупность репликаций размещенного в сети файла, части БД, представляющих ИИП, вполне приемлемо идентифицировать в общей теории сетевым ЭИ. При этом следует преодолеть

отождествление издания и ИИП. Зато в этом случае достигается совместимость разных систем понятий (формируемых в библиотекведении, документоведении и др.), кратных термину «ЭД».

Внесенная в ГОСТ 7.83-2001 трактовка ЭИ «ЭД (или группой документов), прошедшим РИО, предназначенным для распространения в неизменном виде, имеющим выходные данные», принята в ГОСТ Р 7.0.83 и ГОСТ Р 7.0.95. Из такого определения не выводимо различие деривативных и самостоятельных ЭИ. Из него неясны свойства и параметры, при которых ЭД, имеющий статус ЭИ, теряет его. Конструкт распространения ЭД в неизменном виде нуждается в уточнении. Учитывая, что реквизиты ЭД имеют переменную часть (п. 7.3 ГОСТ Р 7.0.95), и что в процессе распространения в ЭПС (электронно-программной среде) может изменяться не только формат файлов ЭД, а и его метаданные. Публикация произведений, записей выступлений и прочее через помещение, показ на веб-сайте обязательно предполагает изменение первоначального формата файла. Очевидно: в рамках распространения ЭИИП, если информация ЭИИП «используется с помощью иных программных средств, то может теряться некоторая ее часть» [9, с. 131]. Отмечается: «ЭИ позволяет обновлять и дополнять их [инфопродукты] без повторного набора всего текста» [10]. При этом «ЭИ» имеет значение технологии опубликования «произведений», изготовленных электронным набором и кодированием в ЭПС. Отмечается *несовместимость* свойств неизменности ЭД и интерактивности ЭД [11]. Минимум периодические ЭИ обновляются и дополняются. Между тем, в ГОСТ Р 7.0.95 признак обновления и дополнения содержания ЭД характеризует версию ЭД (3.2). Тем самым сохраняя признак неизменности вида для понятия ЭИ, версию ЭД неадекватно относить к ЭИ. В п. 3.22 «сохранение ЭД» определяется «комплексом мер, предназначенных для сохранения внешнего вида, функциональности и содержания ЭД». Признак сохранения (содержания) ЭД из дефиниции ЭД, как, впрочем, и в целом из ГОСТ Р 7.0.95, не выводим. Попытка модернизации стандартровой (заодно стандартной) трактовки ЭИ предпринята в [12], где, в частности, ЭИ предстает «изданием в электронной форме с неизменностью копий по отношению к оригиналу», включающим и тиражируемое на компакт-дисках программное обеспечение. Здесь неизменным предстает сверстанный ИИП, но такая трактовка нерелевантна по отношению к сетевым инфопродуктам. В [13] отмечается: стандартровая трактовка ЭИ рассогласована с Федеральным законом «Об обязательном экземпляре документов», не предусматривающим неизменность вида ЭД при его распространении. И резонно замечается: требование неизменного вида ЭД противоречит выделению в ГОСТ 7.83 разрядом ЭИ «по характеру взаимодействия пользователя и ЭИ» недетерминированных (интерактивных) ЭИ. На основе послылки: интерактивность — отличительная черта ЭИ — делается вывод о *недостижимости* неизменного вида ЭД.

Взятое из ГОСТ Р 7.83 выделение разрядов детерминированного и недетерминированного (интерактивного) ЭИ (п. 4.5) в ГОСТ Р 7.0.95 (п. 6.3.3) моди-

фицировано в выделение детерминированного, недетерминированного ЭД. Из этого в контексте ГОСТ Р 7.0.95 вытекает, что ЭИ — опубликованный детерминированный первоначальный («самостоятельный») ЭД. В соответствии с этим к ЭИ неадекватно относить версии и редакции ЭД. Более того, при распространении ЭД в сети изменяется не только формат файлов (комплексов, папок), а часто объем и последовательность содержания мультимедийных ЭД. Тем самым, денотат термина «ЭИ» в стандарте *минимализируется*. Ф. С. Воройский считает, что определение «ЭИ» ГОСТ 7.83 взаимосвязано и дополняемо другим его определением: «самостоятельный законченный продукт, содержащий информацию, представленную в машиночитаемой (электронной) форме, все копии (экземпляры) которого соответствуют оригиналу, и предназначенный для длительного хранения, широкого распространения и многократного использования неопределенным кругом пользователей» [14, с. 26]. Хотя признак соответствия копий оригиналу адекватен выделению референтом термина «ЭИ» *электронных аналогов печатного издания*. Приведенное определение ГОСТ 7.83-2001 соответствует «широкой» трактовке документа. В отличие от библиотекведения, в правоведении и документоведении *превалирует* наделение понятия ЭД признаком наличия ЭЦП (электронно-цифровой подписи) и иного электронного аналога росписи. Для устранения полисемии термина «ЭД» при построении общей интертеории ДИОД и терминосистем наук, изучающих ДИОД в междисциплинарной проекции, взамен его для обозначения минимума продуктов и единиц библиотечной и научно-информационной деятельности, не наделяемых ЭЦП, взамен термина «ЭД» востребованы термины «электронный медийный, ИИП» и пр. Это соответствует «области применения» ГОСТ 7.0.95 и принятой в науке трактовке инфопродукции.

Термин и даже терминоэлемент «структура ЭД» полисемичны, а его содержание необходимо коррелировать с понятием организации элементов ЭД. Так, физическая структура ЭД охватывает способ организации простого и составного элементов данных. В ГОСТ Р 54989-2012 структура ЭД редуцируется к логическим и физическим атрибутам ЭД, в ГОСТ 33707-2016 — к полному набору взаимосвязанных правил. И физическая, и логическая структура ЭД зависит от способа размещения данных в запоминающем устройстве и от используемых программных, технических средств [15, с. 60]. При выделении структуры и организации элементов ЭД следует иметь в виду наличие социального и технического аспекта функционирования ЭД. Весьма сложной в науках о ДИОД остается и проблема состава ЭД. В ГОСТ Р 7.0.95 определение «структуры ЭД» отсутствует, дан лишь дефиниенс к термину «логическая структура ЭД»: «отношения между элементами, составляющими документ» (п. 4.5), *равно пригодный* и к терминам «физическая, техническая структура ЭД». В п. 4.10 ГОСТ Р 7.0.83 по признаку структуры ЭИ различаются одно- и многочастные ЭИ, а структура ЭИ предстает способом размещения ЭИ на физическом носителе. Поскольку цифровые данные в ЭПС

существуют вне носителя лишь в моменты их пересылки, то релевантна модель ЭД с носителем данных в качестве компонента ЭД. В ГОСТ Р 7.0.83 релевантно ГОСТ Р 7.06-2002 в состав ЭИ носитель не включен: «ЭИ состоит из произведения (группы произведений) и аппарата издания, взаимодействие которых обеспечивается соответствующими программно-технологическими средствами». В [16] отмечено: в соответствии с аппаратом ГОСТ 7.83 «ЭИ-м можно назвать любое произведение, помещенное в сеть». Представляется, что носитель данных входит в состав ЭД, моделируемого физически реализуемым инфопродуктом (ЭИИП). Исходя из трактовки файла «основным структурным элементом хранения данных в ЭВМ» [14], файл выступает структурообразующим элементом для ЭД. Файлы и их наборы предстают формой упорядочения данных и представления семаинформации (ДИП).

В ГОСТ Р 7.0.95 исходят из иной бинарной модели состава ЭД, нежели востребованной в документоведении, представленной в Р 50.1.031-2001. В разработке к «реквизитной части» относят «идентифицирующие реквизиты» и ЭЦП. В ГОСТ Р 7.0.95 ЭД, включающие реквизит ЭЦП, не являются объектом рассмотрения. Этот факт отмечен в «области применения», но из тавтологичного пояснения п. 4.4: метаданные или «реквизитная часть состоит из структурированного по назначению набора реквизитов, каждый из которых имеет уникальные характеристики», это не вытекает. В таком случае, выходя в междисциплинарное поле, *некорректно излагать об ЭД*, надо об ЭИ, документе фонда и пр. На смешение в стандарте понятий показывает уже синонимия терминов «метаданные ЭД» и «реквизитная часть ЭД», означающая отнесение к такой части ЭД и ИЭ (информационных элементов) документа (т. е. ИЭ, поясняющих произведение, дополняющих основное содержание), и технологических метаданных, необходимых поисковой автоматизированной системе. Между тем, в п. 7.1 и 7.2 метаданные и реквизиты различаются, выделяемые в пунктах типы их взаимно не редуцируемы. Из дефиниций п. 3.21 и п. 3.29: «реквизит ЭД — обязательный элемент метаданных ЭД...» вытекает конституирование составителями ГОСТ Р 7.0.95 эквивалентности содержания ЭД с содержательной частью его, а реквизитов ЭД — с реквизитной частью его (п. 4.4). Тем не менее, при таком понимании возникает деформация описания, заключающаяся в том, что в состав ЭД включаются лишь *обязательные* элементы метаданных. Такие элементы принято выделять *не сами по себе, а по отношению* к определенному виду, разряду ЭД, ЭИ и пр. Устранению данной деформации способствует различение реквизитов ЭД — справочных, легитимизирующих и иных ИЭ, дополняющих основное содержание ЭД, входящих в состав ЭД, и технологических метаданных, необходимых при воспроизведении, хранении, миграции ЭД, и пр. Обращаем внимание на кардинальное различие денотата терминов «содержание произведения, документа, издания» ГОСТ Р 7.06-2002, охватывающего уровень семантической организации элементов ИИП. И денотата термина «содержание ЭД» в

ГОСТ 2.051-2014, ГОСТ Р 7.0.95 (п. 5.1), охватывающего уровень синтаксической организации данных. В п. 3.9 ГОСТ Р 7.0.95 добавляется недостаточно ясный термин «логически-структурное содержание информации» (учитывая, что в информатике логическая структура данных трактуется представлением логической организации). В ГОСТ Р 7.0.83 различается «содержание ЭИ» (п. 4.2) и «содержание произведения» (5.2). При трактовке ЭИ видом ЭД перенос параметров описания ЭД на характеристики ЭИ и экстраполяция схем ЭД на схемы ЭИ не транзитивны.

Международной федерацией библиотечных ассоциаций разработана модель произведения, отражающая разные аспекты его сущности: произведение — представление — манифестация — экземпляр (В. Армс). В [18, с. 85] модель раскрывается иначе: выражение произведения в тексте, «закрепление при публикации, воплощение в единице». Публикация предстает выраженным, закрепленным и реплицированным произведением. В соответствии с ней единицей учета документов фонда выступают экземпляр издания, файл на диске, распространяющий публикацию произведения. Оптимизируя, электронную публикацию приемлемо трактовать в качестве части издания — вводимым в оборот через ЭИ произведением (ДИП). Термин «публикация» базовый при описании введения произведения (ДИП) в оборот. В ГОСТ Р 7.0.95 он отсутствует, несмотря на изложение о публичном обращении ЭД для массового использования.

В ГОСТ Р 7.0.95 выделены разрядами (*не видами*) ЭД: ЭИ обнародованный, опубликованный и неопубликованный ЭД. Такое выделение произвольно, поскольку критерий выделения не прослеживается. В науках о ДИОД имеет место выделение видами документов: опубликованных, неопубликованных и непубликуемых «по степени распространенности» [4]. Опубликованных и неопубликованных «по обстоятельствам существования документа во внешней среде», а именно «по характеру аудитории, на которую рассчитан документ» [5]. Суть различия между двумя этими типологиями в том, что Г. Н. Швецова-Водка связывает опубликованность документа с его *официальной регистрацией* в госучреждениях, организациях, обеспечивающих соблюдение закона об авторском праве (тем самым, выделяемый его признак типологизации документов следует дополнять другим признаком — официальной их регистрации). А Н. Н. Кушнарченко не связывает, относя (исходя из терминологии ДСТУ 2732:2004) *служебные* документы к документам однократного использования. Подлинник служебного документа может быть растиражирован, тем не менее, его содержание предназначено для узкого круга лиц (в этом случае возникает издание, которое в соответствии с ГОСТ 7.60-2003 терминируется в «издание для служебного пользования»). В этой связи востребовано различение опубликования официальных документов, для которых нотариальное удостоверение, госрегистрация — способы введения в действие, и произведений, для которых регистрация может ограничиваться лицензированием.

Термин «неопубликованный ЭД» определен в ГОСТ Р 7.0.95 как ЭД, не прошедший РИП и не рассчитанный на широкое распространение (п. 3.13). В таком значении он выступает антонимом к термину «публикация» в ГОСТ 7.0-99. Такое изложение неточно уже в рамках ГОСТ Р 7.0.95, в соответствии с п. 6.3.1 распространение ЭД охватывает и локальный, и удаленный доступ к ЭД. Рассматривая в связи со знаниями документологии представленное в п. 3.13 понятие представляется не раскрытым для ограничения его от понятия *непубликуемого ЭД*, от понятия служебного ЭД. В условиях информатизации введение в публичный оборот опрочетливо связывать с рассчитанностью на широкое распространение. Сервер, в котором хранятся не рассчитываемые на широкое распространение ЭД, может быть взломан с дальнейшим введением их в публичный оборот. Для того чтобы выделение разрядов ЭД в ГОСТ Р 7.0.95 не противоречило изложению в п. 3.14 о «документах, неправомерно представленных для всеобщего сведения», разряд обнародованных ЭД в 3.14 следует межинтегрировать с выделением разрядов *правомерно и неправомерно обнародованных ЭД*. Недостаточно мотивированным является формирование понятия неопубликованного ЭД по признаку масштаба предполагаемого распространения. В рамках общей интертеории его следует формировать минимум по признаку выпуска реплицируемого инфопродукта (а ЭИ — по выпуску ЭИ). В зависимости от итогов корреляции с иными базисными понятиями продуктивным может оказаться добавление признака официальной регистрации.

Свойство опубликованности ЭД в п. 3.13 ГОСТ Р 7.0.95 по сути увязывается лишь с наличием РИП. Поскольку понятие РИП не раскрывается, это порождает трудности интерпретации (охватывает ли РИП технологические процессы подготовки ЭИ, а в ГОСТ Р 7.0.83 они выделяются условием различия РИО печатных и ЭИ) и отнесения единиц ДИОД. Напр., препринт характеризуется в [4] «разновидностью документа, занимающей промежуточное место между опубликованными и неопубликованными документами», в ГОСТ Р 7.06 он относится к изданиям. В п. 3.15 свойство опубликованности охватывает два признака: прохождение РИО и наличие выходных сведений. Конструкт предназначения для публичного доступа (сам по себе содержащий признак потенциального развертывания процесса) описывает стадию введения ЭД в публичный оборот, предшествующую его публичному обращению. Исходя из п. 6.3 он касается режима доступа. Тем не менее, абсурдно наделять свойство опубликованности ЭИ (ЭД) признаком предварительной доступности ЭД. В п. 3.14 добавляется новый неясный конструкт, связанный с введением в оборот и функционированием ЭД — *публичного представления для всеобщего сведения* — в дефиниции: «обнародованный ЭД — ЭД, правомерно введенный в гражданский оборот и публично представленный для всеобщего сведения в доступ через размещение на любом носителе информации или через информационно-телекоммуникационные сети». Поня-

тие, обозначенное оборотом «правомерно введенный в гражданский оборот», не раскрывается, он неясен, а вследствие этого неясно и различие публичного и гражданского оборота. Не противоречащим содержанию п. 3.13—3.15 ГОСТ Р 7.0.95 будет интерпретировать его эквивалентом (аналогом) понятия официальной регистрации инфопродукта либо разрешения на опубликование. Несоразмерность формирования понятий в ГОСТ Р 7.0.95 выявляется и в том, что в соответствии с ними выставленные в сети инфопродукты из «взломанного» хакерами персонального сайта предстают *необнародованными (неправомерно введенными), неопубликованными ЭД*. Между тем, по факту введения в оборот их следует идентифицировать «опубликованными ЭД». Неясность конструкту и дефиниции п. 3.14 в целом придает то, что публичное представление предворяет либо сопровождает доступ к ЭД (соразмерным было бы исходить из того, что публичное представление, *будучи введенным ЭД в оборот, открывает доступ* (возможность доступа) к ЭД). Противоречивость ее связываем с документоцентризмом, оборотной стороной которой выступает наличие у термина «ЭД» разных денотатов. «Обнародованию» подлежит не комплекс *содержания и реквизитов на носителе*, а подготовленное «содержание (ЭД)», конкретизируя на синтаксическо-семантическом уровне организации элементов — произведение, ряд их, в том числе с дополнениями его справочными данными и иной *вспомогательный аппарат именно к нему*. Наличествующий в ЭИ (ЭД) вспомогательный аппарат, всесторонне характеризующий издание (т. е. в соответствии с ГОСТ Р 7.06 — «выходные сведения»), сопровождает «обнародованный» инфопродукт. В аспекте целевого назначения и рассчитываемой аудитории «обнародованный ЭД», уточняя — введенное в общественный («публичный») оборот (опубликованное, исполненное, публично показанное) произведение и дополняющий его «контент», востребованы для всеобщего осведомления, а «выходные сведения» — для узкого круга профессионального сообщества, имеющего отношение к ДИОД. «Обнародованный ЭД» — квазитермин, выступающий при его определении в стандарте терминоидом. Если не обращать внимания на соединительный союз «и» в дефиниции к нему в ГОСТ Р 7.0.95, то обнародование ЭД предстает особым видом введения электронного инфопродукта в публичный оборот, характеризующимся санкционированностью выпуска, нарушением при этом законодательства об авторском праве и смежных правах.

ГОСТ Р 7.0.95 обогатил нормативный дискурс унифицированными терминами и вариантом систематизации и оптимизации понятий. Аппарат его целесообразен (соответствует поставленной цели). Тем не менее, предельный документоцентризм, в частности, частое употребление в нем *взамен термина «ЭИ» термина* с более широким денотатом «ЭД», имеющим в тексте ГОСТ Р 7.0.95 «плавающий» референт, ведет к противоречиям. Трактовка ЭД в ГОСТ Р 7.0.95 нерелевантна трактовке ЭД в ГОСТ Р 52292-2004 и ТЭОИ, а трактовка ЭИ распространяемым в особом формате ЭД нерелевантна другим

стандартам. В ГОСТ Р 7.0.95 представлена пунктирно очерченная триада: неправмерное публичное предоставление ЭД, «обнародование» (правомерное публичное предоставление ЭД), «опубликование» (обнародование ЭД, которому предшествовала РИО — включение в его состав выходных, а также выпускных данных). В соответствии с этим термин «публикация» (от него производно «опубликование») не имеет значения всякого публично предоставляемого санкционированного *произведения* и иного ДИП (произведения с приложениями, видеозаписи, при осуществлении которой не преследовались творческие задачи, и пр.). Публичное представление инфопродукта, ИИП (в том числе в сети, на компакт-диске) выступает *иной формой* введения и первоначального распространения его в общественный оборот, нежели опубликование. В практике ДИОД сегодня такое различие не проводится не только на уровне терминов, но и обобщения явлений. В отличие от ГОСТ Р 7.0.95, в ГОСТ Р 7.0.83 используются термины «публикация» и «произведение», но индифферентно к схеме структуры издания, внесенной в ГОСТ Р 7.06-2002, в которой компонентом издания на уровне семантической организации его элементов выступает *произведение*.

Для непротиворечивой корреляции понятий (при междисциплинарной проекции координации базисных понятий) археографии и смежных дисциплин издание (в том числе ЭИ) в качестве единицы ДИОД следует рассматривать в социальном и техническом аспектах: в первом оно ИИП, во втором полиграфическое изделие, папка. ЭИ в качестве ЭИИП — санкционированный ИИП, вводящий в публичный оборот произведение, реализующий представление конкретного замысла автора ЭИ в качестве технологического объекта, реализуется на CD-дисках, в ЭПС, выпускается и распространяется (в репликациях и просмотрах) в автоматизированной инфосистеме (в ЭВМ, на веб-порталах, сайтах). Отличие ЭИИП от иных медийных инфопродуктов — участников массмедийных мероприятий и общения (напр., выкладываемой в сети записи шоу, интервью) заключается в обязательном прохождении на стадии подготовки авторским оригиналом РИО («медиа» имеет значение: средства передачи, набора каналов распространения данных, охватывая и программное обеспечение [18, с. 70—72]). Подготовленный ЭИИП может быть не введен в оборот. Самостоятельное (недеривативное) ЭИ — именно реализованный в ЭПС (в сети через сервер, компьютерный диск) ЭИИП (соответственно ГОСТ Р 7.0.83), снабженный выходными сведениями ЭИ на титульном экране.

Литература и источники

1. Рыбаков, Андрей. Научно-практический комментарий к инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь / А. Е. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2009. — № 5. — С. 28—48.
2. Нестерович, Ю. В. О сложности построения терминосистемы архивоведения и документоведения в связи с различием стандартизуемых терминов и терминов,

- обозначаючих понятия научных теорий / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2017. — Вып. 18. — С. 169—179.
3. ГОСТ Р 7.0.95-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. ССИБИД. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики. — М. : Стандартинформ, 2016.
  4. Кушнарэнко, Н. Н. Документоведение. Учебник / Н. Н. Кушнарэнко. — Киев : Знання, 2006. — 459 с.
  5. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги. Уч. пос. / Г. Н. Швецова-Водка. — М. : Знание; Київ : Рыбари, 2009. — 487 с.
  6. Национальный стандарт Российской Федерации. ССИБИД, ГОСТ Р 7.0.83. — 2013. Электронные издания. Основные виды и выходные данные. — М. : Стандартинформ, 2014.
  7. Библиотечный фонд: термины и определения: науч.-практ. пос. / сост.: Н. З. Стародубцева, Е. И. Ратникова. — Режим доступа: www.content.schools.by.
  8. Гадасин, В. А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией / В. А. Гадасин, В. А. Конявский — Минск : Беллитфонд, 2004. — 281 с.
  9. Антокольский, А. Б. Информационные ресурсы России / А. Б. Антокольский — М. : НТЦ «Информрегистр», 2004. — 330 с.
  10. Гиляревский, Р. С. Основы информатики. Курс лекций / Р. С. Гиляревский. — М. : Экзамен, 2004. — 320 с.
  11. Федулеева, Н. Электронное издание / Н. Федулеева // Библиография. — 2003. — № 4. — С. 8—11.
  12. Чикунов, И. М. Электронные издания: определение, классификация. — Режим доступа: www.it.claim.ru.
  13. Жевит, М. Э. Электронное издание: проблема определения / М. Э. Жевит // Вестник Новосибирского государственного педагогического ун-та. — 2015. — № 6. — С. 172—182.
  14. Воройский, Ф. С. Информатика. Энцикл. словарь-справочник: введение в информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах / Ф. С. Воройский. — М.: «Физмалит», 2006. — 788 с.
  15. Филенко, Е. Н. Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных технологий / Е. Н. Филенко // Делопроизводство. — 2006. — № 2. — С. 59—66.
  16. Федулеева, Н. И. Книга: традиционная и электронная / Н. Н. Федулеева // Библиография. — 2003. — № 4. — С. 15—19.
  17. Рысков, О. И. Метаданные электронного документа / О. И. Рысков // Секретарское дело. — 2005. — № 1.
  18. Информатика как наука об информации / под ред. Р. С. Гиляревского. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 592 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 22.03.2023

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АРХИВЫ — ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

6 октября 2023 г. в Минске состоялось торжественное мероприятие, посвященное Дню архивиста, в рамках которого была проведена научно-практическая конференция «Архивы — институт исторической памяти». Вниманию собравшихся были представлены доклады руководителей и работников архивных учреждений Беларуси и России, посвященные актуальным проблемам архивного дела, популяризации архивного наследия. Ниже публикуются сделанные на конференции доклады.

— ◇ —

В. В. Кондрашин,

главный эксперт федерального казенного учреждения
«Российский государственный архив экономики»,
доктор исторических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

«Предоставить слово документу» — одно из самых успешных направлений российской исторической науки в последние десятилетия. Благодаря плодотворному взаимодействию историков и архивистов в широкий научный и общественный оборот введены новые знания по отечественной истории, в том числе в формате реализованных под эгидой Федерального архивного агентства (Росархива) международных проектов с участием архивистов Республики Беларусь.

В частности, в рамках программы Российско-белорусской комиссии Федерального архивного агентства и Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь по изданию документальных сборников об экономических отношениях России и Беларуси, при поддержке фонда «Историческая память», уже увидели свет такие сборники документов, как «Восстановление сельского хозяйства Беларуси. 1943—1945 гг.» и «Восстановление сельского хозяйства Беларуси. 1946—1950 гг.», общим объемом более 100 п. л.*

В настоящее время готовятся к изданию сборники о восстановлении промышленности Белорусской ССР в послевоенные годы, а также о социальной политике в советской Беларуси в послевоенный период.

Данная работа по линии Росархива осуществляется совместными усилиями центральных архивов России и Национального архива Республики Беларусь и курируется Российским государственным архивом экономики во

---

* Восстановление сельского хозяйства Беларуси. 1943—1945 : документы и материалы. — Минск : НАРБ, 2018; Восстановление сельского хозяйства Беларуси. 1946—1950 : документы и материалы. — Минск : НАРБ, 2023.

взаимодействии с Центром экономической истории Института российской истории РАН.

Каковы могут быть перспективы дальнейшего сотрудничества архивистов России и Республики Беларусь в публикаторской деятельности?

Прежде всего сотрудничество может быть связано с документальным освещением актуальных тем социально-экономической истории России и Республики Беларусь, причем с основным акцентом на взаимодействие в этой сфере народов двух стран в исторической ретроспективе.

Акцентирование внимания на данной проблематике российских и белорусских архивистов в настоящий момент вполне назрело, так как проведена и в целом завершена в крупном формате огромная работа по изданию фундаментальных сборников документов о Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Конечно, она продолжится и дальше, например, в возможном проекте по документальному освещению деятельности Центрального штаба партизанского движения в Беларуси, важнейшие документы которого еще не опубликованы. Но за войной на белорусскую землю пришел мир, и тема мирного созидательного труда по превращению Беларуси в один из наиболее развитых форпостов экономики Советского Союза должна найти достойное освещение.

Причем в этой теме есть сюжеты, заслуживающие самого пристального внимания, глубокого и всестороннего документального освещения. Например, можно обратиться к одной из самых светлых и жизнеутверждающих страниц советской истории и истории Беларуси — личности Кирилла Прокофьевича Орловского — Героя Советского Союза и Социалистического Труда, инвалида Великой Отечественной войны, создавшего в Беларуси первый в СССР колхоз-миллионер, образ которого блестяще отразил в культовом советском фильме «Председатель» Михаил Ульянов, получивший за эту роль Ленинскую премию. Совместными усилиями может быть подготовлен сборник документов и материалов об Орловском, других героях сельского труда Беларуси, передовых хозяйствах или, как принято говорить, «маяках» республики, включая современные хозяйства. Через историю Орловского, его колхоза и других лучших хозяйств Беларуси будет рассказано, как возрождались после войны и крепла белорусская деревня, что позволит лучше понять широкой общественности феномен успеха современной аграрной экономики республики. При этом задействованные документы российских архивов покажут, что подобные успехи белорусской экономики в немалой степени были связаны с политикой союзного центра по ее поддержке, а это, в свою очередь, станет еще одним аргументом в пользу неслучайности и закономерности современного взаимовыгодного сотрудничества России и Беларуси во всех сферах межгосударственных отношений.

Развивая эту линию, в качестве актуальной темы документального освещения социально-экономической истории России и Республики Беларусь

может стать совместная работа архивистов двух стран над серийным документальным (а затем и монографическим) изданием о современных флагманах белорусской индустрии. Это могут быть отдельные сборники о таких промышленных гигантах Беларуси, как БелАЗ, МАЗ, Минский тракторный завод и др. Возможен и вариант единого многотомного документального издания. В случае реализации проекта в подготовленных сборниках на основе разнообразных и достоверных документов российских и белорусских архивов будет показано плодотворное сотрудничество союзного центра и республиканского руководства Беларуси в создании гигантов белорусской индустрии. Как и в случае с документальными изданиями о послевоенном сельском хозяйстве Беларуси и его тружениках, это также позволит на новых материалах обосновать историческую закономерность братских отношений между народами Беларуси и России, создания Союзного государства.

Таким образом, с помощью документального освещения важнейших аспектов социально-экономической истории советской Беларуси будут получены новые знания о послевоенном мире на белорусской земле.

Следует отметить, что существуют и другие недостаточно изученные темы социально-экономической истории двух стран, которые также могут стать предметом документального освещения российскими и белорусскими архивистами. Они выводят нас на проблему исторической обусловленности создания Союзного государства и дружбы народов России и Беларуси. Это формирование в дореволюционный, имперский период тесных двусторонних экономических связей и их региональных особенностей.

В частности, можно предложить белорусским коллегам заняться картографией XVII—XVIII вв. территории Беларуси на основе документов из Межевого архива и картографической коллекции Московского главного архива Министерства иностранных дел в составе Российского государственного архива древних актов. Плюс книги Литовской метрики, городовые книги белорусских городов и т. д.

Очень интересными могут быть совместные публикации документов по истории русско-белорусских экономических контактов в XVII в. Например, по таким темам, как «Рославльские сукна в пожалованиях Казенного двора в первые годы правления царя Михаила Федоровича. 1613—1624 гг.»; «Пожалования на Казенном дворе литвинов и “белорусцов”, выехавших “на государево имя” в 1613—1624 гг.»; «Крестьянские переходы на пусторжевском, луцком и торопецком участках литовской границы в 1620—1630-е гг.»; «Вопрос об арестованных в Дорогобуже литовских купцах на русско-польских переговорах о ратификации перемирия в 1591—1592 гг.»; «Поездки луцких и торопецких торговых людей в ВКЛ, а литовских — на Луки Великие и Торопец между Смутой и Смоленской войной. 1619—1632 гг.»; «Сопрут 1612 г. о соотношении польских злотых к московским деньгам и валютам других соседних государств» и др.

Уникальным и доступным источником по истории отмены крепостного права и сельского хозяйства во второй половине XIX в. на территории современной Беларуси и соседней Псковской области России являются выкупные документы Главного выкупного учреждения России, отсканированные и доступные для анализа в фонде 577 Российского государственного исторического архива. Этот анализ даст много интересного в плане объяснения особенностей пореформенного развития белорусских губерний и примыкающих к ним российских. Они помогут лучше понять причины отсутствия у белорусских крестьян и народа в целом ярко выраженных антироссийских настроений по сравнению с подобными настроениями в других близлежащих регионах.

Таким образом, у российских и белорусских архивистов имеется большой потенциал совместной работы по изданию документов на актуальные и волнующие широкую общественность темы, связанные с социально-экономической историей двух стран, особенно послевоенного периода.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.09.2023.

С. В. Кулинок,

заведующий отделом публикаций государственного учреждения

«Национальный архив Республики Беларусь»,

кандидат исторических наук;

e-mail: svkulinok@tut.by

О СОВМЕСТНОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ) является флагом публикации отрасли Беларуси, и в этой деятельности важное место занимает сотрудничество с российскими архивными учреждениями. Это взаимодействие продолжается более двух десятилетий, и его результатом стала подготовка около 30 сборников документов, а также более 10 иных издательских проектов (путеводителей, альбомов, каталогов).

На наш взгляд, правомерно по истечении такого длительного срока взаимодействия определить и некоторые особенности этого процесса:

системность и регулярность — одна из важнейших характеристик взаимодействия. Это прослеживается как на вертикальном уровне, то есть в тесном взаимодействии руководящих архивных органов — Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и Федерального архивного агентства, так и на горизонтальном уровне — это взаимодействие НАРБ с различными архивными учреждениями России: Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ), Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ), Российским государственным архивом экономики (РГАЭ), Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ), а также с архивами регионального уровня — Пермским государственным архивом социально-политической истории (ПермГАСПИ), Национальным архивом Республики Карелия (НАРК) и др.;

взаимная инициативность. Инициаторами сотрудничества по проектам выступают обе стороны;

видовое разнообразие издательских проектов (сборники документов, справочники, путеводители, альбомы, буклеты, каталоги);

многовекторность.

Магистральным направлением, как в работе НАРБ, так и в совместной работе с российскими архивистами, является тема Великой Отечественной войны. Опубликовано более 15 совместных изданий по различным аспектам событий 1941—1945 гг. [7; 8; 15; 17; 18; 20] и др. Вместе с этим, значительное место в совместной издательской деятельности занимают сюжеты, связанные с общественно-политической и культурной историей нашей республики [9; 10; 11; 14; 16; 19; 21; 22].

Говоря об основных достижениях совместной издательской деятельности, остановимся на двух фундаментальных серийных проектах. Первый — это 6-томный сборник документов «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны» [1—6]. Проект «Без срока давности. Беларусь» стал продолжением одноименного проекта, реализованного в Российской Федерации к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В нашей республике этот проект стал, фактически, общearchивным. И хотя основная нагрузка по его подготовке легла на плечи НАРБ и отдела публикаций, значительное участие в нем приняли и другие архивные учреждения. Большую координационную работу на протяжении двух лет осуществлял Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

В шести книгах проекта опубликовано более 1000 документов, большая часть из которых впервые введена в научный оборот. Значительным подспорьем в работе над сборниками стали материалы ЧКГ из фондов ГАРФ. Не менее ценными с научной точки зрения являются приложения к каждой из шести книг: места массового уничтожения евреев, списки мест принудительного содержания гражданского населения, списки наиболее крупных карательных операций и списки сельских населенных пунктов, уничтоженных и сожженных оккупантами в годы войны на территории каждой из областей Республики Беларусь.

Отмечу, что серия «Без срока давности. Беларусь» продолжает свое развитие. В настоящее время завершается подготовка рукописи обобщающего тома по Беларуси. При личной поддержке Министра юстиции Республики Беларусь С. Н. Хоменко и директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь О. Л. Воинова планируется опубликовать этот сборник как социально значимое издание в 2024 г. — в годовщину полного освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Готовится рукопись сборника документов и материалов «Без срока давности. Беларусь. Минский процесс».

Второй фундаментальный проект, который сейчас реализуется совместными усилиями белорусских и российских архивистов, связан с восстановлением народного хозяйства БССР в первые послевоенные годы. Когда он задумывался, было принято решение сделать сборник документов, который объединил бы под одной обложкой материалы по восстановлению сельского хозяйства, промышленности и социальной сферы. Однако, когда началось выявление документов, стало понятно, что их объем, научная значимость и информативность настолько велики, что в один сборник такой материал не влезет. Было принято решение разделить проект на направления.

В 2018 г. вышел первый сборник этой серии «Восстановление сельского хозяйства Беларуси : 1943—1945» [12]. В августе текущего года увидело свет продолжение серии — «Восстановление сельского хозяйства Беларуси : 1946—1950» [13]. Это почти 1000-страничное издание, куда вошло 265 документов, в том числе 169 — из НАРБ, 74 — из ГАРФ, 29 — из РГАЭ и 14 — из РГАСПИ. Отметим наличие иллюстративного материала, который был предоставлен из фондов Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов. Работа над сборником велась более 3-х лет. Это очень объемный и сложный проект с точки зрения археографической и публикационной работы. Особенностью подготовки этого издания было участие в проекте не только архивистов, но и представителей академической науки как с белорусской, так и с российской стороны.

Говоря о ближайших перспективах в издательской деятельности, отметим, что уже подготовлен рабочий вариант рукописи сборника документов по восстановлению промышленности Беларуси в 1943—1950 гг. Сейчас ведется работа по подготовке научно-справочного аппарата, исторического предисловия, корректура, редактура текста. Завершением этой серии станет сборник по восстановлению социальной сферы БССР.

Еще один совместный белорусско-российский издательский проект планируется подготовить в 2025 г., к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В марте 2022 г. в НАРБ состоялся визит российской делегации во главе с Государственным секретарем Союзного государства Д. Ф. Мезенцевым и руководителем Росархива А. Н. Артизовым. Было предложено подготовить совместными усилиями сборник документов по карательным операциям на белорусско-российском пограничье в 1942—1944 гг. Было определено 10 наиболее крупных и кровавых карательных операций, которые, к сожалению, на сегодняшний день недостаточно изучены ни в белорусской, ни в российской историографии.

На сегодняшний день подготовлен рабочий вариант документальной части сборника. В рукопись уже включено более 830 документов, больше половины из которых — немецкие.

В настоящее время российскими коллегами ведется выявление архивных материалов для включения их в указанный сборник. Общий объем рукописи уже составляет более 1700 страниц (без учета НСА). Еще предстоит проанализировать возможный формат издания. Возможно, целесообразно его будет сделать в двух книгах.

Подводя итог, отметим, что сотрудничество НАРБ с российскими архивами в издательской деятельности имеет долгие традиции и в настоящее время значительно активизировалось. Готовятся серийные издания как по истории Великой Отечественной войны, так и по сугубо «мирным» темам.

Литература и источники

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область : сб. арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2022. — 484 с.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область : сборник арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2020. — 932.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сборник арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2021. — 576 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область : сборник арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2021. — 268 с.
5. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область : сб. арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2022. — 784 с.
6. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область : сборник арх. док. и материалов. — Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Ист. память», 2021. — 576 с.
7. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941 г.) : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2006. — 458 с.
8. Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь—декабрь 1942 года : док. и материалы. — Минск : БелЭН, 2017. — 464 с.
9. Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны, 1916—1918 гг. : межархив. справ. — Минск : НАРБ, 2008. — 90 с.
10. Белорусы в Карелии, 1940—1944 гг.: док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2020. — 112 с.
11. Возрожденный из руин : восстановление и развитие Минска в 1944—1955 гг. : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2017. — 435 с.
12. Восстановление сельского хозяйства Беларуси : 1943—1945 : документы и материалы. — Минск : НАРБ, 2018. — 648 с.
13. Восстановление сельского хозяйства Беларуси : 1946—1950 : документы и материалы. — Минск : НАРБ, 2023. — 924 с.
14. Гомельская губерния, 1919—1926 гг.: док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2009. — 270 с.
15. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2010. — 272 с.
16. Документы Национального архива Республики Беларусь о чехословацком кризисе 1968 года : справочник. — Минск : НАРБ, 2008. — 176 с.

17. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май—июнь 1944 г. : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2020. — 712 с.
18. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май—июнь 1943 г. : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2018. — 636 с.
19. Купала і Колас, вы нас гадавалі : дак. и матэрыялы : у 2 кн. Кн. 1 : 1909—1939 гг. — Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. — 384 с.
20. Освобожденная Беларусь: док. и материалы : в 2 кн. Кн. 1: Сентябрь 1943 — декабрь 1944; Кн. 2. Январь—декабрь 1945: документы и материалы. — Минск : НАРБ, 2004—2005. — 398 с., 506 с.
21. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. — 1956 г. : дак. і матэрыялы : у 2 кн. — Мінск : Беларус. навука, 2009. — 340 с., 301 с.
22. Чернобыль, 26 апреля 1986 — декабрь 1991: док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2006. — 484 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.10.2023.

С. В. Штукова,
*директор федерального казенного учреждения
«Российский государственный исторический архив»,
кандидат социологических наук*

АРХИВ И АРХИВИСТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА В ГОРОДЕ ЛЕНИНГРАДЕ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Деятельность архивов играет важную роль в жизни общества как гарант сохранения исторической памяти, культурного наследия, а, значит, и общественного достояния страны, региона, города, истории отдельно взятой социальной общности, группы, семьи. Современная архивная система Российской Федерации переходит на новый этап своего развития, связанный с ростом интереса к историко-культурному наследию и генеалогическим исследованиям. Несмотря на то что архивное дело старается «идти в ногу со временем», его основные задачи остались прежними, и основополагающей из них является сохранение бумажного документа. Тем не менее работа и ежедневный труд самих архивистов, участие их в жизни общества также со временем становятся историей. Документальные материалы, рассказывающие о многолетнем вкладе архивистов в развитие архивной отрасли, также бережно хранятся. В Российском государственном историческом архиве имеется свой архив, и сегодня я хотела бы остановиться на одной из самых тяжелых и трагичных страниц в жизни и деятельности сотрудников — времени блокады Ленинграда.

Великая Отечественная война застала архив в период реформирования. Два центральных архива — Архив народного хозяйства и Архив внутренней политики, культуры и быта — были объединены. На их основе был образован Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ). Фактическое слияние двух архивов произошло 14 мая 1941 г.

Война коренным образом изменила налаженную работу. В первую очередь было необходимо сохранить документальное наследие страны и организовать научное использование документальных богатств в целях победы над фашистской Германией. В этом же направлении должна была развиваться публицистическая, справочная и агитмассовая работа.

Битва за Ленинград началась 10 июля 1941 г., а к 8 сентября город был полностью окружен. Эвакуация наиболее ценных архивных документов из Ленинграда, в том числе и документов ЦГИАЛ, происходила с 20 по 21 июля 1941 г. В обязательном порядке вывозились учетные документы и научно-справочный аппарат архивов. В г. Чкалов — ныне Оренбург — было вывезено 3617 упаковок. Таким образом, была вывезена далеко не основная и даже не большая часть документов.

В первые дни войны многие архивисты ушли на фронт, были направлены на работы по строительству оборонительных сооружений по защите

города. Одним из первых добровольцем в действующую армию ушел начальник ЦГИАЛ А. Г. Шапиро.

В связи с блокадой в городе был введен жесткий лимит на электроэнергию и топливо. Большинство учреждений не отапливалось. Движение городского транспорта остановилось. А впереди была холодная и голодная зима. Архивисты жили на казарменном положении. Сотрудник ЦГИАЛ И. Ф. Петровская вспоминала: «В архиве долго были свет, вода, канализация, дольше, чем в частных домах. Жили одной семьей, одним коллективом — ни с чем не сравнимое благо в блокаду. Топилась плита, так как дрова для архива были запасены. На ней кипятили воду, подсушивали маленькими кусочками сырой и липкий блокадный хлеб, который в подсушенном виде дольше сохранял вкус и запах хлеба. Сотрудников держали на довольствии, выдавали готовые обеды. Была открытием мучная каша из ржаной муки, она казалась поразительно вкусной. Общезнание, естественно, делилось на мужское и женское».

С ноября 1941 г. ухудшилось продовольственное снабжение города. Было отключено электричество и отопление, стал замерзать водопровод. Голод, холод, вражеские обстрелы и бомбежки, отсутствие транспорта, света и воды — все это резко негативно отразилось на сотрудниках архива. За короткий срок около 80% работающих в архиве мужчин умерли от истощения. С 1 декабря 1941 г. по февраль 1942 г. умерли 14 мужчин и 2 женщины, в том числе крупные специалисты-архивисты. Весной 1942 г. в тяжелом состоянии находился В. К. Лукомский.

С первых же дней войны силами сотрудников были приняты все меры к обеспечению зданий архива защитными средствами и организована охрана. На чердаки было поднято 150 кубометров песка. Здания архива неоднократно подвергались артиллерийским обстрелам. 14 прямых попаданий артиллерийских снарядов нанесли существенный ущерб архивным документам.

18 сентября 1941 г. в здание бывшего Сената попало несколько снарядов. В результате одновременно загорелись хранилища 3-го и 2-го этажей, где размещались фонды Министерства путей сообщения и Министерства финансов. Возникший пожар сразу же охватил большую площадь.

В борьбу с огнем, которая продолжалась почти сутки, включились все сотрудники архива. Петровская вспоминала: «Увидела пожар, выходя из университета. Бежала по Университетской набережной, по Дворцовому мосту, Адмиралтейской набережной не останавливаясь, как может бежать мать для спасения своего ребенка. Влилась в ряды сотрудников, таких родных, спасающих по цепочке связки архивных дел от огня и воды пожарных».

Для того чтобы локализовать распространение пожара, архивные дела выносились прямо во двор, где после пожара оказалась целая гора подмоченных документов. Потребовалось немало усилий и труда, чтобы разобрать эту гору, просушить дела, разместить их в безопасном месте.

13 ноября 1941 г. в здание архива на набережной Красного флота, где находились библиотека, читальный зал и рабочие комнаты сотрудников, попала фугасная бомба. Были пробиты часть фасадной стены и купол главной лестничной клетки. Двое архивистов, дежуривших на крыше, получили ранения.

В результате действия взрывной волны были вырваны и разбиты все оконные рамы и двери в помещениях, расположенных по фасадной части здания. Были выбиты стекла в архивохранилищах.

Часть мебели и инвентаря в помещениях научно-справочной библиотеки была повреждена.

2 января 1944 г. во время артиллерийского обстрела в 10—15 метрах от архива разорвался артиллерийский снаряд. От взрывной волны произошло сотрясение зданий, вылетело 788 стекол из 53 окон.

Все работы по ремонту зданий ложились на плечи истощенных голодом архивистов. Производились работы по разборке завалов, забивке оконных проемов досками и фанерой.

Для сохранения архивных материалов от вражеских бомбардировок и обстрелов было решено, насколько возможно, переместить оставшиеся фонды с верхних этажей на нижние. Наиболее ценные фонды были сложены на освободившиеся после эвакуации свободные места на стеллажах и в проходах. Всего было перемещено около 50 тысяч связок.

На всем протяжении войны проводилась научная работа по выявлению документов по запросам органов власти в интересах обороны страны. В суровых условиях блокады архивистами были выявлены документы о режиме Ладожского озера, которые помогли организации «Дороги жизни», связавшей осажденный город с Большой землей. Были подготовлены исторические справки о наградной системе России, о железных дорогах, о борьбе с детской преступностью.

Для помощи в освобождении территорий, захваченных немецкими оккупантами, проводилось выявление сведений по истории строительства и сооружения железных дорог Польши, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Германии. Были выявлены материалы, необходимые для восстановления и реставрации дворцов, садов, парков городов Ораниенбаума, Пушкина, Стрельны, Петродворца.

Начались работы по переходу архива к мирной жизни, по подготовке к возвращению архивных документов из г. Чкалова. С августа месяца в ЦГИАЛ заработал читальный зал.

Началось масштабное восстановление архивных зданий.

С 1945 г. к восстановительным работам архива привлекались до 100 человек немецких военнопленных, которые проживали в подвальных помещениях здания Сената.

Началось размещение возвращавшихся из эвакуации документов. Документальному наследию, хранившемуся в РГИА в годы войны, был нанесен огромный ущерб. Погибло 138 фондов, более 100 000 единиц хранения.

В 1946 г. был разработан перспективный план упорядочения материалов, который предусматривал их научно-техническую обработку, проверку наличия и состояния.

Благодаря самоотверженному труду работников архива в условиях блокады, образцового выполнения ими возложенных задач, профессионализма, удалось отстоять архив от полного уничтожения и сохранить для потомков документы периода Российской империи, в том числе по истории белорусских земель с конца XVIII в. до 1917 г.: подлинные именные указы императоров, документы о народном образовании, периодической печати, литературе, театре, кино, римско-католических, греко-униатских и православных церквях, об устройстве местных архивов, о пребывании императоров в царской резиденции в Беловежской пуще.

Подвиг архивистов ЦГИАЛ в годы блокады Ленинграда стал настоящим символом мужества и героизма. Они внесли свой вклад в дело победы над врагом в годы Великой Отечественной войны, показали образцы стойкости, выдержки и патриотизма.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.09.2023.

П. А. Кюнг,
*директор федерального бюджетного учреждения
«Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»,
кандидат исторических наук*

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫМИ АУДИОВИЗУАЛЬНЫМИ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ

По данным паспортизации федеральных государственных архивов 01.01.2022 объем электронных документов, принятых на государственное хранение, по сравнению с паспортизацией на 01.01.2019 увеличился в 5 раз с 0,02% от общего объема хранящихся документов до 0,1%. Нужно отметить, что в основном они представлены аудиовизуальными документами, как полученными архивами от источников комплектования, так и созданными в ходе инициативного документирования.

По данным паспортизации архивов организаций, осуществляющих временное и депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, по состоянию на 01.12.2021* объем электронных документов (в паспорте они обозначены машиночитаемыми документами — МЧД), входящих в состав Архивного фонда Российской Федерации, находящихся на временном и депозитарном хранении, составил 4 433 771 ед. хр.

Отдельно в паспортизации архивов организаций выделены:

научно-технические документы — 37 282 852 ед. хр. или 15% от общего объема документов,

фотодокументы — 46 176 630 ед. хр. или 18,5%,

кинодокументы — 115 594 ед. хр. или 0,05%,

фонодокументы — 467 357 ед. хр. или 0,2%,

видеодокументы — 241 325 ед. хр. или 0,09%.

К сожалению, организации, осуществляющие создание и хранение документов, не всегда точно указывают вид документации. Поэтому электронные аудиовизуальные и научно-технические документы будут присутствовать и в категории МЧД, и в видовых категориях.

Неясность в отнесении электронных аудиовизуальных (ЭАВД) и научно-технических документов (ЭНТД) к электронным документам или к соответствующим системам документации требует уточнения терминологических вопросов. В ходе научно-исследовательской работы ВНИИДАД, выполняемой в рамках плана научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ 2023 г. (утв. приказом Росархива № 130 от 27.10.2022), «Электронные аудиовизуальные и научно-технические документы как объекты архивного хране-

* <https://archives.gov.ru/reporting/spravka-passportization-2022.shtml>.

ния» были выработаны определения электронной аудиовизуальной и научно-технической документации, отражающие подходы к пониманию их как мега-систем, включающих в себя другие системы документации. Так, аудиовизуальная документация является обобщающим понятием для кино-, фото- и фонодокументов. Научно-техническая документация включает в себя системы конструкторской, технологической, проектной и других систем документации.

В рамках терминологии также было необходимо отразить определенную неоднозначность понимания электронной природы аудиовизуальных и научно-технических документов. В частности то, что аналоговые аудиовизуальные документы могут быть зафиксированы на электронных носителях (Audio CD), а научно-технические документы могут быть преобразованы из аналоговой в цифровую форму с сохранением юридической значимости и с получением права подлинника. В результате были сформулированы приведенные ниже определения, требующие, безусловно, дальнейшего обсуждения:

аудиовизуальные документы на электронных носителях — документы, представленные в электронной форме, содержащие изобразительную и/или звуковую информацию;

электронные аудиовизуальные документы — электронные документы, содержащие изобразительную и/или звуковую информацию;

научно-техническая документация — совокупность документов и документированной информации (наборов данных), фиксирующих процесс и результаты научной (научно-исследовательской), научно-технической деятельности и экспериментальных разработок, а также направления, методы и процессы их внедрения, реализации и контроля;

электронные научно-технические документы — электронные документы, относящиеся к одной из систем, включаемых в научно-техническую документацию, оформленные с соблюдением требований законодательства Российской Федерации и положений государственных стандартов соответствующей системы документации, включая преобразованные электронные документы*.

Хотя мы не можем сейчас получить точные статистические данные об объемах аудиовизуального и научно-технического документирования, можно провести анализ их состояния и перспектив развития.

В аудиовизуальной сфере, хотя аналоговые кинофотофонодокументы продолжают создаваться, они перестали быть массовыми и являются скорее исключением из правил. Так, на 1 января 2023 г. все кинотеатры Российской Федерации были цифровыми**. Пленочные кинопроекторы остаются лишь в единичных кинотеатрах и не используются для регулярных показов. В Рос-

---

* Созданные путем оцифрования бумажного подлинника с присвоением полученной электронной копии статуса подлинника в соответствии с ГОСТ 2.001-2013 Единая система конструкторской документации. Общие положения.

** Digital cinema screens in Russia 2009—2023 // <https://www.statista.com/statistics/440214/digital-cinema-screens-in-russia/>.

сиейской Федерации завершен процесс перехода на цифровое вещание телевидения*, весь контент создается исключительно в цифровой форме.

Также практически не ведется и фото-, фонодокументирование в аналоговой форме. Хотя производство фотопленки и необходимых реактивов продолжается**, пленочная фотография стала скорее хобби, чем профессией. В области записи звука мы наблюдаем исчезновение записи аналогового звука на магнитных носителях, хотя растет выпуск аналоговых записей на виниловых дисках, продажи которых в прошлом году превысили продажи цифровых записей на компакт-дисках (41,3 млн пластинок против 33,4 млн компакт-дисков). Но при этом 90% в стоимостном выражении продаж звукозаписей пришлось не на физические носители, а на предоставление онлайн по подписке***.

Это означает, что в архивы организаций — источников комплектования кинофотофонодокументы в настоящее время поступают почти исключительно в электронной форме.

В научно-технической сфере мы наблюдаем полный переход к проектированию в электронной форме. Но непосредственно документирование осуществляется пока и в бумажной, и в электронной формах. Это связано с трудностями при передаче электронных проектных и конструкторских документов от разработчика заказчику, а также с поддержанием актуальности электронных подписей. Тем не менее мы наблюдаем поступательное расширение использования именно ЭНТД. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 05.03.2007 № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) проектные документы на государственную экспертизу могут быть представлены и в бумажной, и в электронной формах. Также проектные документы могут быть сформированы в виде информационной модели****.

Активно развиваются информационные системы в научно-технической сфере, предполагающие прием, обработку и хранение научно-технической документации в электронной форме. Так, в области строительства Минстроем России создана «Информационная система управления проектами государственного заказчика в сфере строительства» — облачная информационная систе-

---

* История перехода на цифровое телевидение в России // <https://tass.ru/info/6997242>.

** Kodak будет производить пленку до тех пор, «пока есть спрос» // <https://prophotos.ru/news/23819-kodak-budet-proizvodit-plyonku-do-teh-por-poka-est-spros>; Fujifilm увеличивает производство фотопленки Instax // ИА Красная Весна <https://rossaprimavera.ru/news/ac05e750>.

*** Продажи виниловых пластинок впервые превысили продажи компакт-дисков // iXBT.com <https://www.ixbt.com/news/2023/03/11/prodazhi-vinilovyh-plastinok-vpervye-prevysili-prodazhi-kompaktdiskov.html>, 11 марта 2023 г.

**** Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 27 марта 2023 г. № 16218-НП/14.

ма, позволяющая сопровождать реализацию строительных проектов на этапе их планирования, проектирования и строительства, обеспечивающая в том числе ведение информационной модели*. В рамках государственной экспертизы проектной документации создана АИС «Главгосэкспертиза»**. В научно-исследовательской сфере действует Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения***, которая предполагает размещение в ней не только научных отчетов в формате pdf, но и 3D-моделей.

Внедрение цифровых технологий в научно-техническую и производственную деятельность приводит к образованию новых видов документов, существование которых возможно исключительно в электронной форме (электронный макет изделия, электронная модель изделия и объекта, электронное дело изделия, пространственные данные, цифровая основа и т. д.), росту разнообразия используемых форматов и носителей.

Сегодня мы можем говорить о том, что государственные архивы уже накопили определенный практический опыт работы с ЭАВД. Проведена достаточно серьезная работа и в методическом плане****. Практически во всех архивах, осуществляющих прием и хранение ЭАВД, есть методические разработки, инструктивные документы по их приему, учету и описанию. В силу разнообра-

---

* <https://roskapstroy.ru/proekty/infomatsionnaya-sistema-upravleniya-proektami/>.

** <https://uslugi.gge.ru/>.

*** <https://rosrid.ru/>.

**** Регламент приема-передачи видеодокументов на постоянное государственное хранение в Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) // <http://www.rgakfd.ru/poryadok-priyoma-peredachi-videodokumentov-na-postoyannoe-hranenie>.

Порядок приема-передачи на постоянное хранение фотодокументов, созданных в электронном формате / ФКУ «Российский государственный архив кинофотодокументов» (РГАКФД). — Красноярск, 2013.

Методические рекомендации по приему и описанию фотодокументов, в том числе в цифровом виде / Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области». — Новосибирск, 2016.

Порядок отбора, приема, учета фото- и видеодокументов, созданных в цифровом формате: метод. рекомендации / ГА Хабар. кр. — Хабаровск, 2003.

Методические рекомендации Государственного архива Курской области по работе с фотодокументами на электронных носителях для областных государственных архивных учреждений и муниципальных архивов Курской области / ГА Курск. обл. — Курск, 2007.

Описание и техническое оформление фотодокументов и видеодокументов в государственном казенном учреждении Свердловской области «Центр документации общественных организаций Свердловской области»: памятка / Управление архивами Свердловской области, Государственное казенное учреждение Свердловской области «Центр документации общественных организаций Свердловской области»; сост.: О.А. Колчина, Е.В. Кирсанов. — Екатеринбург, 2017.

зия, а также частой смены форматов ЭАВД, изменения технологий их документирования и воспроизведения этот опыт требует обобщения и анализа.

В отношении ЭНТД на настоящий момент мы не можем говорить о наличии у государственных архивов опыта по их хранению в оригинальных форматах, тем более с электронными подписями. Это означает, что необходимо провести оценку возможностей архивов по работе с ЭНТД, изучить опыт организаций — источников комплектования в этой сфере.

На настоящий момент положения по работе с ЭАВД и ЭНТД включены в основные нормативные документы в области архивного дела:

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования научно-технической документации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, утв. приказом Росархива от 09.12.2020 № 155 (Правила НТД);

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях, утв. приказом Росархива от 31 июля 2023 г. № 77 (Правила 2023).

Так, для ЭАВД в Правилах 2023 установлено, что электронный аудиовизуальный документ состоит из файла электронного документа и файла метаданных. При необходимости в состав файлов электронного аудиовизуального документа включается файл экземпляра электронного документа, полученного в результате конвертации, и файл его метаданных (при наличии). ЭАВД передаются на архивное хранение в форматах, в которых они созданы и (или) использовались до передачи. В процессе передачи на архивное хранение проверяется возможность их воспроизведения.

В случае невозможности воспроизведения электронных аудиовизуальных документов техническими средствами и программным обеспечением архива и невозможности приобретения таких средств и обеспечения производится конвертация электронных аудиовизуальных документов в форматы, при конвертации в которые обеспечиваются минимальные потери качества по сравнению с исходным вариантом и воспроизведение файлов.

Правила НТД устанавливают, что ЭНТД передается в составе пакета электронных документов, содержащего: комплект электронной НТД, состоящий из одного или нескольких контейнеров электронных документов, включающих основную часть и реквизитную часть (метаданные) документа(ов), файлы электронных подписей и визуализированные копии документов, электронную структуру изделия, проекта (если предусмотрено государственными (межгосударственными) стандартами, применяемыми в организации), справочники, наборы данных, подлежащих включению в НТД, электронные библиотеки, справочники и классификаторы (или их фрагменты), позволяющие представить в визуальном воспринимаемом виде все кодированные элементы пакета электронных данных. Пакет электронных данных заверяется электронной под-

писью работника, обеспечивающего передачу электронной НТД, в соответствии с локальными нормативными актами организации, договорами (соглашениями) об электронном взаимодействии. Форматы файлов, формат передачи данных и состав сопроводительной документации, необходимой для дальнейшего воспроизведения и обеспечения сохранности электронной НТД, согласовываются с соответствующим государственным (муниципальным) архивом.

Можно определить основные проблемы, требующие дальнейшего изучения для обеспечения работы архивов с электронными аудиовизуальными и научно-техническими документами:

Проблема форматов файлов. Нужно ли хранить файлы ЭАВД и ЭНТД в форматах создания? Как определить перспективный с точки зрения последующего хранения формат файлов электронных АВД и НТД? Если мы конвертируем файл в другой формат, то будет ли это тот же документ?

Проблема носителей. Перенос файлов ЭАВД и ЭНТД с носителя на носитель — это изменение документа или нет?

Проблема интерпретации содержимого. Что делать, если содержимое ЭАВД и ЭНТД отображается различно при использовании программного обеспечения, отличающегося от того, в котором они были созданы?

Проблема комплекта. Какой набор файлов и сопроводительной документации входит в комплект ЭАВД и ЭНТД? Можем ли мы ограничиться приемом на хранение только файла, содержащего аудиовизуальную или научно-техническую информацию, или его обязательно должен сопровождать файл с метаданными и/или иные сопроводительные материалы?

Проблема удостоверения. Как удостоверить подлинность ЭАВД и ЭНТД?

Проблема метаданных. Как определить состав метаданных файлов и информации ЭАВД и ЭНТД в соответствии с потребностями архивов?

Артикул паступіў у рэдакцыю 13.10.2023.

М. Ф. Шумейко,
*ведущий научный сотрудник учреждения
«Белорусский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: jesti@inbox.ru*

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Взаимодействие во многом родственных институций, возникших в глубокой древности и призванных сохранять память о прошлом, представляется крайне важным в эпоху информационного общества, когда существующие и продолжающиеся создаваться технологические возможности стимулируют процессы размывания границ ответственности этих институций, способствуют созданию гибридных форм (библиотек и музеев, хранящих архивы; архивов, собирающих музейные предметы; тех, других и третьих, занимающихся выставочной деятельностью) [подр. об этом см.: 2, с. 16]. Укажем в качестве примера на продолжающий реализовываться Национальным архивом Республики Беларусь совместно с Издательским домом «Беларусь сегодня» информационный интернет-портал «Партизаны Беларуси» (<https://partizany.by>), удостоенный в 2022 г. специальной премии Президента Республики Беларусь, или завершенный проект Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (совместно с БелТА) «Партизанская летопись. Рукописные партизанские журналы» (Letopis.belta.by), вызвавший большой интерес, и не только среди научного сообщества Беларуси.

Примером успешного взаимодействия архивных и библиотечных учреждений шести стран, включая Беларусь, стало включение в 2009 г. в регистр ЮНЕСКО «Память мира» архивно-библиотечного собрания кн. Радзивиллов. В 2017 г. в результате совместной работы Национальной библиотеки Беларуси (НББ), витебских областных библиотеки и краеведческого музея, Национального исторического архива Беларуси, при участии исторического факультета БГУ было подготовлено мультимедийное издание «Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909—1919): документы и материал», в котором представлены биобиблиографические материалы комиссии, цифровые копии ее изданий, архивных документов, музейных экспонатов, имеющих отношение к ее деятельности, и др.

Говоря о гибридных формах хранения информации, отметим существующие с 1960-х гг. в Беларуси и Украине республиканские архивы литературы и искусства, взявшие с 1970-х гг. на себя еще и исполнение функций музеев.

С учетом сказанного можно утверждать о происходящем ныне своеобразном «возвращении в прошлое» (разумеется, с учетом совершившихся в мире в течение нескольких веков изменений технологического характера),

т. е. к существовавшему на эмпирическом этапе истории архивоведческих знаний представлению об архиве, библиотеке, музее как едином конгломерате документов, отбираемых для хранения по субъективным причинам. На это, кстати говоря, обращает внимание современный российский архивовед, прослеживая генезис и развитие самого понятия «архив», а также анализируя процесс его выделения из системы родственных учреждений (прежде всего музеев и библиотек).

Происходящая в мире «информационная революция», влияющая на изменение процессов документотворчества, последующего оперативного и ретроспективного бытования документов, вне всякого сомнения, приведет к сближению осуществляющих функции хранения документированной информации архивов, библиотек и музеев. Как отмечают современные исследователи, «вряд ли стоит в ближайшем будущем ожидать их полного слияния, но такие тенденции сейчас просматриваются» [2, с. 16]. Заметим, кстати, что трансформации одних учреждений в другие, например, музеев в библиотеки и архивы, происходили и в прошлом. Ярким примером здесь может служить преобразование в 1864 г. созданного в середине XIX в. белорусами, братьями Е. и К. Тышкевичами, Виленского музея древностей в Публичную библиотеку с рукописным при ней отделением, выполнявшем по существу функции архивного учреждения. Правда, причина этой трансформации носила не технологический, а идеологический характер.

Говоря о проблеме взаимодействия архивов, библиотек и музеев в деле сохранения социальной памяти человечества, нельзя не отметить, что организационные аспекты в ней проявляются уже с реформированием архивного дела, центральное место в котором занимало положение о создании органа по управлению им в лице Главархива, подчинявшегося Наркомпросу. Принятию этого решения предшествовала острая дискуссия, суть которой заключалась в том, что предполагаемый орган должен был распространять свои функции не только на архивные, но и на библиотечные учреждения советской России [10, с. 96—97]. По мнению современных российских архивоведов, «специалисты [имелись в виду архивисты. — М. Ш.] сразу же поняли ошибочность этого решения и с научной, и с практически-организационной точек зрения. Ведь в основах архивного и библиотечного дела лежат “информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования”» [1, с. 348; 10, с. 96].

Проблема разграничения функций архива, библиотеки, музея не снимается с повестки дня и после принятия архивного декрета. Она получила продолжение и развитие на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, состоявшейся осенью 1921 г. в Москве. Участие в ее работе принял и Д. И. Довгялло, возглавлявший Витебский губернский архив и одновременно являвшийся уполномоченным Главархива РСФСР по Витебской губернии. Это, как нам представляется, объясняет его последующие действия в части

установления взаимоотношений между архивами, библиотеками и музеями, которые опирались на положения доклада на конференции профессора Петроградского архивно-археологического института И. Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей».

Идея доклада Маяковского заключалась в том, что деятельность архивов, библиотек и музеев должна быть согласована, для чего необходимо создать межведомственное совещание представителей этих институций, которое должно разработать организационные формы сотрудничества, согласовать их работу [9, с. 117].

С точки зрения нового руководства Главархива, данная идея расценивалась не иначе как рецидив действий губернских ученых архивных комиссий, Союза (Общества) российских архивных деятелей, однозначно негативно воспринимавшихся М. Н. Покровским и его командой.

К сожалению, чрезмерная политизация архивов вела ко все большей их обособленности от библиотек и музеев, снижено и даже частичной утрате важнейших их функций — научно-информационной, источниковой и др. Инспирированное в конце 1929 г. органами госбезопасности «академическое дело» или «дело академика С. Ф. Платонова» имело своей целью не только сломить непокорную Академию наук, но и изъять из неархивных учреждений (рукописных отделов библиотек, отделов письменных источников музеев и др.) или взять на учет хранившиеся там важные в политическом отношении документы [3, с. 324—339; 5, с. 98]*.

9 декабря 1929 г. приказом руководителя Наркомпроса Беларуси в целях распределения функций между Центрархивом, Госбиблиотекой и музеями под председательством заведующего ЦАУ БССР А. Р. Иодко была создана комиссия в составе директора Госбиблиотеки БССР И. Б. Симановского и научного сотрудника Белорусского государственного музея А. В. Бурдейко с участием представителя Музея революции БССР [7, л. 43]**. Ей поручалось пересмотреть архивные, библиотечные и музейные фонды с целью распределения их по соответствующим учреждениям. В результате было принято Положение о распределении функций между органами ЦАУ, Белгосбиблиотекой и белорусскими государственными музеями и распределении между ними архивных, библиотечных и музейных материалов.

Положение обязывало все библиотеки, музеи, научные и другие учреждения, подчиненные Наркомпросу, сдать органам Центрархива все хра-

---

* Заметим, что арестованному в декабре 1937 г. в Минске директору Библиотеки БАН, бывшему до этого ученым секретарем Археографической комиссии Инбелкульты (БАН) Д. И. Довгялло вменяли в вину хранение «документа тайного архива нацменов [sic! — М. Ш.]» (подр. об этом см.: [11, с. 154]).

** По протоколам заседаний этой комиссии видно, что предназначенный для выполнения функций политцензора представитель Музея революции не участвовал в работе комиссии.

нившиеся у них архивные материалы и отдельные документы независимо от того, каким образом они туда поступили.

Важным, на наш взгляд, представлялось принятое дополнение к Положению, своего рода «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями. Последние брали на себя обязательства на основе взаимопомощи наладить дальнейшее выявление, собирание и обработку соответствующих материалов путем организации и проведения совместных экспедиций и командировок, взаимной информации о возможных источниках пополнения соответствующими материалами тех или иных учреждений.

К сожалению, этот «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями в значительной своей части так и остался своеобразной «декларацией о намерениях».

Подготовленный архивистами республики более четверти века тому назад справочник о документах Национального архивного фонда (НАФ) Республики Беларусь, хранящихся в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати, до сих пор служит едва ли не основной доступной для исследователей информацией о сегменте НАФ, сохраняемом вне пределов архивных учреждений [4]. Правда, с появлением современных средств коммуникации информация об архивных документах, сохраняемых в национальных и государственных музеях и библиотеках, представлена на их сайтах, интернет-порталах. Однако методика представления существенно отличается от той, что применяется архивными учреждениями. На это обстоятельство обращает внимание современный российский исследователь, отмечая: «в архивно-музейно-библиотечной среде существовал своеобразный “заговор молчания”, при котором архивисты старались не вмешиваться во внутренние дела музейщиков и библиотекарей, сотрудники музеев не задавали вопросов архивистам и библиотекарям, а последние смотрели сквозь пальцы на ситуацию в архивах и библиотеках» [12, с. 70]. Будучи частью НАФ Республики Беларусь, хранящиеся в музеях и библиотеках фонды и коллекции не стали по понятным причинам объектом Фондового каталога *государственных архивов* Республики Беларусь.

Принятый 18 апреля 2022 г. Закон Республики Беларусь «Об изменении Закона “Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь”» в своей 18-й ст. наделил государственные архивы республики исключительным правом постоянного хранения документов государственной части НАФ, в то время как ранее этим правом обладали также музеи и библиотеки. Послужит ли это делу улучшения сотрудничества между архивными, музейными и библиотечными учреждениями? Если не ответ на этот вопрос, то объяснение причин, повлекших принятие измененной нормы Закона «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь», содержится в комментариях руководителя архивной службы Беларуси на время принятия Закона.

В них, в частности, говорится: «В музеях и библиотеках хранится определенная, в целом не очень значительная часть документов, относящихся к государственной части НАФ. Так как в функциональные обязанности музеев и библиотек не входит обеспечение постоянного хранения архивных документов, обозначенная норма не может определяться на законодательном уровне. В этой связи вновь принятый закон четко регламентирует, что постоянное хранение документов государственной части НАФ Республики Беларусь осуществляют именно государственные архивы, а упоминание в этом контексте музеев и библиотек из законодательного акта исключено. При этом практическая реализация закрепленной в Законе нормы не означает, что те документы НАФ Республики Беларусь, которые хранятся в фондах музеев или библиотек, будут оттуда изъяты и переданы в архивы. Место хранения этих документов останется прежним».

И, завершая доклад, вновь повторимся, что в нынешних условиях проблема взаимодействия архивных, музейных, библиотечных учреждений приобрела особую актуальность. Это заметно по тем дискуссиям, которые ведутся среди архивного, музейного, библиотечного сообществ стран Центральной и Восточной Европы, интересу, вызванному проектом «Роль музеев—библиотек—архивов в информационном обеспечении исторической науки». Белорусские историки и архивисты, в меньшей степени работники музейных и библиотечных учреждений, понимая важность и значимость данной проблемы, также принимают участие в ее разработке и осмыслении. В мае 2019 г. на базе НББ состоялась Международная научно-практическая конференция «Архивы, библиотеки, музеи как институты социальной памяти человечества». Ее материалы опубликованы в 22-м вып. издаваемого НББ сборника «Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі» (Мінск, 2019). В рамках Государственной программы научных исследований на 2021—2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» выполняется НИР «Архивы, музеи, библиотеки как основа информационного обеспечения исторической науки в Республике Беларусь». Целью ее является разработка теоретических, методических и прикладных аспектов формирования и использования документального наследия, хранящегося в архивах, музеях и библиотеках Беларуси. Задачей исследования наряду с обобщением зарубежного и отечественного опыта в части изучения и использования документального наследия, хранящегося в архивах, музеях и библиотеках, является разработка методических рекомендаций по выявлению, учету, описанию и использованию в исторических исследованиях документов НАФ Республики Беларусь, хранящихся как в архивах, так и в музеях и библиотеках страны.

Для магистрантов исторического факультета БГУ, обучающихся по специальности «Документоведение и архивоведение» (профилизация «Управление архивами»), читается специальный курс «Архивы, музеи, библиотеки как сокровищница документальной памяти». Все это, на наш взгляд, будет спо-

собствовать более эффективному освоению накопленного белорусским народом за его многовековую историю документального наследия, хранящегося в архивах, музеях и библиотеках страны.

Ибо, как говорила, выступая в октябре 1992 г. на совещании-семинаре «Состояние и пути совершенствования государственного учета и научно-справочного аппарата к документам госархивов Республики Беларусь» главный библиограф НББ Л. И. Станкевич: «Пачынаецца сумеснае супрацоўніцтва бібліятэк і архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, што вельмі добра, бо мэта ў нас адзіная — спрыяць беларускаму нацыянальнаму Адраджэнню» [8, л. 131].

Литература и источники

1. Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. — М., 2001. — 396 с.
2. Афиани, В. Ю. Архив Российской академии наук в XXI столетии // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 10—14 ноября 2008 г. — М., 2009.
3. Брачев, В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. — СПб., 2010. — 768 с.
4. Документы НАФ РБ в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь / сост.: О. А. Добычина, В. И. Пташников. — Минск: БелНИИДАД, 1995. — 167 с.
5. Зайдель, Г. С., Цвибак, М. М. Классовый враг на историческом фронте. — М.; Л., 1931.
6. Кочеткова, А. В. Документы государственной части Национального архивного фонда Республики Беларусь в музеях и библиотеках страны // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 6.
7. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 297.
8. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 5. Д. 2337.
9. Первая Всероссийская конференция архивных деятелей, Москва, 29 сент.—3 окт. 1921 г. // Архивное дело. — 1923. — Вып. 1.
10. Старостин, Е. В., Хорхордина, Т. И. Архивы и революция. — М.: РГГУ, 2007. — 180 с.
11. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. — Минск, 2002. — 165 с.
12. Юмашева, Ю. Ю. К вопросу о возможности объединения информационных ресурсов архивов, библиотек и музеев // История и архивы. — 2023. — № 2. — С. 69—85.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 09.10.2023.

С. Н. Рындин,
*заведующий отделом научно-исследовательской
и публикационной деятельности государственного учреждения
«Национальный исторический архив Беларуси»,
магистр исторических наук;
e-mail: serzh.ryndin2016@yandex.by*

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*(по материалам Национального исторического архива Беларуси
и Российского государственного военно-исторического архива)*

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилеи начала и конца Первой мировой войны, затронувшей и белорусские земли. В ходе войны с Германией и ее союзниками в Российскую империю хлынул поток иностранных военнопленных. С одной стороны, интересы государственной безопасности требовали их изоляции до окончания войны. Но, с другой, экономика Российской империи и белорусских губерний, в частности, была ослаблена мобилизацией мужского населения и нуждалась в значительных трудовых ресурсах. Это вынудило российское государство прибегнуть к труду военнопленных, а также вольнонаемных иностранных рабочих.

В целом историография военного плена Первой мировой войны обширна, но белорусские губернии почти не затрагивает. Первым положение иностранных военнопленных в Беларуси стал изучать А. Л. Самович [15]. Аналогичные исследования ведутся и в других государствах на постсоветском пространстве. Например, в России изучается положение военнопленных в Поволжье, Сибири, на Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке [2; 3; 4; 7; 8; 16]. В совокупности эти исследования постепенно и, в основном, независимо друг от друга формируют общую картину жизни иностранных военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны. В данной статье рассматривается положение иностранных рабочих, как из военнопленных, так и вольнонаемных, в белорусских губерниях.

Свет на прибытие в белорусские губернии первых трудовых партий из военнопленных проливают документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Первые эшелоны с рабочими приехали в г. Волковыск 29 мая 1915 г. [9, л. 90].

Рабочие команды из военнопленных были задействованы на территории Минской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний, а также в Вилейском уезде Виленской губернии. Их направляли на строительные, общественные, полевые работы. Значительное количество австро-венгерских военнопленных прибывало в Минскую губернию на заготовку сена для российского Юго-Западного фронта, развернутого на территории современной Украины.

В Гродненской губернии, по архивным данным, многотысячный контингент иностранных военнопленных участвовал в работах по укреплению Брест-Литовской и Гродненской крепостей. В Брест-Литовском крепостном районе в июне—июле 1915 г. было занято до 8 тыс. иностранных военнопленных, в Гродненском — свыше 10 тыс. [11, л. 142—142 об.; 14, л. 111]. Большинство состояло из австро-венгерских подданных славянского происхождения. Согласно сохранившимся данным, их труд использовался на строительстве и укреплении оборонительных позиций, а также на лесозаготовке. Их дальнейшая судьба после вывода в глубь России неизвестна.

В западные губернии присылались только пленные солдаты-славяне (призванные в ряды австро-венгерской и германской армий чехи, словаки, поляки и т. д.). «Вражеские» военнослужащие из немцев, венгров и турок считались враждебным элементом и в прифронтовые белорусские губернии не допускались. Военные власти опасались их бегства за линию фронта. Российская империя позиционировала себя в качестве освободительницы угнетенного славянства и поэтому демонстрировала к пленным славянам благожелательное отношение. Для них предусматривался ряд льгот.

Иностранные славяне, доставленные в западные губернии, были организованы по армейскому образцу. Их сводили во взводы, роты, батальоны, дружины. Во главе этих соединений ставили российских офицеров и приписывали к той или иной армии фронта. Пленные фельдфебели и унтер-офицеры могли управлять взводами. Захваченных в плен офицеров к работам не привлекали. Весной 1916 г. штаб Минского военного округа поднял вопрос относительно формы и отличительных знаков для военнопленных и конвоиров. Австро-венгерская форма военнопленных изнашивалась, и предполагалось выдавать им российскую форму. Командование 3-й армии Западного фронта предложило принять черный погон для конвоиров, а для военнопленных черную повязку на левом рукаве и черную нашивку на месте кокарды [11, л. 645].

Контингент пленных солдат предназначался для нужд фронта. Они работали в распоряжении как непосредственно армии, так и гражданских предприятий, выполнявших военные заказы. Например, в Витебской губернии в районе села Марковщина был развернут крупный лагерь военнопленных (в настоящее время — это район в юго-западной части г. Витебска). Необходимо отметить, что факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время практически неизвестен. В сентябре 1915 г. там было сосредоточено более 2 тыс. человек [6, л. 1001]. Они восполняли острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины.

Материалы РГВИА позволяют осветить такой вопрос, как общая численность военнопленных в белорусских губерниях. В районе Западного фронта к 31 октября 1916 г. насчитывалось 42 282 человек. Для сравнения: в Прибалтике, в районе Северного фронта, было сосредоточено более

126 тыс. рабочих из военнопленных. Наибольшее их количество было на территории украинских губерний в районе Юго-Западного фронта — свыше 360 тыс. человек [12, л. 61—65].

Первостепенную роль для адаптации пленных играли условия содержания. В российском «Положении о военнопленных» от 7 октября 1914 г. было записано: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [8, с. 3812].

Законодательство требовало от предприятий, использующих труд «неприятельских» солдат, снабжать их одеждой, обувью, бельем. Устанавливался такой же продовольственный паек, как у нижних чинов российской армии. Например, в 1915—1916 гг. власти г. Могилева закупали у местных торговцев ровно столько продовольствия, чтобы оно распределялось среди пленных таким образом: в день на одного человека около 1 кг хлеба, 100 г крупы, 100 г мяса и рыбы (за исключением постных дней) [5, л. 99 об.—102]. Тысячи рублей расходовались на покупку обмундирования и рабочего инвентаря.

Законодательство также предписывало предприятиям платить пленным зарплату. Но при этом предусматривались вычеты: треть (затем четверть) в особый фонд, а также часть на покрытие расходов предприятия на содержание пленных.

Выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей прежде всего как рабочих, а не заключенных, и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы. Многое зависело и от личных качеств начальников. Например, в документах многократно отмечается штабс-капитан Сафонов, один из командиров в Марковщинском лагере, многое сделавший для улучшения быта военнопленных.

Гражданское население не воспринимало военнопленных негативно. Во-первых, ввиду того что в прифронтовых губерниях работали военнопленные славянского происхождения. Во-вторых, они были преимущественно выходцами из крестьянской среды, хорошо знакомыми с полевыми работами.

Однако по материалам белорусских и российских архивов, у властей регулярно возникали проблемы с материальным снабжением военнопленных в полном объеме. Впрочем, эти явления были следствием ухудшения экономической ситуации. Военнопленные страдали от тех же недостатков в снабжении, что и солдаты российской армии.

Труд иностранных военнопленных применялся в Беларуси и после прихода к власти большевиков. Но сведения о них на территории Беларуси после октября 1917 г. фрагментарны. Известно, что некоторые из них были освобождены наступавшими австро-германскими войсками и эвакуированы на запад.

Рассматривая общероссийский фон, следует отметить, что военнопленных в России было очень много — примерно 2,5 млн человек. Нормы международного права в отношении военнопленных в целом сохраняли свое регулятивное значение. Однако к 1918 г., к заключению Брестского мира, примерно 400 тыс. из них умерло [18, s. 75]. Наибольшее количество смертей приходится на зимы 1914—1916 гг., когда в лагерях военнопленных вспыхивали эпидемии, которым местные власти не смогли эффективно противодействовать. Из-за непредвиденно большого наплыва пленных власти центральных и восточных губерний не могли снабдить их всем необходимым, в том числе своевременным лечением. Многочисленные нарушения международных норм были ситуативными, т. е. объяснялись такими факторами, как невозможность предоставить огромному количеству военнопленных надлежащие условия, злоупотребления и/или бездействие со стороны местных чиновников, экономическая необходимость массового привлечения военнопленных (только нижних чинов) к труду, который в ряде мест мог быть очень тяжелым (например, на Мурманской железной дороге).

Но наряду с этим в более выгодном положении находились пленные офицеры, а из солдатской среды — представители «дружественных» национальностей. В связи с этим примечательно, что в период Гражданской войны в России пленные солдаты из славянских народов не испытывали сочувствия к большевикам. А военнопленные немецкой, австрийской и венгерской национальностей, считавшиеся при прежних режимах «неблагонадежными элементами» и не имевшие послаблений, были более восприимчивы к пропаганде большевиков.

Таким образом, выявленные документы позволяют утверждать, что в белорусских губерниях условия жизни и труда военнопленных были удовлетворительными, т. е. близкими к бытовым условиям солдат российской армии. Но в целом по Российской империи ситуация была более неоднозначной, изменчивой в зависимости от времени и места. Многое зависело от личных качеств руководителей на местах, большое значение имела и удаленность от центров государственного управления (например, в губернском городе Могилеве, в котором располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, провести инспекцию размещенных там 150 военнопленных было значительно легче по сравнению с какой-либо местностью в Сибири или на Дальнем Востоке).

Таким образом, мобилизация экономики в период Первой мировой войны вызвала прилив иностранной рабочей силы в белорусские губернии. Это были как вольнонаемные работники, так и военнопленные. Архивные источники показали, что местные военные и гражданские власти соблюдали международное и внутреннее право о военнопленных. Имевшие место недостатки в материальном снабжении были проявлением не преднамеренно плохого обращения, а ухудшения состояния экономики, из-за чего страдали все слои населения.

После подписания Брестского мира на территории белорусских губерний в 1918 г. бывшие враждующие стороны стали обмениваться пленными. Но репатриация проходила с большими сложностями и затянулась на годы. Существенным препятствием было расстройство транспорта, а также военные действия Гражданской войны и войны между РСФСР и Польской Республикой.

Официальная репатриация военнопленных продолжалась до 1925 г. В этом году НКВД СССР объявил об окончании репатриации беженцев и военнопленных. С этого времени их въезд в страну и выезд из страны могли осуществляться только в общем порядке, установленном для въезжающих на территорию СССР или покидающих ее [1, с. 403]. Но на основании сохранившихся данных можно утверждать, что с 1918 по 1925 г. на родину смогло вернуться большинство военнопленных и перемещенных гражданских лиц. Эвакуационные учреждения в меру своих возможностей оказывали репатриантам жилищную, продовольственную, медицинскую помощь, спасая многих из них от гибели. Но дома этих людей ожидали новые беды: часто свои дома они обнаруживали разрушенными, не могли найти кров и работу, сталкивались с равнодушием местных властей к их судьбе.

Литература и источники

1. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты : Беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914—1925 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. Б. Белова. — Брянск, 2014. — 461 с.
2. Бондаренко, Е. Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России : 1914—1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. Ю. Бондаренко ; Дальневосточный гос. ун-т. — Владивосток, 2004. — 45 с.
3. Идрисова, Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914—1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э. С. Идрисова ; Оренбург. гос. пед. ун-т. — Оренбург, 2008. — 24 с.
4. Мендикулова, Г. М., Надежук, Е. А. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства / Г. М. Мендикулова, Е. А. Надежук // Вестник архивиста. — 2018. — № 4. — С. 996—1008.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2099. Оп. 1. Д. 361.
6. НИАБ. — Ф. 2533. Оп. 1. Д. 7.
7. Ниманов, Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914—1917 гг. в Поволжье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Б. И. Ниманов ; Росс. ун-т дружбы народов. — М., 2009. — 24 с.; Самович, А. Л. Военнопленные XIX — начала XX вв. в западном регионе России / А. Л. Самович. — М. : Военный ун-т, 2011. — 258 с.
8. Положение о военнопленных: положение Совета Министров России от 7 окт. 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — Петроград, 1914. — № 281. — Ст. 2568.
9. РГВИА. — Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544.
10. РГВИА. — Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53.

11. РГВИА. — Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545.
12. РГВИА. — Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549.
13. РГВИА. — Ф. 2113. Оп. 3. Д. 686.
14. РГВИА. — Ф. 13129. Оп. 1. Д. 929.
15. Самович, А. Л. Работать, чтобы выжить: трудовое использование иностранных военнопленных в 1914—1918 гг. на территории Беларуси / А. Л. Самович // Беларуская думка. — 2008. — № 11. — С. 36—41.
16. Талапин, А. Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914—май 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Талапин; Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. — Омск, 2005. — 27 с.
17. Шлейхер, И. И. Пленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях / И. И. Шлейхер // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. — Вып. 6. — Саратов, 2005. — С. 78—90.
18. Wurzer, G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg / G. Wurzer. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. — 626 S.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 20.10.2023.

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ**В. С. Пазднякоў,**

*загадчык аддзела археаграфіі ўстановы
«Беларускі навукова-даследчы інстытут
дакументазнаўства і архіўнай справы»,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: vpmiensk@gmail.com*

МАТЭРЫЯЛЫ ДА ГІСТОРЫІ АРХІВАЎ БЕЛАРУСІ.**Ч. 1. БЕРАСЦЕЙСКАЕ ВАЯВОДСТВА (XVI ст.).**

У гэтай публікацыі прыводзяцца дакументы, якія даюць звесткі пра архівы некаторых сацыяльных структур і груповак насельніцтва Берасцейскага ваяводства XVI ст. У цэлым, звесткі пра беларускія архівы са старажытных часоў і да XVII ст. урыўкавыя. Пра архіўную справу гэтага перыяду можна меркаваць на падставе захаваных архіўных збораў, старажытных архіўных вопісаў, звестак у іншай дакументацыі. Да апошняй адносяцца, між іншым, дакументы пра пажары ў гарадах, якія суправаджаліся знішчэннем архіўных збораў. Прадстаўляем падбор такіх дакументаў XVI ст., якія паходзяць з Берасця.

**Архіў берасцейскага войскага А. Б. Лозкі ў Берасцейскім замку
(дакумент № 1)**

У 1525 г. адбыўся вялікі пажар у Берасці, які знішчыў замак і ўвесь горад («замок наш Берестейский и место все горело»). Згарэлі, між іншым, дакументы берасцейскага шляхціца, войскага Андрэя Барысавіча Лозкі, які трымаў свой архіў у Берасцейскім замку, спадзеючыся на яго ўмацаванні. Аднак Берасцейскі замак збольшага быў драўляным і, як аказалася, не здолеў абараніць шляхецкі архіў ад агню. Пасля пажару А. Б. Лозка звярнуўся да вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта Старога з просьбай пацвердзіць яго правы на валоданне маёнткамі Добрынь і Пажэжына ў Берасцейскім павеце, Луцькі і Хільчычы ў Тураўскім павеце, Рагачы, на пляцы ў Берасцейскім замку і ў месцы Берасцейскім, бо аўтэнтычныя дакументы на гэтыя маёнткі былі знішчаны агнём [1, № 533—536, р. 417—419]. Пры гэтым выявілася, што частка дакументаў А. Б. Лозкі ацалела: ці агонь да іх проста не дabraўся, ці яны захоўваліся не ў замку, а ў іншым месцы. Так, Лозка прад'явіў гаспадару ліст даніны вялікага князя Аляксандра берасцейскаму гаёўніку Федзьку на маёнтак Пажэжына / Пажэжына і купчы ліст самога А. Б. Лозкі на гэты маёнтак, ліст даніны Жыгімонта Старога на пустую зямлю Гарбачэўшчыну і інш.

Такім чынам, выявілася, што Берасцейскі замак, нягледзячы на магутныя ўмацаванні, не можа гарантавана абараніць шляхецкі архіў ад агню. Змакавыя ўмацаванні збольшага былі драўлянымі і падатлівымі агню, хоць унутры замка стаяла магутная мураваная вежа.

Архіў Берасцейскага кагала (дакумент № 2)

У ноч з 29 на 30 верасня 1568 г. у Берасці адбыўся чарговы пажар. Згарэў, між іншым, дом замочнага яўрэя Шмерлі Давыдкавіча. Сам ён падчас пажару знаходзіўся ў Варшаве. Вестку пра пажар яму даставілі праз чатыры дні, і ён адразу ўнёс адпаведнае паведамленне ў кнігі Метрыкі ВКЛ (адсюль вынікае, што Метрыка таксама знаходзілася ў Варшаве, прынамсі, яе актуальныя кнігі, бо кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Аўгуст, а таксама канцлер ВКЛ Мікалай Юр'евіч Радзівіл Руды знаходзіліся ў Варшаве).

Як вынікае з запісу ў кнізе Метрыкі, дом Шмерлі Давыдкавіча згарэў з усёй маёмасцю. Згарэлі і дакументы, якія захоўваліся ў доме. Сярод іх былі як дакументы прыватнага характару, так і грамадскага. Да першай групы адносяцца гаспадарскія прывілеі, якія бацька Шмерлі Давыдкавіча — Давыд Шмерлевіч — атрымаў ад Жыгімонта Аўгуста на пляцы ў Берасці («листы и привил(ь)я его королевское м(и)л(о)сти, которые отец его на пляцы свои в Берестью мел»), прывілеі на арэнды розных даходных артыкулаў, якія Давыд Шмерлевіч атрымаў разам з іншым заможным яўрэем Ісакам Брадаўкам у 1564 і 1566 гт., лісты на арэнду імі мыта ў Менску, Новагародку, Мастах і на Падляшшы ў 1567, 1568 і 1569 гт., квіты са Скарба ВКЛ, выдздзенья Давыду Шмерлевічу і Ісаку Брадаўку, іншых «вельмі многа» квітоў, а таксама розныя квіты і цырографы (распіскі), якія Давыд Шмерлевіч атрымліваў ад купцоў, яшчэ мытных і пабаровыя рэстры, якія складалі пісары Давыда Шмерлевіча і Ісака Брадаўкі, шмат іншых дакументаў. Увогуле, Давыд Шмерлевіч быў адным з самых вядомых фінансістаў свайго часу і займаў у берасцейскім кагале прыкметнае месца (пра яго прадпрымальніцкую дзейнасць гл. [2, с. 457, 485—487, 539, V, XXIX—XXXV; 3]).

Да другой групы згарэўшых дакументаў аднесены «листы и привилыя збору их жидовскому належачие, которые в него у схованы были». Такім чынам, Давыд Шмерлевіч меў на захаванні дакументы Берасцейскага кагала. У адрозненне ад прыватных дакументаў, кагальныя не названы паасобку, так што немагчыма пэўна меркаваць, якія там былі «листы і прывілеі».

Звяртае на сябе ўвагу, што кагальныя дакументы захоўваліся ў прыватным доме, які лічыўся, напэўна, больш надзейным сховішчам, чым якая-небудзь кагальная пабудова.

Архіў Берасцейскага стараства (дакумент № 3)

Чарговы пажар у Берасці адбыўся ўночы з 14 на 15 мая 1571 г. Згарэў амаль увесь горад («место Берестейское мало не все згорело»), у тым ліку каталіцкі касцёл і некаторыя праваслаўныя цэрквы. Полымем была пашкоджана царква святога Мікалая.

Мураваны храм святога Мікалая быў пабудаваны ў сярэдзіне XVI ст. замест ранейшага драўлянага [4, с. 254—256]. На той час гэта была адзіная мураваная праваслаўная царква ў горадзе. Менавіта муроўка царквы рабіла яе

ў вачах гараджан надзейным месцам для захоўвання матэрыяльных каштоўнасцей і дакументаў.

З паведамлення пра пажар ад берасцейскага старасты (адначасова кашталяна троекага і падканцлера ВКЛ) Астафія Валовіча вынікае, што ў царкве захоўваліся ў скрынях актавыя кнігі берасцейскіх старастаў. Некалькі вялікіх скрыняў з актавымі кнігамі былі выратаваны, але адна невялікая скрыня згарэла ў польмі. Разам са скрыняй загінула шэсць актывых кніг, якія вяліся пры папярэднім старасце Мікалаю Радзівіле Чорным (стараста берасцейскі ў 1549—1565 г., ваявода віленскі ў 1551—1565 г.), і пры самім Астафію Валовічу. У кнігах былі запісаны судовыя справы і штодзённыя запісы працэсуальнага і натарыяльнага характару («справь судовых и записов людских посполитыхъ»).

Берасцейскія старасты загадвалі, між іншым, Берасцейскім замкам. Здавалася б, замак быў надзейным месцам для захавання архіва берасцейскіх старастаў. Аднак ён быў драўляным (мураванай была толькі адна вежа). Пуэна, менавіта гэтая акалічнасць прымусіла старастаў трымаць свой архіў не ў замку, а ў мураванай Мікалаеўскай царкве. Аднак разлікі старастаў на супрацьпажарную ўстойлівасць муроў, як бачна, спраўдзіліся ў 1571 г. толькі часткова.

Да нашага часу актавыя кнігі Берасцейскага стараства не дайшлі.

Архіў берасцейскіх мяшчан (дакументы № 4, 5)

Берасце атрымала магдэбургскае права ў 1390 г. [5, № 1, с. 1—2], што паказвае на заможнасць мясцовага мяшчанства ў часы сярэднявечча. Уначы 15 лістапада 1595 г., падчас чарговага пажару, у Берасці згарэла пяць мяшчанскіх дамоў, якія стаялі на Рынку (берасцейцы меркавалі, што быў падпал «злога чалавека»). Сярод іншых згарэў дом райцы Андрэя Слупскага. Аднак паведамленне берасцейскіх мяшчане запісалі ў кнігі Метрыкі ВКЛ. Згодна з гэтай рэляцыяй, у доме Слупскага згарэла гарадская скрынка з дакументамі («скринька местьская»). Там былі гаспадарскія прывілеі, між іншым, прывілей вялікага князя Вітаўта на вызваленне берасцейскіх мяшчан ад мыта на берасцейскай каморы, а таксама прывілей Жыгімонта I на вызваленне мяшчан ад паставак падвод, за выключэннем двух коней для каралеўскіх пасланцаў.

Прывілей Вітаўта на вызваленне ад мыта берасцейскіх купцоў бліжэй невядомы. Да нас не дайшоў не толькі арыгінал гэтага дакумента, але і копіі, нават згадкі пра яго ў іншых дакументах.

Прывілей вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта I Старога Берасцо на вызваленне мяшчан ад абавязку даваць падводы, акрамя двух коней для гаспадарскіх паслоў, таксама бліжэй невядомы. Копія дакумента ў Метрыцы ВКЛ адсутнічае.

Акрамя гэтых двух прывілеяў, у згарэлай скрынцы было шмат іншых гарадскіх дакументаў («иньшыхъ немало листовъ, месту потребныхъ», «спильными листами, всему месту на некоторые вольности ихъ належачы»), змест якіх у рэляцыі не раскрыты.

Пэўна, копіі згарэлых прывілеяў Вітаўта і Жыгімонта I у берасцейскіх мяшчан адсутнічалі. Тэксты гэтых прывілеяў не дайшлі да нашага часу, у адрозненне, напрыклад, ад прывілеяў на магдэбургскае права і іх пацвярджэнняў. Відаць, берасцейскія мяшчане трымалі свой архіў у розных скрынях і ў розных месцах — не толькі ў аўтарытэтных дзеячаў гарадскога самакіравання, але, напрыклад, у ратушы.

У адказ на рэляцыю берасцейцаў і іх просьбу пацвердзіць гарадскія вольнасці кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт III выдаў 7 мая 1596 г. берасцейскім мяшчанам і яўрэям пацвярджэнне права не плаціць старога мыта на берасцейскай мытні, акрамя мыта з воску і солі. Як вынікае з гэтага пацвярджэння, берасцейцы не здолелі прад'явіць Жыгімонту III ні копію згарэўшага прывілея Вітаўта, ні яго пацвярджэнні наступнымі ўладарамі ВКЛ. Аднак нейкія сведчанні пра існаванне дакумента Вітаўта былі прад'яўлены. Магчыма, гэта былі не толькі вусныя паказанні мытнікаў ці скарбоўцаў ВКЛ, але і аднаведныя запісы ў мытных кнігах ці мытных квітах (далі «пэўную і дастаточную ведомость»).

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

1525 IX 22, Кракаў

Жыгімонт, вялікі князь літоўскі і кароль польскі, пацвярджае Андрэю Барысавічу Лозку, войскаму берасцейскаму, правы на валоданне маёнткамі Добрын і Пажэжына ў Берасцейскім павеце.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 12. Арк. 375—376 (Метрыка ВКЛ. Кніга запісаў № 12, 1522—1529 гт., копія канца XVI ст.).

Публікацыі. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522—1529). Užrašymų knyga 12 / Parengė: Darius Antanavičius ir Algirdas Baliulis. Vilnius: Žara, 2001. № 533. P. 417—418. Друкуецца на аснове копіі.

Потвержен(ь)е п(а)ну Андрею Борысовичу Лозце на имен(ь)я Добрын и Пожежино въ Берестейском повете, данину г(о)с(по)д(а)рьскую и куплю его, на вечность.

Жикгимонт.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотреть ал(ь)бо чтучи его вслышитъ, нинешньнимъ и напотом будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Билъ намъ чоломъ войский берестейский панъ Андрей Борисовичъ Лозка о томъ, штожъ какъ з Божого допущенья замockъ нашъ Берестейский и место все горело, а онъ што мель привилыя и листы твердости от отца и брата нашего, королевы ихъ м(и)л(о)сти, и наши на имен(ь)я свои, тыи вси привилыя и листы, и статки его многии в томъ замьку нашомъ погорели.

И которое именье, куплю его и данину нашу в Милейчичахъ взяли ес(ь)мо в него к нашей руке, а ему напроотивку того дали именье у Берестей-

скомь повете на *имя* Добрын на реце на Крине, з люд(ь)ми и землями пашными и боргъными, и з ловы, и с пушою, и зь ставы, и з млыны, какъ жо ес(ь)мо и привилеємь нашимъ тое имен(ь)е || [375 *adv.*] Добрынь ему на вечность были потвердили, ино *тот* привилей на Добрынь з инышими привилы и з листы тамъ же згорель.

Такежъ поведиль перед нами, штож он купиль именье на *имя* Пожежно у гаевника старого берестейского у Фед(ь)ка, которое ж именье тотъ Фед(ь)ко выслужиль на брате нашомъ Александры, короли его м(и)л(о)сти. И на то пан Андрей Лозка листъ данину брата нашего тому Фед(ь)ку гаевнику перед нами вказываль и листъ купчий.

А к тому мы дали ему тамъ жо, у Пожежини, землю пустовскую на *имя* Горбачевщину. И на то тежъ листъ данину нашу перед нами вказываль.

И билъ намъ чоломъ, абыхмо тыи именья Добрынь и Пожежино знову привилеємь нашимъ потвердили на вечность.

Ино кдыжъ в нех(о) тыи привилы и листы, и статьи его многии тамъ погорели, з ласки наше на его чоломъбитье то вчинили. На то дали ему сес(ь) нашъ листъ и тыи именья Добрын и Пожежино, и данину нашу, и куплю его потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечно ему самому и его жоне, и их детемъ, и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ, з селы, и з люд(ь)ми и ихъ всеми землями пашными и боргъными, и з сеножат(ь)ми, и з гаи, и лесы, и дубровами, и з ловы зверыньными и пташими, и с озеры, и з реками, и з речками, и з ставы, и з млыны и ихъ выметьки, и з бобровыми гоны, и зь службами и входы всеми тыхъ людей и земель, и з даньми грошовыми, и медовыми, и бобровыми, и куничъными, и з дяклы оржанъными и овсяными, и со всеми иными платы, и доходы, и пожитки, которимъкольве именемъ могутъ названы або менены быти, и со всемъ с тымъ, какъ ся тое именье Добринъ и Пожежино подле данины брата нашо(о) тому Федьку и купли его, и водле тежъ наше данины ему самому, здавна сама в собе и в границахъ ся своихъ маеть и какъ и перед тымъ он держаль. И волен пан Андрей Лозька и ех(о) || [376] потомьки тамъ прибавити и розширити, и к своему лепшому и вжиточному оберънути, какъ самъ налепей розумеючи.

А на твердость того и печать нашу казали ес(ь)мо привесити к сему нашему листу.

П(и)сан у Кракове, под лет(о) Бож(ьего) нарож(енья) 1000 пят(ь)-сот 25, м(е)с(я)ца сен(тября) 22, индик(т) 14.

В томъ листе рука королевская.

Копоть, писар.

№ 2

1568 X 3, Варшава

Запис у кнізе Канцлярыі ВКЛ паведамлення берасцейскага яўрэя Шмерлі Давыдкавіча пра пажар у Берасці 29—30 верасня 1568 г., падчас якога ў яго доме згарэлі дакументы, у тым ліку належачыя берасцейскаму кагалу.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 269. Арк. 54—54 адв. (Метрыка ВКЛ. Кніга судовых спраў № 55, 1566—1568 гт., копія канца XVI ст.).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Оповеден(ь)е жид(а) берестейско(о) Шмэрли о згорен(ь)е дому его и в нем многих листов и справь.

Лета Божьего нароженья тисеча пят(ь)сотъ шестьдесят ос(ь)мого м(е)с(е)ца октября третьего дня.

Пришедши до книгъ его королевское м(и)л(о)сти канцелярейских подданный его королевское м(и)л(о)сти жид берестейский Шмерля Давыдьковичъ тыми словы оповедал, ижъ принесена ему ведомост(ь) з Берестья, же на сих часех, так четвертый ден(ь), на святый Михаль, зь середи на четвергъ, сего шест(ь)десять ос(ь)мого року, кгды з допущенья Божого место его королевское м(и)л(о)сти Берестейское горело, в тотъ час межи иными жидовскими дома домъ его згорел, в котором дому на тотъ часъ штокольве было маестности его, то все от мала до велика, и при томъ листы и привил(ь)я его королевское м(и)л(о)сти, которые отецъ его на пляцы свои в Берестью мел, такъже листы и привил(ь)я збору их жидовскому належачие, которые в него у схованы были, такъже аренды его его королевское м(и)л(о)сти, которые отцу его з жидомъ Изакомъ Бродавкою, товаришомъ своимъ, на поборы в року шест(ь)десять четвертомъ и шест(ь)десять шостомъ мел, такъже аренды на мыга меньские, новгородские, подляшские и мостовские на рокъ шест(ь)десять семьй, шест(ь)десять ос(ь)мый и шест(ь)десять девятый мелъ, такъже и квитовъ в речах поборовыхъ и мыгныхъ ему и Бродавце належачих, которые з скарбу || [54 адв.] его королевское м(и)л(о)сти мели, и на иныя речи и потреби вельми много квитов, тежъ квиты и цырографы, которые отцу его отъ купцовъ мелъ, а свои купцомъ давалъ, также тежъ рейстра мыгные и поборовые, которые з Бродавкою от писаровъ своих мели, такъже и их власные квиты и рейстра, што ему по смерти отца его з личбы зостало, которые был у писаровъ своихъ взять, и иныя многие квиты и цырографы отъ хрестиянъ и жидовъ на немалые сумы п(е)н(е)зей, ему приналежачих, о которыхъ тепер в таковомъ великомъ утрапленью и жалости будучи, и спомнити не можеть, тые вси з домою погорели. И просил, абы для памети тое оповеданье его в книги его королевское м(и)л(о)сти записано было, якожъ есть записано, и выпишь с книгъ подъ печатью его королевское м(и)л(о)сти ему есть дань.

Писанъ у Варшаве.

№ 3

1571 V 20, Варшава

Запіс у кнізе Канцьялярый ВКЛ паведамлення Астафія Валовіча, каштальяна трюцкага, старасты берасцейскага, пра пажар у Берасці ўночы з 14 на 15 мая 1571 г., падчас якога ў царкве св. Мікалая згарэла скрыня з 6 кнігамі з

архіва берасцейскіх старастаў, у якіх быў запісаны наступны дакумент (прад'яўлены ў Канцэлярыю ВКЛ у арыгінале і запісаны ў кнігу Канцэлярыі):

1567 X 1, Берасце. Князь Фёдар Пятровіч Астрожацкі Галаўня ўста-наўлівае парадак перадачы ў спадчыну сваіх маёнткаў жонцы Ганне Адзінцэ-вічаўне, сыну Андрэю, дочкам Ганне (жонцы Адама Пацея, пісара земскага берасцейскага) і Марыне.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 265. Арк. 314—316 адв. (Метрыка ВКЛ. Кніга судовых спраў № 51, 1566—1571 гг., копія канца XVI ст.).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Оповэданье п(а)на трюцког(о) п(а)на Воловича о погорен(ь)ю книг зам-ковых в церкви в Берест(ь)ю, так тэж и п(а)на Адама Патей, пизара земско-з(о) берестэй(ско)го), о згорен(ь)ю в тых книгах листу отца малжонки ез(о) кн(я)зя Острожэцкога на росправэнье имэней своих.

Лета Бож(ь)его нарож(енья) АФОА [1571], м(е)с(е)ца мая К [20] дня.

Оповедалъ передъ его королевскою м(и)л(о)стью панъ трюцкий, под-канцлерый Великого Князства Литовского, староста берестейский его м(и)л(о)сть п(а)нъ Остафэй Воловичъ, ижъ в року теперешнемъ тисеча пятьсот семьдесят первомъ, м(е)с(е)ца мая четвертогонадцать с понеделъка на волгорокъ в ночи з допушченья Божьего место Берестейское мало не все згорело и великую шкodu через огонь || [314 адв.] прышло, в которомъ костель римский и церкви некоторые погорели, а злаша церковь мурованая светого Николы, кгда горела, в тот час книги шестеры замковыя справъ судовых и записов людских посполитыхъ, за староства небошчыка пана воеводы виленского, также и за староства его м(и)л(о)сти самого п(а)на трюцкого справованье, з оногo квальтовного огню вынесены и ратованы быти не могли з ьмшими книгами, а то для того, ижъ особливе были зложоны в скрылце невеликой, а иншыые книги ижъ з великимъ квальтомъ и небеспечностью лед(ь)ве з огню выратованы.

Якожъ заразомъ, на тот часъ будучы при г(о)с(по)д(а)ру королю его м(и)л(о)сти, писар земский берестейский панъ Адамъ Патей оповедалъ, ижъ межы тыми книгами погорельыми в книгах в року шест(ь)десят семом была уписана справа, малжонце его Ганьне Федоровне Острожецкогo и сестре ее Марине пильне належачая, а то есть, ижъ отец малжонки его небошчыкъ князь Федор Петрович Острожэцкий Головня учынилъ певное постановенье, запись и росправу около всех именей своих такъ на Волыню, яко и на Подляшу, у повете Берестейскомъ лежачих, абы по смерти сына его князя Аньдрея, где бы не оженившыся альбо и оженившы без потомства зъ сего света зышоль, вся маестность, именья его такъ отчъзные, яко и набытые ни на кого иншого, одно на тые менованье дочки его, то ест(ь) Ганну и Марину, спали и правомъ прырожонымъ прышли, а особливе варуючи то на часъ прышлый, жебы сынъ его князь Аньдрей з оных именей ничого не утрачал ани вечностью никому не записовалъ и не заводилъ. На што и лист свой под печатью своею и с печатьми

людей добрых онымъ дочкамъ своимъ помененымъ даль и тот лист свой на враде в замку Берестейскомъ в року шест(ь)десят семом м(е)с(е)ца октебра второго дня самъ очевисте до книгъ кгородскихъ прызнал. А потомъ в року шест(ь)десят ос(ь)момъ месеца августа || /315/ двадцат(ь) трет(ь)его дня на рокахъ судовыхъ земьскихъ, з соймъ городеньского преложонныхъ, перед урядомъ земьскимъ берестейскимъ ставыши очевисте, то все з кгороду до земьства переносечи, признаньемъ своимъ ствердил и до книгъ земьскихъ туо справу уписати даль. Который же лист кн(я)зя Федоровъ Головнин с чотырьма печат(ь)ми и выпишы два такъ кгородский, яко и земский берестейские с печатями врадовыми и с подписомъ рукъ врадниковъ кгородскихъ и земьскихъ пань Адамъ Патей, передъ его королевскою м(и)л(о)ст(ь)ю достаточне оказавышы, просил, абы тот лист кн(я)зя Федоровъ для вечности до книгъ канц(е)лярейскихъ былъ уписанъ. Которого листу и выпишовъ обудвухъ, кгородского и земского, его королевская м(и)л(о)ст(ь) огледавыши, тот лист кн(я)зя Федоровъ Головнин до книгъ канц(е)лярей своее г(о)с(по)д(а)рьское уписат(ь) росказат(ь) рачил. И такъ се оный лист сълово до слова в себе маеть:

Кгдыжъ вси справы людские на свете ест(ь) премежные и нетрѣвальные, которие с часомъ своимъ с памяти людское исплываеъ и въ забыт(ь)е приходят(ь), для чого з воли Божее разумомъ людскимъ естъ то вынайдено, ижъ кождая речъ, которую бы человекъ хотель у ведомости и памяти метъ, пис(ь)момъ на пришыле ч(а)сы варують и ку ведомости людской уставуют(ь), чого наследуючи етс., я, Федоръ Петровичъ Острожецкий Головня, ознаймую симъ добровольнымъ моимъ листомъ всимъ вобэць и каждому зособна, нинешнимъ и напотомъ будучымъ, кому бы того была потреба ведати ал(ь)бо сес(ь) мой лист слышати, ижъ я, не будучи ширшымъ потомствомъ от Пана Бога обьдарованымъ, тол(ь)ко маючи одного с(ы)на кн(я)зя Аньдрея и две дочки мои п(а)ни Адамовую Патеевую, писаровую земьскую берестейскую, Ганну, а другую дочку кн(я)жну Марину, ку котормъ всимъ тромъ особамъ однако ровную милост(ь) ойцовскую маючи и бачечи на то пыльне, абы по моемъ животе маетност(ь) и вси именья мои отчизные и набытые, которми Панъ Богъ дати || /315 adv./ рачиль, ледаяко от дому и потомства моего распрошоны не были и в руки обьчие не пришли, яко того много бываеъ, ижъ ся домы зацные в недостатку потомства стану музского зьводят(ь), и маетности мимо властное потомство в ыншыне домы приходят(ь), а такъ с порадою зацныхъ людей, приятелей моихъ, а звлаца его милости кн(я)жати Романа Саньгушковича, который ми от немалого часу пораду давал, абымъ я за часу доброго здоровья моего домъ свой росправиль, ино кгдыжъ ми Панъ Богъ не даль большей потомства, только одного сына кн(я)зя Аньдрея, на которого водле Божьего и прирожного права яко на властного отчича и дедича вси именья и маетности моя по смерти моей приходитъ и спадает(ь), тогда таковой варунокъ на вси потомные ч(а)сы оставую, то ест(ь), где бы з воли Божее тот сынъ мой помененый Аньдрей без потомства зъ сего св(е)та

зшыоль, вси именья мои *отчизные* и *набытые* такъ на Вольшню, яко в Полес(ь)ю и тутъ, на Подляшью, ни на кого иньшого, тол(ь)ко на тые дочки мои пани Ганну Адамовую Патиевую и Марину *прийти* и *властнымъ* а *прирожнымъ* правомъ на них спасти *мает(ь)* яко на *властное* потомство мое, абься тежь они, потомькове мои, а не хто иньший з добродейства и *маетности ойцовьское* веселитисе могли.

А сын мой Аньдрей, не маючи потомства за живота своего, тыхъ *именей* утрачатъ и никому *жаднымъ* вечистымъ *правом* записовать и *вечностью* заводитъ *не мает(ь)* ани *может(ь)*, ведъже *мальжонце* своей, естли бы себе *оженит*, вено *напротивко* внесенья ее на *которомьколько*векъ *имен(ь)ю* *похочет(ь)*, *водле* права записати ему *вол(ь)но* *будеть*.

А естли бы ему Пань Богъ потомство з жоною дати *рачил*, тогды дочки мои *помененые* до тыхъ *именей* *жадного* *вправа* *мимо* его *потомство* *мети* ани *вступоватися* не мають. *Нижли естли* бы тотъ *сын мой* не *оженися*, || [316] не *оженившися*, ал(ь)бо и *оженивъши*, *чого* *Боже* *уховай*, без *потомства* з сего *св(е)та* зшыоль, тогды *вже* то, *якося* *вышпей* *поменило*, ни на кого иньшого, тол(ь)ко на тые дочки мои *яко* на *властное* потомство и *дедички* *спадаеть*. А по *животе* их, *дочокъ* *моих*, *тое* *право* *детемъ* их *служити* *маеть*.

Нижли то *особливе* *варую*, *ижъ* за *живота* *того* *с(ы)на* *моего* *кн(я)зя* Аньдрея тые дочки мои до тыхъ *именей* *жадного* *права* и *въступу* *мети* и *переказы* *никое* *чинити* и *того* *права* *своего*, *от* *мене* *имъ* *дарованого*, *уживати* *не* *мают(ь)*, *кдъжъ* *тое* *право* *их* *ажъ* по *смерти* *сына* *моего* и *то*, *где* *бы* *без* *потомства* з сего *св(е)та* зшыоль, *тымъ* *дочкамъ* *моимъ* *помененым* и *потомству* *их* *ожити*, *отворьтисе* и *служити* *маеть*, з *вол(ь)нымъ* *уехан(ь)ем* у тые *именья* *мои* *яко* *властнымъ* *паномъ* а *дедичомъ* и *потомькомъ* *моим*.

А *ведъже* и *повторе* *того* *докладамъ*: *дерьжечи* тые *именья*, *сынъ* *мой* Аньдрей *вечност(ь)ю* их *утрачат(ь)* и *никому* *записовать* и *заводит(ь)* *не* *маеть*, *опрочъ* *где* *бы* *тымъ* *же* *сестрамъ* *своимъ* *которой* *колько*векъ *шго* за *живота* *своего* з *доброе* *воли* *своее* *уступил* ал(ь)бо *дат(ь)* *хотель*, *то* *ему* *вол(ь)но* *будеть*.

А *шгося* *дотьчет(ь)* *мальжонки* *моее* *кн(я)г(и)ни* *Ганьны* *Одинцевичовны*, *которая* *певное* *право* *мает(ь)* *от* *мене* на *всемъ* *именью* *моемъ* *Рожанецкомъ* на *Подляшью*, *ино* *при* *томъ* *праве* *ее* *вдале* и *ни* в *чомъ* *ненарушоне* *мальжонку* *мою* *оставую*, *ни* *чинечи* *ей* *жадное* *переказы*, *симъ* *листомъ* *моимъ*. *Естли* *бы* *тежь* *малжонка* *моя* з сего з *света* *заходечы*, *оного* *права* *своего*, *от* *мене* *ей* *записаного*, *никому* з *детей* и *близких* *н(а)ших* *не* *отписала*, *тогды* *по* *смерти* *ее* и *тое* *именье* *Рожаньцы* *тымъ* *же* *порадькомъ* и *способом*, *яко* *вышпей* *поменено*, на *с(ы)на* *моего* *кн(я)зя* Аньдрея *яко* на *властного* *дедича* *прийти* *мает(ь)*, а по *его* *животе*, в *недостатку* *потомства* *его*, на *дочки* *мои* *пани* *Ганну* *Патиевую* и *Марину*, а по *них* на *дети* и *потомство* *ихъ* *дедичнымъ* *правомъ* *прийти* и *спасити* *мает(ь)*. *Которого* *имен(ь)я* *вечностью* *сын мой* *такъже* *утрачат(ь)* и *ниjakимъ* *способомъ* *заводит(ь)* и *никому* *записоват(ь)* *не* *мает(ь)*.

И на то далэмь тымь дочькамь своимь паней Адамовой Патисевой, писаровой земьской берестейской, Ганье и кн(я)жне || [316 адв.] Марине сесь мой лист з моею печат(ь)ю. При чомь были и того добре ведоми будучи за устною и очевистою проз(ь)бою моею печати свои приложит(ь) рачили их милост(ь) пань Богдань Богушевич Туминский, а пань Ивань Черньский и пань Ивань Мыньцаревич, городничий замку Берестейского. А над то ствержаючи, я сес(ь) лист мой маю то вызнати на враде г(о)с(по)д(а)рьскомь в замку Берестейскомь и дать его до книгь замковых уписат(ь), с которых возьмши выпис, по том перенесеньемь оного з кгроду до земьства уфале сойму берестейского досьт(ь) ся станет(ь).

Писань у Бересты, лета Божьего нарожен(ь)я тисеча пят(ь)сот шест(ь)десят сегомо, месеца октебра перьвого дня.

С которих же книгь его королевское милости канц(е)лярейских за росказаньемь его милости г(о)с(по)д(а)рьскимь дань есть выпис п(а)ну Адаму Патеню, писару земьскому берестейскому, и малжонце его паней Ганне Федоровне Острожецкогю.

Писан у Варшаве etc.

№ 4

1595 XII 16, Кракаў

Запис у кнізе Канцьярыи ВКЛ паветамяния берасцейских мяшчан пра пажар у Берасці ўначы 15 лістапада 1595 г., падчас якога ў доме райцы Андрэя Слупскага згарэла месцкая скрынка з некаторымі прывілеямі Берасццо.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 277. Арк. 630—630 адв. (Метрыка ВКЛ. Кніга судовых спраў № 63, 1589—1595 гг., копія канца XVI ст.).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Оповедан(ь)е мешань берестейских о згорэнье скрыньки местское з некоторыми привілеями ихъ.

Лета Божэго нарожэнья АФЧЕ [1595] м(е)с(е)ца декабра SI [16] дня.

Ставши очевисто у книгь г(о)с(по)д(а)рьскихъ канц(е)лярэйскихъ, райцы места его королевское м(и)л(о)сти Берестейского учьстивые Адамь Шцэпановичь а Янь Беликовичь сами оть себе и именемь бурмистровь, радець, лавниковь и всихъ мешань места его королевское м(и)л(о)сти Берестейского оповедали то, ижъ дей в року теперешнемь тисеча пятьсоть деветьдесять пятом м(е)с(е)ца ноябра петнадцатого дня в нocy, з допуцэнья Божэго, чэрез злого человека, за зложэньемь огня под место, пять домовь в месте Берестейскомь, въ самомь рыньку згорело, межы которыми и домь славутого Аньдрэя Слупского, райцы берестейского, зо всею маенностью его згорель. А при том и скрынька местская з некоторыми привілыями королей ихъ м(и)л(о)сти пол(ь)ских и великихъ кн(я)зей литовскихъ и пыльными листами, всему месту на вольности належачими, в схованью его будучая, згорела, а меновите привілей

славное памяти кн(я)зя великого Витовьта на вольность, вызволен(ь)я всихъ мещанъ берестейскихъ, под правомъ майдэборскимъ будущьхъ, вечными часы, отъ даванья мыга старого на коморе берестейской отъ всякихъ товаровъ ихъ, а друтии привилей славное и светое памяти короля его м(и)л(о)сти Жикгимонта Першого на учиненье ихъ вольныхъ отъ даванья подводъ, опрочъ двухъ коней под посланьца ихъ королевской м(и)л(о)сти, которыхъ дей тол(ь)ко они водлугъ того привилею давати повиньни были. И иньшихъ немало листовъ, месту потребныхъ, отъ квальтовного огня с тою скринено згорело. Што они, в пришлый часъ себе варуючы, абы то имъ не шкодило, просили, абы тое оповеданье ихъ до книгъ его королевское м(и)л(о)сти записано было. Што за проз(ь)бою ихъ до книгъ господарьскихъ каньц(е)лярэйскихъ записано, с которыхъ и сесь выпись под печат(ь)ю || [630 адв.] его м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рьскою мещаномъ берестейскимъ выданъ есть.

Писанъ у Кракове.

Леъъ Сапега, каньцлер Великоз(о) Княз(ства) Литовскоз(о), etc.

№ 5

1596 V 7, Варшава

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, пацвярджае мяшчанам і яўрэям Берасця права не плаціць старое мыга на берасцейскай мыгні, акрамя мыга з воску і солі, якое права было ім даравана згарэўшым прывілеем вялікага князя Вітаўта.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 83. Арк. 81 адв.—82 адв. (Метрыка ВКЛ. Кніга запісаў № 83, 1596—1598 гг.); Спр. 84. Арк. 45 адв.—46 (Метрыка ВКЛ. Кніга запісаў № 84, 1596—1601 гг.).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі з кнігі № 83 Метрыкі ВКЛ.

Прывилей бурмістромъ, райцамъ и всимъ мещаномъ берестейскимъ права майдэборского и жьдомъ, чьнечы их вол(ь)ными от плачэнья мыга старого берэстейского водлугъ прывилью кн(я)зя в(е)л(и)кого Витол(ь)та.

Жыкгимонт Третий, Божью м(и)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский, в(е)л(и)кий кн(я)зь литовский.

Ознаймемъ симъ нашими листомъ всимъ вобэць и кождому зособна, кому бы то ведати належало, нинешнимъ и напотомъ будущимъ. Билїи намъ, г(о)с(по)д(а)ру, чоломъ подданные н(а)шы Станиславъ Курэлевский, бурмістръ берестейский, Адамъ Ростекъ, райца, и Шауль Юдичъ, жьдъ берестейский, сами от себе и от иньшихъ бурмістровъ, радець, лавниковъ и всихъ мещанъ, такъжэ и жьдовъ нашихъ берестейскихъ, и поведили перэд нами, ижъ кгда в року прошломъ тепер тисеча пят(ь)сотъ девятьдесять пятомъ м(е)с(е)ца ноебра петнадцатого дня з допущэнья Божого пят(ь)домов в месте Берестейскомъ, в самомъ рынъку, згорэло, межы которыми и

домъ райцы берестейского Аньдрэя Слупьского зо всею маестностью, а пры томъ скрынька местская з некоторыми привиліями продковъ н(а)шыхъ, славное памяти королей ихъ м(и)л(о)сти пол(ь)скихъ и великихъ кн(я)зей литовскихъ, и спилными листами, всему месту на некоторые вольности ихъ належачые, въ схованью его будучая, згорэла, а меновите привилей славное памяти великого кн(я)зя Витол(ь)га, которымъ его м(и)л(о)сть надати рачиль мешчаномъ берестейскимъ и жыдомъ тамошнего жь места вольность отъ плачэнья мыта старого коморы берестейское отъ всякихъ товаровъ ихъ вечными часы, которое вол(ь)ности водлугъ привилею великого кн(я)зя его м(и)л(о)сти Витол(ь)га они вси, мешчане нашы, под правомъ майдэбурскимъ мешкаючыє, и жыдове берестейские, ажъ до сего часу спокойне ужываючы, мыта старого отъ || [82] отъ всякихъ товаровъ своихъ на коморэ берестейской николи не платятъ. На што показуючы слушное сведэцтво, жэ тое вол(ь)ности отъ давныхъ часовъ заживаюм(ь), унижоне нас, г(о)с(по)д(а)ра просили, абыхмо ихъ пры той давной вол(ь)ности ихъ zostавившы, особливимъ листомъ н(а)шимъ то имъ варовали, якобы тое згорэньє привилею ничего имъ не шкодило.

А такъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, взявшы о томъ пэвную и достаточную ведомость, жэ мешчане н(а)ши и жыдове берестейские, з давныхъ часовъ заживаючы таковое вол(ь)ности, мыта старого коморы берестейское отъ всякихъ товаровъ своихъ николи не платятъ, опрочъ сольничо(о) и восковничого, и мы з ласки н(а)шое г(о)с(по)д(а)рское, заставуючы ихъ пры той вольности ихъ давной и не приводечы ее в жадную вонгпливость, симъ листомъ н(а)шимъ то имъ варуем и упэвняемъ, ижъ все мешчане н(а)шы, под правомъ майдэбурскимъ мешкаючыє, такъжэ и жыдове берестейские водлугъ давное вол(ь)ности своеє не маюм(ь) и не будутъ повинни вечными часы мыта старого коморы берестейское платити отъ всякихъ товаровъ своихъ якимькольвекъ именемъ и назвискомъ менованыхъ, только отъ воску и отъ соли мыто звыклоє давати, такъжэ и на иньшыхъ коморахъ мытныхъ, вынявшы мыто берестейское, отъ товаровъ своихъ мыто звыклоє платити маюмъ водлугъ стародавного звычаю, в чомъ имъ арэндары мыта старого и мытники коморы берестейское и нихъто иншый ниякое переказы в ганьдляхъ и задаванья трудности в мыте старомъ над тую вол(ь)ность ихъ давную чынити не маюм(ь) и не будутъ мочы, вечными часы.

И на то дали ес(ь)мо мешчаномъ и жыдомъ н(а)шимъ берестейскимъ сесь нашъ листь с подыписомъ власное руки н(а)шое г(о)с(по)д(а)рское и з нашою печатью прывесистою.

Писанъ у Варышаве, лета || [82 адв.] лета Божого нарожэнья тисеча пят(ь)сотъ деветьдесять шостого м(е)с(е)ца мая семого дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рское.

Матей Война, писар.

Літаратура і крыніцы

1. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522—1529). Užrašymų knyga 12 / Parengė: Darius Antanavičius ir Algirdas Baliulis. — Vilnius : Žara, 2001. — 854 p.

2. Довнар-Запольский, М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. — Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1901. — Т. I. — VIII, 807, СХП, II с.
3. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. Т. II. Документы и регесты к истории литовских евреев (1550—1569) / собрал и издал С. А. Бершадский. — СПб. : Издание Общества распростран. просвещ. между евреями в России, 1882. — II, 259, ХП с.
4. Микульский, Ю. Н. Собор Св. Николая в Бресте — свидетель унии 1596 г.: Очерки истории храма по письменным и иконографическим источникам XV—XVIII вв. / Ю. Н. Микульский // Белорусская старина. — Минск : Ковчег, 2022. — Вып. 1. — С. 215—291.
5. Акты Литовско-Русского государства / Изданные М. Довнар-Запольским. Вып. I. (1390—1529 гг.) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. — 1899. — Вып. 4. — С. I—ХП, 1—258.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.05.2023

РЭЗІЮМЭ

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Тыпы, віды і формы электронных публікацый дакументаў.

У артыкуле разглядаюцца актуальныя праблемы электронных публікацый дакументаў у Беларусі пасля 1991 г. Зроблена выснова, што прадстаўленьня ў Інтэрнэце публікацыі дакументаў у большасці не могуць быць аднесены да электронных. Тыя з іх, што маюць прыкметы электронных публікацый, належаць да навукова-папулярных выданняў. Навуковы і навучальны тыпы прадстаўлены адзінкавымі публікацыямі. Па відавай прыналежнасці публікацый дамінуюць тэматычныя (у асноўным юбілейнага характару) і выданні дакументаў адной асобы. Амаль не прадстаўлены пафондавыя і выданні дакументаў аднаго віду. Формай прадстаўлення з'яўляюцца не характэрныя для традыцыйных публікацый выставы і прэзентацыі.

Жумар Сяргей Уладзіміравіч, Несяровіч Юрый Уладзіміравіч. Нарыс па карэляцыі паняццяў аўтэнтычнасці і сапраўднасці гістарычнага дакумента, службовага (аператыўнага) дакумента і архіўнага дакумента: міждысцыплінарная праекцыя.

У межах міждысцыплінарнай праекцыі фарміравання базісных паняццяў дасцца аптымізацыя паняццяў, якія тэрмінаруюцца як «аўтэнтычны, сапраўдны дакумент», і сумежных з імі па тэрмінаванні паняццяў. Улічваецца, што пры іх фарміраванні належыць адрозніваць верагоднасць і адэкватнасць прадстаўляемай дакументам інфармацыі. Ажыццяўляемая аптымізацыя паняццяў і тэрмінаў карэлятыўна сістэме ведаў дакументалогіі. У ёй пры фарміраванні паняццяў не патрэбна абагульненне прыкмет паняццяў, якія выкарыстоўваюцца ў практычнай дзейнасці, калі яны ствараюць супярэчнасці. На падставе семантычнага аналізу прапанавана аптымізацыя тэрмінавання: замест тэрміна «аўтэнтычны экзэмпляр дакумента» — тэрмін «аналагічны экзэмпляр дакумента». Лічыцца прадуктыўным увядзенне паняцця аўтэнтыка архіўнага дакумента, вылучэнне экзэмплярамі архіўнага дакумента арыгінала і яго копіі, адрозніванне архіўных аўтэнтыкаў і архіўных арыгіналаў.

Казлоў Уладзімір Пятровіч. Сучасная архіўная перыёдыка: у абдымках свабоды і неабходнасці.

У дакладзе, зробленым на Усерасійскім круглым stole «Гісторыка-архівазнаўчы перыядычны друк (да 100-годдзя выхаду ў свет першага нумара часопіса “Архивное дело”», які адбыўся 22 сакавіка 2023 г. у Гісторыка-архіўным інстытуце Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта (Масква), прааналізаваны сучасныя праблемы расійскай архіўнай перыёдыкі.

Елізараў Сяргей Аляксандравіч. Арганізацыйная структура выканкамаў мясцовых Саветаў БССР (1964—1984 гт.).

У артыкуле разглядаюцца пытанні рэарганізацый структуры выканкамаў мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных / народных дэпутатаў Беларускай ССР у 1964—1984 гт. Вылучаюцца тры асноўныя напрамкі гэтых рэарганізацый: рэарганізацыя сістэмы кіравання сельскай гаспадаркай; стварэнне новых або карэктроўка ўжо існуючых структурных падраздзяленняў выканкамаў, звязаных з эканамічнай, прававой і сацыяльнай сферамі; скасаванне або пераўтварэнне некаторых аддзелаў і ўпраўленняў аблвыканкамаў у вытворчыя і вывядзеныя іх з непасрэднага падпарадкавання выканкамаў. Адназначна, што арганізацыйныя рэарганізацыі мясцовага апарату насілі абмежаваны характар і былі накіраваны на адаптацыю структуры мясцовых органаў улады і кіравання да росту аб'ёмаў вырашасемых задач сацыяльна-эканамічнага развіцця рэгіёнаў ва

ўмовах захавання існуючай вертыкалі ўлады і пісаных і няпісаных правілаў унутры яе. Ніякіх «перадперабудоўных» настройў у гэтым пытанні сярод мясцовай кіруючай саветкай і партыйнай вертыкалі аўтару выявіць не ўдалося.

Макаранка Алена Аляксандраўна. Стварэнне навукова-даведачнага апарату да дакументаў перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

У дадзеным артыкуле разгледжана гісторыя стварэння сістэмы навукова-даведачнага апарату да дакументаў перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, выяўлены яе асноўныя і дадатковыя элементы; ахарактарызаваны арганізацыйна-метадычныя і практычныя мерапрыемствы, якія праводзяцца архівам з мэтай пашырэння доступу і павышэння эфектыўнасці выкарыстання архіўных дакументаў па дадзенай праблематыцы.

Новікаў Сяргей Яўгенавіч. Нацысцкі генацыд беларускага народа ў адностраванні дакументаў серыі «Без тэрміну даўнасці».

Аўтар упершыню даследуе крыніцазнаўчы патэнцыял фундаментальнага дакументальнага выдання «Без тэрміну даўнасці. Беларусь». На аснове малавядомых крыніц і гістарычных фактаў узнаўляецца агульная карціна жудаснай трагедыі грамадзянскага насельніцтва, якое апынулася на акупіраванай тэрыторыі Беларускай ССР у гады Вялікай Айчыннай вайны. Паказаны асноўныя сродкі, формы і наступствы нацысцкай акупацыйнай палітыкі па масавым знішчэнні мірных жыхароў Беларусі, у тым ліку мясцовых і дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў. Прыводзяцца дакументальныя даныя аб маштабах нацысцкага генацыду грамадзянскага насельніцтва ў разрэзе сучасных абласцей і раёнаў, звесткі пра колькасць знішчаных у канкрэтных населеных пунктах людзей; шматлікія злачынствы германскіх акупантаў і іх памагатых на тэрыторыі БССР у 1941—1944 гг. раскрываюцца на аснове дакументальных фактаў.

Кудрыцкі Аляксей Сяргеевіч. Легальны беларускамоўны друк Заходняй Беларусі аб грамадзянскай вайне ў Іспаніі (1936—1939).

Падчас грамадзянскай вайны ў Іспаніі, нягледзячы на існуючую цензуру ў Польскай Рэспубліцы, легальны беларускамоўны друк у Заходняй Беларусі актыўна асвятляў ход вайны і розныя яе аспекты. Матэрыялы пра вайну друкаваліся ў газетах «*Вісларускаја крывіца*», «*Chryścijanskaja Dumka*», «*Беларуская доля*», «*Беларускі фронт*», «*Наша воля*», «*Новы шлях*», «*Родны край*» і «*Шлях моладзі*». У гэтых газетах вайна разглядалася праз некалькі оптык: уступ да новай сусветнай вайны, барацьба дэмакратыі і фашызму, вызваленне неіспанскіх народаў, а таксама праз адносіны бакоў канфлікту да царквы і рэлігіі. Адзінай пазіцыі ў газет не было, у друку прысутнічала як падтрымка рэспубліканскага ўрада і нейтральная пазіцыя, так і падтрымка нацыяналістаў. Матэрыялы легальнага беларускамоўнага друку Заходняй Беларусі з’яўляюцца каштоўнай крыніцай аб адносінах розных плыняў беларускага нацыянальнага руху да грамадзянскай вайны ў Іспаніі.

Барынаў Ігар Ігаравіч. Баляслаў Брэжга: самы загадкавы беларускі гісторык.

У артыкуле на аснове архіўных і апублікаваных даных узноўлена біяграфія беларускага і латышскага гісторыка Баляслава Брэжгі (1887—1957).

Петух Юрый Мікалаевіч. Дакументы фонду 249 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь як крыніца па гісторыі станаўлення і развіцця сістэмы дзяржаўных архіваў Беларусі ў 1918—1938 гг.

У артыкуле, прысвечаным стагоддзю архіўнай галіны Беларусі, разглядаецца працэс станаўлення і развіцця сістэмы дзяржаўных архіваў Беларусі праз прызму матэрыялаў фонду 249 (Дэпартамент па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь) за час з 1918 па 1938 г. Даецца характарыстыка асноўных відаў дакументаў, якія адклаліся ў фондзе, таксама праводзіцца аналіз найбольш значных з іх.

Лютарэвіч Ілья Уладзіміравіч. Нацыянальны архіў ЗША ў сістэме кіравання дакументацый і архіўнай справай.

У артыкуле раскрываюцца роля і месца Нацыянальнага архіва ЗША ў сістэме кіравання дакументацый і архіўнай справай. Акцэнтуюцца ўвага на ключавых падзеях, якія вызначылі шлях развіцця Нацыянальнага архіва. У заключэнні робіцца выснова аб сучасным стане Нацыянальнага архіва ЗША і яго ўплыве на развіццё сістэмы кіравання дакументацый і архіўнай справай, а таксама звяртаецца ўвага на неабходнасць далейшага вывучэння дзейнасці Нацыянальнага архіва ЗША з мэтай запазычання і ўкаранення найбольш эфектыўных метадык працы з дакументамі ў архіўную сістэму Рэспублікі Беларусь з улікам нацыянальнай спецыфікі.

Іванова Вольга Сяргееўна, Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Метад архіўнай рэканструкцыі ў архіўнай справе і навуковых даследаваннях.

У артыкуле разглядаецца метады архіўнай рэканструкцыі як асноватворны ў архівазнаўстве, што дазваляе аформіць у адзінае цэлае яго асноўныя тэрэтычныя палажэнні. Пры гэтым аўтары не адмаўляюць магчымасцей разгляду архіўнай рэканструкцыі як працэсу ці сукупнасці метадаў. Засноўваючыся на тэрміноўнай гістарыяграфіі, фармулююцца сучасныя задачы метаду архіўнай рэканструкцыі для беларускіх архівістаў і навукоўцаў, а таксама даецца характарыстыка магчымых аб'ектаў, відаў, этапаў архіўнай рэканструкцыі. Выкарыстанне метаду архіўнай рэканструкцыі ілюструецца на прыкладзе замежных і айчынных архіваў перыяду Сярэднявечча і Новага часу.

Злобін Сяргей Сяргеевіч. Рамкі посткаланіяльнага павароту ў гістарыяграфіі.

Посткаланіяльны паварот з'яўляецца вельмі размытым цэлым у сучаснай гістарыяграфіі. З прычыны гэтага ўяўляецца асабліва актуальным знайсці якія-небудзь агульныя прынцыпы, на аснове якіх можна было б адносіць да посткаланіяльнага павароту таго ці іншага даследчыка або гістарыяграфічны напрамак. Аднак усталяваць агульныя прынцыпы, акрамя крытыкі негатыўнай прыроды каланіяльнай улады, не ўяўляецца магчымым у сілу вялікай разнастайнасці даследчых стратэгий у рамках посткаланіяльнага павароту. Метадалагічная глыбіня і вынаходлівасць, сувязь з прызнанымі посткаланіяльнымі даследчыкамі, такімі як Г. Співак і Д. Чакабарці, могуць тычыцца асобна ўзятага аўтара, але могуць і не мець да яго ніякага дачынення. Таму адзіным агульным крытэрыем рамак посткаланіяльнага павароту з'яўляецца крытыка дзеяння каланіяльнай улады, астатнія прынцыпы можна дадаваць у залежнасці ад апісання развіцця творчасці таго ці іншага аўтара ці гістарыяграфічнага кірунку.

Несяяровіч Юрый Уладзіміравіч. Да аптымізацыі паняццяў электроннага выдання і электроннай публікацыі (крытычны дакументалагічны аналіз ДАСТ Р 7.0.95-2015).

Дадзены крытычны аналіз ДАСТ 7.0.95-2015 у аспекце наяўнасці логіка-эпістэмалагічных несуразмернасцей і фарміравання паняццінага апарату выдавецкай справы і электроннага дакументазнаўства і кнігазнаўства. Зыходзячы з міждyscyплінарнай стратэгіі каардынацыі паняццяў, раскрываюцца суадносіны паняццяў, якія абазначаюцца тэрмінамі «электронны дакумент», «электроннае выданне», «склад, структура, змест

электроннага выдання», прапанаваны падставы для аптымізацыі паняццяў, якія абазначаюцца тэрмінамі «апублікаваны электронны дакумент», «электронная публікацыя».

Кандрашын Віктар Віктаравіч. Актуальныя тэмы дакументальнага асвятлення сацыяльна-эканамічнай гісторыі Расіі і Рэспублікі Беларусь.

У артыкуле разгледжаны дасягненні і перспектывыныя тэмы сумеснай работы архіваў Беларусі і Расіі па выданні дакументаў, якія асвятляюць сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Аб сумеснай выдавецкай дзейнасці Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і архіўных устаноў Расіі ў XXI стагоддзі: дасягненні і перспектывы.

У артыкуле разглядаецца пытанне ўзаемадзяння Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь з расійскімі архівамі ў сферы выдавецкай дзейнасці, якому ўжо больш за 20 гадоў. За гэты час убачылі свет каля 30 зборнікаў дакументаў і больш за 10 іншых выданняў. У цяперашні час рэалізоўваецца фундаментальны серыйны праект па аднаўленні народнай гаспадаркі БССР у першыя пасляваенныя гады. Запланавана падрыхтоўка шэрагу зборнікаў дакументаў па акупацыйнай палітыцы нацыстаў.

Штукана Святлана Віктараўна. Архіў і архівісты Цэнтральнага гістарычнага архіва ў горадзе Ленінградзе ў гады блакады Ленінграда.

У артыкуле асветлена дзейнасць супрацоўнікаў Цэнтральнага гістарычнага архіва ў Ленінградзе ў гады блакады горада (1941—1944).

Кюнг Павел Аляксеевіч. Праблемы камплектавання Архіўнага фонду Расійскай Федэрацыі электроннымі аўдыявізуальнымі і навукова-тэхнічнымі дакументамі.

У артыкуле сцiсла аналізуюцца асноўныя праблемы, звязаныя з камплектаваннем дзяржаўных архіваў электроннымі аўдыявізуальнымі і навукова-тэхнічнымі дакументамі. Актуальнасць пытання абумоўлена неабходнасцю ўключэння ў склад Архіўнага фонду Расійскай Федэрацыі і захоўвання электронных аўдыявізуальных і навукова-тэхнічных дакументаў, што ўтвараюцца ў дзейнасці арганізацый і грамадзян і з'яўляюцца часткай гісторыка-культурнай спадчыны Расійскай Федэрацыі.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Аб ўзаемадзянні архіваў, музеяў, бібліятэк у справе захоўвання сацыяльнай памяці чалавецтва.

У артыкуле разгледжаны актуальныя праблемы ўзаемадзяння архіваў, музеяў, бібліятэк у справе захавання сацыяльнай памяці чалавецтва.

Рындзін Сяргей Мікалаевіч. Палажэнне замежных ваеннапалонных на тэрыторыі беларускіх губерняў у гады Першай сусветнай вайны (*паводле матэрыялаў Нацыянальна-га гістарычнага архіва Беларусі і Расійскага дзяржаўнага ваенна-гістарычнага архіва*).

У артыкуле разглядаюцца працоўная занятасць і ўмовы жыцця замежных рабочых, якія знаходзіліся на тэрыторыі беларускіх губерняў у перыяд Першай сусветнай вайны. Адзначаецца, што значную частку замежных рабочых у гэты перыяд складалі германскія і аўстра-венгерскія ваеннапалонныя. Вывучаецца стварэнне рабочых рот, дружын, батальёнаў з ваеннапалонных і прымяненне іх працы на фронце і ў эканоміцы прыфрантавых губерняў, даследуецца рэалізацыя цэнтральнымі і мясцовымі ўладамі норм міжнародных канвенцый аб умовах утрымання ваеннапалонных.

Пазднякоў Валерый Сямёнавіч. Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 1. Берасцейскае ваяводства (XVI ст.).

У артыкуле публікуюцца дакументы 1525—1596 гг., якія ўтрымліваюць звесткі пра архівы розных пластоў насельніцтва Берасцейскага ваяводства.

РЕЗЮМЕ

Шумейко Михаил Федорович. Типы, виды и формы электронных публикаций документов.

В статье рассматриваются актуальные проблемы электронных публикаций документов в Беларуси после 1991 г. Сделан вывод, что представленные в Интернете публикации документов в большинстве не могут быть отнесены к электронным. Те из них, которые имеют признаки электронных публикаций, принадлежат к научно-популярным изданиям. Научный и учебный типы представлены единичными публикациями. По видовой принадлежности публикаций доминируют тематические (в основном юбилейного характера) и издания документов одного лица. Почти не представлены фондовые и издания документов одного вида. Формой представления являются не характерные для традиционных публикаций выставки и презентации.

Жумарь Сергей Владимирович, Нестерович Юрий Владимирович. Очерк по корреляции понятий аутентичности и подлинности исторического документа, служебного (оперативного) документа и архивного документа: междисциплинарная проекция.

В рамках междисциплинарной проекции формирования базисных понятий оптимизируются понятия, терминируемые как «аутентичный, подлинный документ» и смежные с ними по терминированию. Уточняется, что при их формировании следует различать достоверность и адекватность предоставляемой документом информации. Оптимизация понятий и терминов коррелятивна формирующейся системе общетеоретических знаний документологии. В ней признаки понятий, используемые в практической деятельности, не востребованы при выработке базисных теоретических схем, если порождают противоречия. На основе семантического анализа предложена оптимизация терминирования: замена в термине «аутентичный экземпляр документа» первого терминоэлемента на «аналогичный». Считается продуктивным введение понятия подлинника архивного документа, выделение экземплярами архивного документа подлинников и его копий, различение архивных подлинников и оригиналов.

Козлов Владимир Петрович. Современная архивная периодика: в объятиях свободы и необходимости.

В докладе, сделанном на Всероссийском круглом столе «Историко-архивоведческая периодическая печать (к 100-летию выхода в свет первого номера журнала “Архивное дело”)), состоявшемся 22 марта 2023 г. в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (Москва), проанализированы современные проблемы российской архивной периодики.

Елизаров Сергей Александрович. Организационная структура исполкомов местных советов БССР (1964—1984 гг.).

В статье рассматриваются вопросы реорганизаций структуры исполкомов местных Советов депутатов трудящихся / народных депутатов Белорусской ССР в 1964—1984 гг. Выделяются три основных направления этих реорганизаций: реорганизация системы управления сельским хозяйством; создание новых или корректировка уже существующих структурных подразделений исполкомов, связанных с экономической, правовой и социальной сферами; упразднение или преобразование некоторых отделов и управлений облисполкомов в производственные и выведение их из непосредственного подчинения исполкомов. Отмечается, что организационные реорганизации местного аппарата носили ограниченный характер и были направлены на адаптацию структуры местных органов власти и управления к росту объемов решаемых задач социально-эко-

номического развития регионов в условиях сохранения существующей вертикали власти и сложившихся писанных и неписанных правил внутри нее самой. Никаких «предперестроечных» настроений в этом вопросе среди местной руководящей советской и партийной вертикали автору выявить не удалось.

Макаренко Елена Александровна. Создание научно-справочного аппарата к документам периода Великой Отечественной войны в Национальном архиве Республики Беларусь.

В данной статье рассмотрена история создания системы научно-справочного аппарата к документам периода Великой Отечественной войны в Национальном архиве Республики Беларусь, выявлены ее основные и дополнительные элементы; охарактеризованы организационно-методические и практические мероприятия, проводимые архивом с целью расширения доступа и повышения эффективности использования архивных документов по данной проблематике.

Новиков Сергей Евгеньевич. Нацистский геноцид белорусского народа в отражении документов серии «Без срока давности».

Автор впервые исследует источниковедческий потенциал фундаментального документального издания «Без срока давности. Беларусь». На основе малоизвестных источников и исторических фактов воссоздана общая картина страшной трагедии мирного населения, оказавшегося на оккупированной территории Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны. Показаны основные средства, формы и последствия нацистской оккупационной политики по массовому уничтожению мирного населения Беларуси, в том числе местных и депортированных из европейских стран евреев. Приводятся документальные данные о масштабах нацистского геноцида мирного населения в разрезе современных областей и районов, сведения о количестве убитых в конкретных населенных пунктах; многочисленные преступления, совершенные немецкими оккупантами и их пособниками на территории БССР в 1941—1944 гг., раскрываются на основе документальных фактов.

Кудрицкий Алексей Сергеевич. Легальная белорусскоязычная печать Западной Беларуси о гражданской войне в Испании (1936—1939).

Во время гражданской войны в Испании, несмотря на существовавшую цензуру в Польской Республике, легальная белорусскоязычная печать в Западной Беларуси активно освещала ход войны и различные ее аспекты. Материалы о войне публиковались в газетах «*Bielaruskaja krupnica*», «*Chryścijanskaja Dumka*», «Беларуская доля», «Беларускі фронт», «Наша воля», «Новы шлях», «Родны край» и «Шлях моладзі». В данных газетах война рассматривалась через несколько оптик: прелюдия к новой мировой войне, борьба демократии и фашизма, освобождение испанских народов, а также через отношение сторон к церкви и религии. Единой позиции у газет не было, в печати присутствовала как поддержка республиканского правительства и нейтральная позиция, так и поддержка националистов. В целом материалы легальной белорусскоязычной печати Западной Беларуси являются ценным источником об отношении различных ветвей белорусского национального движения к гражданской войне в Испании.

Баринов Игорь Игоревич. Болеслав Брежго: самый загадочный белорусский историк.

В статье на основе архивных и опубликованных данных воссоздана биография белорусского и латышского историка Болеслава Брежго (1887—1957).

Петух Юрий Николаевич. Документы фонда 249 Национального архива Республики Беларусь как источник по истории становления и развития системы государственных архивов Беларуси в 1918—1938 гг.

В статье, приуроченной к столетию архивной отрасли Беларуси, рассматривается процесс становления и развития системы государственных архивов Беларуси через призму материалов фонда 249 Национального архива Республики Беларусь (Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь) в период с 1918 г. по 1938 г. Дается характеристика основных видов документов, отложившихся в фонде, а также проводится анализ наиболее важных из них.

Люгаревич Илья Владимирович. Национальный архив США в системе управления документацией и архивным делом.

В статье раскрываются роль и место Национального архива США в системе управления документацией и архивным делом. Акцентируется внимание на ключевых событиях, определивших путь развития Национального архива. В заключении делается вывод о текущем состоянии Национального архива США и его влиянии на развитие системы управления документацией и архивным делом, а также обращается внимание на необходимость дальнейшего изучения деятельности Национального архива США с целью заимствования и внедрения наиболее эффективных методик работы с документами в архивную систему Республики Беларусь с учетом национальной специфики.

Иванова Ольга Сергеевна, Латушкин Андрей Николаевич. Метод архивной реконструкции в архивном деле и научных исследованиях.

В статье метод архивной реконструкции рассматривается как основополагающий в архивоведении, что позволяет сформировать ее основные теоретические положения в единое целое. В то же время авторы не отрицают возможности рассмотрения архивной реконструкции как процесса или совокупности методов. На основе тщательной историографии сформулированы современные задачи метода архивной реконструкции для белорусских архивистов и ученых, а также дана характеристика возможных объектов, видов и этапов архивной реконструкции. Применение метода архивной реконструкции проиллюстрировано на примере зарубежных и отечественных архивов Средневековья и Нового времени.

Злобин Сергей Сергеевич. Рамки постколониального поворота в историографии.

Постколониальный поворот является очень размытым целым в современной историографии. Вследствие этого представляется особенно актуальным найти какие-либо общие принципы, на основе которых можно было бы отнести к постколониальному повороту того или иного исследователя или историографическое направление. Однако установить общие принципы, кроме критики негативной природы колониальной власти, не представляется возможным в силу большого разнообразия исследовательских стратегий в рамках постколониального поворота. Методологическая глубина и изобретательность, связь с признанными постколониальными исследователями, такими как Г. Спивак и Д. Чакрабартти, могут касаться отдельно взятого автора, но могут и не иметь к нему никакого отношения. Поэтому единственным общим критерием рамок постколониального поворота является критика действия колониальной власти, остальные принципы можно добавлять в зависимости от описания развития творчества того или иного автора или историографического направления.

Нестерович Юрий Владимирович. К оптимизации понятий электронного издания и электронной публикации (критический документологический анализ ГОСТ Р 7.0.95-2015).

Подвергается критическому анализу ГОСТ 7.0.95-2015 в аспекте наличия логико-эпистемологических несоразмерностей и формирования понятийного аппарата издательского дела и электронного документооборота и книговедения. Исходя из методологической стратегии координации понятий на основе междисциплинарной проекции корреляции базисных понятий, рассматривается соотношение понятий, обозначаемых терминами «электронный документ», «электронное издание», «состав, структура, содержание электронного издания», предложены основания для оптимизации понятий, терминованных как «опубликованный электронный документ», «электронная публикация».

Кондрашин Виктор Викторович. Актуальные темы документального освещения социально-экономической истории России и Республики Беларусь.

В статье рассмотрены достижения и перспективные темы совместной работы архивов Беларуси и России по изданию документов, освещающих социально-экономическое развитие Беларуси.

Кулинок Святослав Валентинович. О совместной издательской деятельности Национального архива Республики Беларусь и архивных учреждений России в XXI веке: достижения и перспективы.

В статье рассматривается вопрос взаимодействия Национального архива Республики Беларусь с российскими архивами в области издательской деятельности. В результате более чем 20-летнего сотрудничества увидели свет около 30 сборников документов и более 10 иных изданий. В настоящее время реализуется фундаментальный серийный проект по восстановлению народного хозяйства БССР в первые послевоенные годы. Запланирована подготовка ряда сборников документов по оккупационной политике нацистов.

Штукова Светлана Викторовна. Архив и архивисты Центрального исторического архива в городе Ленинграде в годы блокады Ленинграда.

В статье освещена деятельность сотрудников Центрального исторического архива в Ленинграде в годы блокады города (1941—1944).

Кюнг Павел Алексеевич. Проблемы комплектования Архивного фонда Российской Федерации электронными аудиовизуальными и научно-техническими документами.

В статье кратко анализируются основные проблемы, связанные с комплектованием государственных архивов электронными аудиовизуальными и научно-техническими документами. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью включения в состав Архивного фонда Российской Федерации и сохранения электронных аудиовизуальных и научно-технических документов, которые образуются в деятельности организаций и граждан и являются частью историко-культурного наследия Российской Федерации.

Шумейко Михаил Федорович. О взаимодействии архивов, музеев, библиотек в деле сохранения социальной памяти человечества.

В статье рассмотрены актуальные проблемы взаимодействия архивов, музеев, библиотек в деле сохранения социальной памяти человечества.

Рындин Сергей Николаевич. Положение иностранных военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны (*по материалам Национального исторического архива Беларуси и Российского государственного военно-исторического архива*).

В статье рассматриваются трудовая занятость и условия жизни иностранных рабочих, пребывавших на территории белорусских губерний в период Первой мировой войны. Указывается, что значительная часть иностранных рабочих в этот период состояла из германских и австро-венгерских военнопленных. Изучается создание рабочих рот, дружин, батальонов из военнопленных и применение их труда на фронте и в экономике прифронтовых губерний, исследуется реализация центральными и местными властями норм международных конвенций об условиях содержания военнопленных.

Поздняков Валерий Семенович. Материалы по истории архивов Беларуси. Ч. 1. Берестейское воеводство (XVI в.).

В статье публикуются документы 1525—1596 гг., в которых содержатся сведения об архивах разных слоев населения Берестейского воеводства.

SUMMARY

Michail Shumeyka. Types, classes and forms of electronic publications of documents.

The article examines the current problems of electronic publication of documents in Belarus after 1991. It is concluded that the majority of document publications presented on the Internet cannot be classified as electronic. Those of them that have signs of electronic publications belong to popular science publications. Scientific and educational types are represented by single publications. In terms of type of publications, thematic ones (mainly of an anniversary nature) and publications of documents of one person dominate. Stock-by-stock and editions of documents of the same type are almost not represented. The form of presentation is exhibitions and presentations that are not typical for traditional publications.

Siarhei Zhumar, Yury Niestiarovich. Essay on the correlation of the concepts of authenticity and originality of a historical document, an official (operational) document and an archival document: an interdisciplinary projection.

Within the framework of the interdisciplinary projection of the formation of basic concepts, concepts termed «authentic, genuine document» and those adjacent to them in terms of terminology are optimized. It is clarified that when forming them, one should distinguish between the reliability and adequacy of the information provided by the document. Optimization of concepts and terms is correlative to the emerging system of general theoretical knowledge of document management. In it, the characteristics of concepts used in practical activities are not in demand when developing basic theoretical schemes if they give rise to contradictions. Based on semantic analysis, optimization of termination is proposed: replacing the first term element in the term «authentic document copy» with «similar». It is considered productive to introduce the concept of the original of an archival document, to distinguish originals and copies by copies of an archival document, to distinguish between archival originals and originals.

Vladimir Kozlov. Modern archival periodicals: in the arms of freedom and necessity.

In a report made at the All-Russian round table «Historical and archival periodicals (on the 100th anniversary of the publication of the first issue of the journal “Arkhivnoye Delo”»), held on March 22, 2023 at the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (Moscow), modern problems of Russian archival periodicals are analyzed.

Siarhei Yelizarau. Executive committees of local Soviets of the BSSR in 1943—1945: organizational structure.

The article deals with the issues of reorganization of the structure of executive committees of local Soviets of Workers' Deputies / People's Deputies of the Belarusian SSR in 1964—1984. There are three main directions of these reorganizations: reorganization of the agricultural management system; creation of new or adjustment of already existing structural divisions of executive committees related to the economic, legal and social spheres; the abolition or transformation of some departments and departments of regional executive committees into production and their removal from the direct subordination of executive committees. It is noted that the organizational reorganizations of the local apparatus were of a limited nature and were aimed at adapting the structure of local authorities and management to the growth of the volume of tasks being solved for the socio-economic development of regions in conditions of preserving the existing vertical of power and the existing written and unwritten rules within it. The author failed to identify any «pre-perestroika» sentiments on this issue among the local Soviet and party leadership vertical.

Elena Makarenko. Creation of a scientific reference apparatus for the documents of the Great Patriotic War period in the National Archives of the Republic of Belarus.

The article discusses the history of a system of scientific reference apparatus for the documents of the Great Patriotic War period in the National Archives of the Republic of Belarus, its prime and secondary elements are identified; the organizational, methodological and practical measures carried out by the archive in order to expand access and improve the efficiency of the use of archival documents on this issue are characterized.

Siarhei Novikaŭ. The Nazi genocide of the Belarusian people in reflection of documentary series «Without a statute of limitations».

For the first time, the author explores the source research potential of the fundamental documentary publication «Without a statute of limitations. Belarus». On the basis of little-known sources and historical facts, a general picture of the terrible tragedy of the civilian population, which ended up in the occupied territory of the Byelorussian SSR during the Great Patriotic War, has been recreated. The main means, forms and consequences of the Nazi occupation policy for the mass destruction of the civilian population of Belarus, including local and deported Jews from European countries, are shown. Documentary data on the scale of the Nazi genocide of the civilian population in a cross-section of modern regions and districts, information on the number of people killed in specific settlements, are provided; and numerous crimes committed by the German occupiers and their helpers on the territory of the BSSR in 1941—1944 are revealed based on documentary facts.

Aliaksei Kudrytski. Legal belarusian-language press in Western Belarus on Spanish Civil War (1936—1939).

During the Spanish Civil War, despite of Second Polish Republic censorship, legal Belarusian-language periodical press in Western Belarus active covered the course of the war and it several aspects. Materials about the war were published in next newspapers: «Bielaruskaja krynica», «Chryścijanskaja Dumka», «Bielaruskaja dola», «Bielaruski front», «Naša Vola», «Novy Ślach», «Rodny kraj» I «Ślach moladzi». This newspaper described the war with several optics: preface to next world war, conflict of democracy and fascism, liberating of non-spanish people, and through the position of sides of the conflict to Church and religion. This newspapers hasn't gotten same position in the conflict, some papers supported republican side, some were neutral, some supported nationalists. In all, materials of legal Belarusian-language newspapers there are a valuable source about attitude of different branches of the Belarusian national movement to Spanish Civil War.

Igor Barinov. Boleslav Brezhgo: the most mysterious Belarusian historian.

The article, based on archival and published data, recreates the biography of the Belarusian and Latvian historian Boleslav Brezhgo (1887—1957).

Yury Petukh. Documents of Fund 249 of the National Archives of the Republic of Belarus as a source on the history of the formation and development of the system of state archives of Belarus in 1918—1938.

The article, timed to coincide with the centenary of the archival industry in Belarus, examines the process of formation and development of the system of state archives of Belarus through the prism of materials from the fund 249 of the National Archives of the Republic of Belarus (Department for Archives and Records Management of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus) in the period from 1918 to 1938. The characteristics of the main types of documents deposited in the fund are given, as well as an analysis of the most important of them.

Ilya Liutarevich. The US National Archives in the Documentation and Archival Management System.

The article reveals the role and place of the US National Archive in the system of documentation and archival management. The author focuses on the key events that determined the path of development of the National Archive. The conclusion about the current state of the National Archives of the USA and its influence on the development of the system of records management and archival business is drawn and the author focuses on the need for further study of the activities of the National Archives of the USA in order to borrow and introduce the most effective methods of working with documents in the archival system of the Republic of Belarus, taking into account the national specifics.

Volha Ivanova, Andrei Latushkin. Method of archival reconstruction in archiving and in scientific research.

In the article, the method of archival reconstruction is considered as fundamental in archival science. This allows us to formulate its main theoretical propositions into a single whole. At the same time, the authors do not deny the possibility of considering archival reconstruction as a process or a set of methods. On the basis of thorough historiography, the modern tasks of the method of archival reconstruction for Belarusian archivists and scientists are formulated, as well as the characteristics of possible objects, types and stages of archival reconstruction are given. The application of the method of archival reconstruction is illustrated by the example of foreign and domestic archives of the Middle Ages and Modern times.

Siarhei Zlobin. Framework for the post-colonial turn in historiography.

The post-colonial turn is a very blurred whole in modern historiography. Therefore, it seems particularly relevant to find some general principles, on the basis of which it would be possible to attribute a researcher or historiographic direction to the postcolonial turn. However, it is difficult to establish general principles other than a critique of the negative nature of colonial power due to the wide variety of research strategies within the framework of the post-colonial turn. Methodological depth and ingenuity, connection with recognized post-colonial writers such as G. Spivak and D. Chakrabarty, may concern a single author, but may not have anything to do with him. As a result, the only general criterion for the framework of the post-colonial turn is criticism of the actions of the colonial authorities, other principles can be added depending on the description of the development of the work of a particular author or historiographic trend.

Yury Nietsiarovich. To optimization of the concepts of electronic edition and electronic publication (critical documentary analysis of GOST R 2.05-5).

A critical analysis of GOST 7.0.95-2015 is given. An interdisciplinary projection of the correlation of basic concepts is given, the correlation of concepts denoted by the terms «electronic document», «electronic publication», «composition, structure, content of an electronic publication» is considered, grounds are proposed for optimizing the concepts terminating «published electronic document», «electronic publication».

Viktor Kondrashin. Current topics in documentary coverage of the socio-economic history of Russia and the Republic of Belarus.

The article discusses the achievements and promising topics of joint work of the archives of Belarus and Russia to publish documents covering the socio-economic development of Belarus.

Sviataslaŭ Kulinok. On joint publishing activities of the National Archives of the Republic of Belarus and archival institutions of Russia in the 21st century: achievements and prospects.

The article examines the issue of interaction between the National Archives of the Republic of Belarus and Russian archives in the field of publishing activities. As a result of more than 20 years of cooperation, about 30 collections of documents and more than 10 other publications were published. Currently, a fundamental serial project is being implemented to restore the national economy of the BSSR in the first post-war years. It is planned to prepare a number of collections of documents on the Nazi occupation policy.

Svetlana Shtukova. Archive and archivists of the Central Historical Archive in the city of Leningrad during the Siege of Leningrad.

The article highlights the activities of employees of the Central Historical Archive in Leningrad during the siege of the city (1941—1944).

Pavel Kyung. Problems of completing the Archive Fund of the Russian Federation with electronic audiovisual and scientific and technical documents.

The article briefly analyzes the main problems associated with completing of state archives with electronic audiovisual and scientific and technical documents. The relevance of the issue is due to the need to include in the Archival Fund of the Russian Federation and preserve electronic audiovisual and scientific and technical documents that are generated in the activities of organizations and citizens and are part of the historical and cultural heritage of the Russian Federation.

Michail Shumeyka. On the interaction of archives, museums, and libraries in preserving the social memory of humanity.

The article examines current problems of interaction between archives, museums, and libraries in preserving the social memory of humanity.

Sergey Ryndin. The status of foreign prisoners of war on the territory of the belarusian provinces during the First World War (*based on the materials of the National Historical Archive of Belarus and the Russian State Military Historical Archive*).

The article examines the employment and living conditions of foreign workers who stayed in the territory of the Belarusian provinces during the World War I. It is indicated that a significant part of the foreign workers during this period consisted of German and Austro-Hungarian prisoners of war. The author studies the formation of working companies, squads, battalions of prisoners of war and the use of their labor at the front and in the economy of frontline provinces, examines the implementation by central and local authorities of the norms of international conventions on the conditions of detention of prisoners of war.

Valery Pazdniakoŭ. Materials on the history of the archives of Belarus. Part 1. Beraste Vaivodship (XVI century).

The article publishes documents of 1525—1596, which give information about the archives of different strata of the population of the Beraste Vaivodship.

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ**«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні ў розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументазнаўства і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя работы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляюцца Вышэйшай атэстацыйнай камісіяй Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года адукацыі пасля ВНУ (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць асабістую адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю раней апублікаваных артыкулаў ці артыкулаў, прынятых да публікацыі іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонага савета, аддзела, кафедры з месца працы (вучобы) з рэкамендацый артыкула да публікацыі.
7. Замест выпіскі з пратакола дапускаецца прадстаўленне дзвюх рэцэнзій спецыялістаў у той галіне ведаў, у якой праводзілася даследаванне, якія маюць вучоную ступень доктара і (або) кандыдата навук. Рэцэнзіі павінны змяшчаць рэкамендацыі артыкула да публікацыі.
8. Для публікацыі дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрэбны.
9. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з указаннем даты, таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы (вучобы), пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (e-mail публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычная электронная версія артыкула.
10. Да артыкула прыкладаецца анатацыя на беларускай (рэзюмэ), рускай (рэзюмэ) і англійскай (summary) мовах аб'ёмам 100—150 слоў.
11. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвалы, палі верхняе і ніжняе 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
12. Спасылкі на крыніцы афармляюцца ў адпаведнасці з главай 3 Інструкцыі аб парадку афармлення дысертацыі, дысертацыі ў выглядзе навуковага даклада, аўтарэферата дысертацыі і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.02.2014 № 3 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.08.2022 № 5).
13. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца да публікацыі ў штогодніку наступнага года.

---

14. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за публікацыю навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 89/1, каб. 44,
220002, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
arheograph@belniidat.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

<i>М. Ф. Шумейко.</i> Типы, виды и формы электронных публикаций документов.....	5
С. В. Жумарь , <i>Ю. В. Нестерович.</i> Очерк по корреляции понятий аутентичности и подлинности исторического документа, служебного (оперативного) документа и архивного документа: междисциплинарная проекция.....	28
<i>В. П. Козлов.</i> Современная архивная периодика: в объятиях свободы и необходимости.....	40
<i>С. А. Елизаров.</i> Организационная структура исполкомов местных советов БССР (1964—1984 гг.).....	45
<i>Е. А. Макаренко.</i> Создание научно-справочного аппарата к документам периода Великой Отечественной войны в Национальном архиве Республики Беларусь.....	53
<i>С. Я. Новікаў.</i> Нацысцкі генацыд беларускага народа ў адностраванні дакументаў серыі «Без тэрміну даўнасці».....	72
<i>А. С. Кудрыцкай.</i> Легальная беларускоязычная печать Западной Беларуси о гражданской войне в Испании (1936—1939).....	82
<i>И. И. Баринюв.</i> Болеслав Брежго: самый загадочный белорусский историк.....	90
<i>Ю. Н. Петух.</i> Документы фонда 249 Национального архива Республики Беларусь как источник по истории становления и развития системы государственных архивов Беларуси в 1918—1938 гг.	102
<i>И. В. Лютаревич.</i> Национальный архив США в системе управления документацией и архивным делом.....	110
<i>В. С. Іванова, А. М. Латушкін.</i> Метад архіўнай рэканструкцыі ў архіўнай справе і навуковых даследаваннях.....	118
<i>С. С. Злобин.</i> Рамки постколониального поворота в историографии.....	133
<i>Ю. В. Нестерович.</i> К оптимизации понятий электронного издания и электронной публикации (критический документологический анализ ГОСТ Р 7.0.96-2015).....	141

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АРХИВЫ — ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

<i>В. В. Кондрашин.</i> Актуальные темы документального освещения социально-экономической истории России и Республики Беларусь.....	155
<i>С. В. Кулинок.</i> О совместной издательской деятельности Национального архива Республики Беларусь и архивных учреждений России в XXI веке: достижения и перспективы.....	159
<i>С. В. Штукова.</i> Архив и архивисты Центрального исторического архива в городе Ленинграде в годы блокады Ленинграда.....	164

<i>П. А. Кюнг.</i> Проблемы комплектования Архивного фонда Российской Федерации электронными аудиовизуальными и научно-техническими документами.....	168
<i>М. Ф. Шумейко.</i> О взаимодействии архивов, музеев, библиотек в деле сохранения социальной памяти человечества.....	174
<i>С. Н. Рындин.</i> Положение иностранных военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны (<i>по материалам Национального исторического архива Беларуси и Российского государственного военно-исторического архива</i>)	180
ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ	
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 1. Берасцейскае ваяводства (XVI ст.)	186
Рэзюмэ.....	199
Резюме.....	204
Summary	209
Правілы для аўтараў.....	213

CONTENTS

ARTICLES

<i>M. Shumeyka</i> . Types, classes and forms of electronic publications of documents.....	5
S. Zhumar , <i>Yu. Nietsiarovich</i> . Essay on the correlation of the concepts of authenticity and originality of a historical document, an official (operational) document and an archival document: an interdisciplinary projection	28
<i>V. Kozlov</i> . Modern archival periodicals: in the arms of freedom and necessity	40
<i>S. Yelizarau</i> . Executive committees of local Soviets of the BSSR in 1943—1945: organizational structure.....	45
<i>E. Makarenko</i> . Creation of a scientific reference apparatus for the documents of the Great Patriotic War period in the National Archives of the Republic of Belarus	53
<i>S. Novikaŭ</i> . The Nazi genocide of the Belarusian people in reflection of documentary series «Without a statute of limitations»	72
<i>A. Kudrytski</i> . Legal belarusian-language press in Western Belarus on Spanish Civil War (1936—1939).....	82
<i>I. Barynaŭ</i> . Boleslav Brezhgo: the most mysterious Belarusian historian	90
<i>Yu. Petukh</i> . Documents of Fund 249 of the National Archives of the Republic of Belarus as a source on the history of the formation and development of the system of state archives of Belarus in 1918—1938.....	102
<i>I. Liutarevich</i> . The US National Archives in the Documentation and Archival Management System.....	110
<i>V. Ivanova, A. Latushkin</i> . Method of archival reconstruction in archiving and in scientific research.....	118
<i>S. Zlobin</i> . Framework for the post-colonial turn in historiography	133
<i>Y. Nietsiarovich</i> . To optimization of the concepts of electronic edition and electronic publication (critical documentary analysis of GOST R 2.05-5)....	141

**MATERIALS OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«ARCHIVES — INSTITUTE OF HISTORICAL MEMORY»**

<i>V. Kondrashin</i> . Current topics in documentary coverage of the socio-economic history of Russia and the Republic of Belarus.....	155
<i>S. Kulinok</i> . On joint publishing activities of the National Archives of the Republic of Belarus and archival institutions of Russia in the 21st century: achievements and prospects.....	159
<i>S. Shtukova</i> . Archive and archivists of the Central Historical Archive in the city of Leningrad during the Siege of Leningrad	164
<i>P. Kyung</i> . Problems of completing the Archive Fund of the Russian Federation with electronic audiovisual and scientific and technical documents.....	168

<i>M. Shumeyka</i> . On the interaction of archives, museums, and libraries in preserving the social memory of humanity.....	174
<i>S. Ryndin</i> . The status of foreign prisoners of war on the territory of the belarusian provinces during the First World War (<i>based on the materials of the National Historical Archive of Belarus and the Russian State Military Historical Archive</i>).....	180
PUBLICATIONS OF DOCUMENTS	
<i>V. Pazdniakoŭi</i> . Materials on the history of the archives of Belarus. Part 1. Beraste Vaivodeship (XVI century)	186

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 24

Рэдактары: *Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Карэктар *А. А. Мяцеліца*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 14.11.2023. Фармац 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 12,79. Улік.-выд. арк. 14,03.
Тыраж 100 экз. Зак. 8.

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы
і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/229 ад 24.03.2014.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.

